

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ СТРАН АЗИИ И ЕВРОПЫ**

На правах рукописи

ВБД:9:343.32+327 (575)

ТКБ: 63.3 +67.99(2)93:66.4(5)

Н-19

Назаров Умед Косимович

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ДВИЖЕНИЯ
«ТАЛИБАН» И БЕЗОПАСНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(1991-2021 гг.)**

Специальность: 07.00.03 - Всеобщая история

(соответствующего периода)

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук,

Искандаров Косимшо

Душанбе – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список принятых сокращений	3-4
Введение	5-22
ГЛАВА 1. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АФГАНИСТАНА В КОНЦЕ XX ВЕКА	
1.1. Политико-религиозные и идейные предпосылки формирования «Талибан» ¹ в Пакистане	23-36
1.2. Организационные основы военно-политической структуры движения «Талибан».....	37-58
ГЛАВА 2. ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИИ ТАЛИБАНИЗАЦИИ АФГАНИСТАНА НА СТАБИЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	
2.1. Отношения приграничных государств Центральной Азии с непризнанным Исламским эмиратом Афганистана в 1996-2001 и 2021 гг.....	59-78
2.2. Интернационализация движения «Талибан» радикальными силами из Центральной и Южной Азии в конце XX и начале XXI вв.....	79-99
ГЛАВА 3. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТОВ ИНТЕГРАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ВО ВТОРОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ, МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И РОЛЬ ДВИЖЕНИЯ «ТАЛИБАН»	
3.1. Модели интеграции Центральной Азии и Афганистана в контексте реализации геополитических концепций внешних акторов.....	100-122
3.2. Таджикско-афганские отношения после прихода движения «Талибан» к власти в 1996-2001 и 2021 гг.....	123-140
Заключение	141-150
Рекомендации по практическому использованию результатов исследований	150-152
Список использованных источников и литературы	153-176
Публикации по теме диссертации	177-179
Приложение	180-181

---

¹ запрещённая террористическая в РФ организация. Здесь и далее по тексту данное выражение излагается именно под этим законодательным ракурсом. *прим. диссертанта*

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ДТ – Движение «Талибан» (запрещённая террористическая в РТ организация)

ЕАЭС – Евразийское экономическое сообщество

ИДУ – Исламское движение Узбекистана (запрещённая террористическая в РТ организация)

ИГ (ВХ) - Исламское государство велят-е Хорасан (запрещённая террористическая в РТ организация)

ИГА – Исламское Государство Афганистан

ИГИЛ - Исламское государство Ирака и Леванты (запрещённая террористическая в РТ организация)

ИГ-ВХ – Исламское государство – Велаяте Хорасан (запрещённая террористическая в РТ организация)

ИДВТ – Исламское движение Восточного Туркестана (запрещённая террористическая в РТ организация)

ИОА - Исламское общество Афганистана

ИПА - Исламская партия Афганистана

ИПА (Х) - Исламская партия Афганистана (крыло Ю.Халеса)

ИПТ - Исламская партия Туркестана (запрещённая террористическая в РТ организация)

ИРА – Исламская Республика Афганистан

ИРИ – Исламская Республика Иран

ИРП – Исламская Республика Пакистан

ИСОА – Исламский союз освобождения Афганистана

КНР – Китайская Народная Республика

МООНСА - Миссия ООН по содействию Афганистану

МТО - Международные террористические организации

НДПА- Народно-демократическая партия Афганистана

НИДА - Национально-исламская партия Афганистана

НАТО – Североатлантический альянс

ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОКСВ – Ограниченный контингент советских войск

ОФТА (САФЗО) - Организация федаинов трудящихся Афганистана

ООН – Организация Объединённых наций

ОДКБ – Организация Договора о коллективной безопасности

ПИЕА – Партия исламского единства Афганистана

РФ – Российская Федерация

РТ - Республика Таджикистан

РУ - Республика Узбекистан

РОТА (СОЗО) – Революционная организация трудящихся Афганистана

СМИ – Средства массовой информации

СВМДА – Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии

СНГ – Содружество Независимых Государств

США – Соединённые Штаты Америки

ТТП – Техрики талибани Покистон (запрещённая террористическая в РТ организация)

ТЭО ПИВ - Партия Исламского возрождения (запрещённая террористическая в РТ организация)

ХИТ - Хизб-ут-тахрир (запрещённая в РТ организация)

ШОС – Шанхайская организация сотрудничества

ЦА – Центральная Азия

CASA-1000 – Cenral Asia -South Asia - 1000

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Афганистан в современных условиях превратился в дугу нестабильности, в источник перманентных кризисных проявлений в регионе, проигнорировав общепринятый тезис об окне возможностей ввиду его географического расположения, человеческого потенциала и транзитного коридора между Центральной и Южной Азией.

Актуальность исследования обоснуется, прежде всего тем, что различные аспекты деятельности и степени воздействия движения «Талибан» на обстановку в постсоветских государствах, в т.ч. современного Таджикистана до сих пор оставалась недостаточно изученными. Слабая изученность особенностей функционирования данного террористического объединения, представляющего экзистенциальную угрозу государствам, предопределила выбор темы настоящего исследования. Это одна из первых попыток в РТ анализа становления, эволюции, трансформации и возрождения движения «Талибан» за последние 30 лет с конца XX в. Своей диссертационной работой мы попытались восполнить этот пробел.

Представленная работа актуализируется и подтверждается следующими факторами:

1. Базируясь на первоисточниках и солидной научной базе, исследовать антитезис о «пуштунском большинстве» или титульной нации, который краеугольным камнем служит для всех без исключений племенных образований с момента афганского государства в 1747 году. В отечественной и зарубежной исторической литературе весьма фрагментарно освещены вопросы, связанные со становлением и развитием государственного управления, участием в нём таджиков Афганистана, а также с влиянием организаций террористической направленности на развитие событий соседних стран.

2. Актуальность темы исследования обусловлена ещё и тем, что талибовский Афганистан не самостоятельный субъект международных

отношений, а плод совместной комбинации геополитических центров, использующих воззрения радикального толка для регионального господства. Соответственно, анализ этих форм и проявлений будет способствовать более глубокому раскрытию методов управления талибов, как источника угрозы в современных условиях.

3. Геополитическая ситуация в мире и в регионах стремительно меняется. Обостряется конкуренция и противостояние глобальных игроков за сферы влияния. Центральная Азия в целом, и Таджикистан в частности, продолжая оставаться географически важным регионом, исторически и традиционно являются объектами повышенной заинтересованности геополитических акторов, что актуализирует исследование данной проблемы.

4. Вопреки обещаниям и после возвращения к власти в 2021 г. «Талибан» не прекратил отношения с такими террористическими организациями как «Исламское государство – Виляете Хорасан», «Аль-Каида», «Ансорулло», «Исламское движение Узбекистана», «Исламское движение восточного Туркестана» и др., количество боевиков которых превышает 8 тысяч человек [73, с. 377]¹. Исходя из этого, стратегические цели и сущность режима Талибан нуждается в дополнительном исследовании на основе новых материалов и исследовательских подходов.

5. В научных кругах и экспертном сообществе нет единого мнения относительно угроз, исходящих из Афганистана, в частности «Талибана», существует необходимость научного анализа и доказательство того, что идеология «Талибан» представляет серьёзную опасность в том, что в ней таджики рассматриваются лишь в рамках патрон-клиентских отношений, в исторической перспективе как часть халифата. В условиях независимости Республики Таджикистан, когда стал возможным доступ к архивным материалам необходимо исследовать те из них, которые относятся к деятельности международных

---

¹ Раҳимзода, Р.Ҳ. Афғонистон: воқеият ва таҳлилҳо [Матн] / Р.Ҳ. Раҳимзода. – Душанбе, 2022. – С.377.

террористических организаций (МТО) и афганском направлении внешней политики РТ.

Вышеизложенное доказывает актуальность, важность, злободневность, а также научную ценность и практическую значимость исследуемой темы.

Степень научной разработанности темы. В таджикской и зарубежной историографии проблема становления военно-политических организаций радикального толка, в частности движения «Талибан» в связи с региональной безопасностью Центральной Азии в новой и новейший период, не стала предметом специального исследования. Вместе с тем, различные аспекты данного вопроса освещены в трудах как отечественных, так и зарубежных авторов.

Для удобства обзора основных исследований по рассматриваемой теме считаем целесообразным, разделить их на три группы.

В первую группу мы включили труды отечественных учёных. Вопросы формирования исламских организаций в странах Среднего Востока, в особенности в Афганистане затронуты в исследованиях современных историков: Х. Назарова [65; 151; 152], Ш. Имома [46], К. Искандарова [48; 49; 50; 51; 52; 146; 180; 181; 209; 210; 211; 212; 213; 214], Р. Махмадшоева [149], Р. Шарифова [169], Х. Саидова [79; 80; 234; 235], М. Сафолзода [162], М.Гульджанова [39], Н. Мирзоева [61; 220], Р. Нуриддинова [68], Г. Майтдиновой [59; 60], Латифов Дж. [58], К. Расулиёна [72], Г. Иброхимовой [45], Р. Давлатова [145], Н. Назирова [155], К. Кудратова [56], Д. Кодирова [147], журналистов - С. Мирзорахматова, Б. Хамдамова [62] и др.

Значимый вклад в изучение истории Афганистана на современном этапе, в том числе деятельности террористической организации «Талибан» внесли доктор исторических наук К. Искандаров и представители таджикской школы афганистики.

В трудах таких таджикских учёных, как Б. Гафуров [35; 36; 37; 38; 40], Р. Рахимзода [73], И. Рахматов [159], Н. Амиршохи [143], К.

Абдуллаев [25], А. Рахнамо [74], Н.С. Раджабов [158], Н. Сангинов [82; 83], Ш. Ризоён [160], В. Дубовицкий, Д. Назриев [43] и др. исследованы различные вопросы исторического Хорасана и деятельность религиозных организаций в Афганистане. Из более поздних авторов стоит отметить работу Х. Шарифова «Таджики за рубежом: история расселения и нынешнее положение» [93], где нашло отражение современное состояние таджиков в странах Средней Азии, России, Афганистане, Иране, Пакистане, Индии, Китае, Европы и Америки.

Другой источник, комментирующий положение таджиков за рубежом - книга М. Бабаханова «История таджиков мира» [32], в которой рассматриваются состояние таджиков в 11 странах мира.

Во вторую группу вошли труды учёных из Афганистана. Наиболее значимыми для данной работы являются труды, М.Г. Губара [101; 102], М.С. Фарханга [134], Х. Халилулло [135], Г. Мухаммади [118], Ф. Котиб [107], А. Абдурахмон [98], К. Фахим [167], Ш. Ориёнфар [122], А. Ориёнфар [120; 121], А. Навбахор [223], С. Муроди [63; 113; 114; 115; 116; 117], Р. Маъмун [109; 110; 111], З. Танин [132], Р.Д. Спанто [130; 131], Р. Рахин [194], М. Жубал [104], Дж. Комгор [106], А. Козим [105], М. Дурандеш [103], Г. Довари [42], А. Беги [100], С. Бахо [99], А. Сокиб [197], В. Мужда [112; 122], М. Трештвол [166], Ф. Тадайонруди [165], Т. Шарон [137; 138], А. Шерзод [139], У. Хашматулло [168] и других авторов, в которых освещены некоторые исторические аспекты развития Афганистана, становления и развития государственного управления Афганистана на современном этапе.

В. Мужда - один из авторов, который непосредственно работал в составе МИД ДТ в 90-е годы опираясь на дипломатическую переписку, договорно-правовую базу непризнанного эмирата «Талибан» исследует внутреннюю структуру и мировоззренческие предпочтения руководства старшего и среднего звена ДТ [112]. Однако, в работе В. Мужда отмечается субъективность суждений и возвеличивание места и роли ДТ на политической авансцене, попытки выставить его в качестве

внутриафганского субъекта политики, что по нашему мнению не соответствует реальной действительности.

Д.Р. Спанто - бывший глава МИД и секретарь Совета безопасности в своей научной работе наоборот акцентирует внимание на пакистанские корни происхождения талибов, преувеличивая роль Индии в урегулировании афганского конфликта. При этом, взаимоотношениям Таджикистана и Афганистана, месту и роли Президента РТ Эмомали Рахмона по всему спектру вопросов с ИРА Д.Р. Спанто отдаёт приоритетное значение, что также подтверждается результатами работы автора диссертации [131].

Третью группу исследовательской литературы составляют труды советских, российских и учёных из постсоветских стран, таких как Р. Ахрамович [144], А. Болдырев [34], А. Снесарев [30; 86], С. Давыдов [204], В. Евсеев [206], И. Рейснер [76; 77; 228; 229], П. Алексеенков [28], В. Пластун, В. Андрианов [69], И. Сафранчук [238], В. Белокреницкий [21; 31], Р. Сикоев [84], В. Снегирёв [85], Ш. Таджбахш [90; 238], О. Карпачева [216], А. Захватов [207], Е. Королёв [184], А. Князев [53; 183], Л. Кудасов [217], Л. Кучерова [57], А. Лавров [148], А. Радугин [71], Н. Мендекович [186], О. Митрофаненкова [187], В. Коргун [55], В. Бойко [33], С. Акимбеков [27], А. Тешебаева [241], А. Смагулов [164], В. Юдин [95] и других авторов, освещающих различные аспекты истории и афганской современности.

Диссертант по роду службы в г. Мазар-и Шарифе ИРА встречался с В. Андриановым, генеральным консулом РФ, соавтором книги «Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики», беседовал с ним о научной фактуре книги и разделяет позицию авторов относительно причастности представителей иностранных государств к гибели доктора Наджибуллы с целью продвижения и окончательного решения вопроса «Пуштунистана» и других параметров общей ситуации 1992-1996 гг. в Афганистане [69].

А. Князев - специалист по Афганистану, встречался в 90-е годы с лидерами военно-политических группировок. Однако, нынешнее позиционирование этого автора в телеграм-канале «Восточное ревью», на научных конференциях, серии интервью СМИ и публикациях направлено на популяризацию тезиса о том, что талибы - договороспособный субъект политики и этому нет альтернативы, такая позиция диссонирует с мнением членов экспертного сообщества Таджикистана, к числу которых относится и автор диссертации.

Позиция Лаврова А.Ю., которую разделяет соискатель заключается в том, что идеи талибов, подвергшиеся влиянию идеологии исламских политических организаций из Египта, Пакистана и Саудовской Аравии оказали воздействие на общественно-политическую ситуацию в ныне независимых государствах Центральной Азии, сохранивших тесные политические, экономические и культурные связи с Россией [148].

С. Акимбеков со знанием дела подытоживает истинные причины этнического противостояния в Афганистане, утверждая, что англичане приложили немало усилий для того, чтобы территории, расположенные к северу Гиндукуша, населённые таджиками, узбеками и хазарейцами, стали частью пуштунского государства [27]. Между тем, в приведённой карте №2 - схеме проживания основных этносов Афганистана (С.9) [27, с. 9] он не отразил полностью места проживания таджиков в 34 провинциях, в частности, провинции Балх и Герат с преимущественно таджикским населением, они размещены только на севере, что не соответствует действительности. Акимбеков С.М. в своей работе практически не ссылаясь на таджикских афгановедов, проигнорировал их исследования [27, с. 388].

В российской афганистике представлены два противоречащих друг другу научные позиции по Афганистану на современном этапе. Первая позиция – это сбалансированная картина ситуации с учётом противостояния политической и вооружённой оппозиции движению «Талибан», место и роли непустунских народов, что находит в какой-то степени позитивный отклик

в таджикском афгановедении, в том числе, в настоящей работе соискателя. И вторая, основанная на возвеличивания подхода движения «Талибан» и его руководителей, ни как представителей МТО, находящиеся в санкционных списках ООН, а как «законных властей» Афганистана.

Наиболее фундаментальное исследование, которое базируется на твёрдом знании афгано-пакистанской проблематики и документальных материалов ДТ, принадлежит В. Белокреницкому и Р. Сикоеву [31].

В четвёртую группу работ вошли труды авторов дальнего зарубежья, как из стран Востока и Запада – А. Рашида [252], Э. Багабана [172], С. Хантингтона [243], Ф. Старра [253], Ф. Фукуяма [242], Х. Аббаса [248], Ч. Пахлавона [123], М. Элфинстона [140], П. Сентливерса [126], П. Марсдена [251], М. Еванса [250], С. Гола [255], С. Кула [108], П. Сайкса [125] и др., в которых исследована афганская тематика.

А. Рашид в своей известной книге [252, с. 26] о талибов рассказывает в повествовательном ключе, в большей степени опираясь на личные наблюдения, отдаляясь от научной трактовки вопроса. Его умозаключения о пребывании в РТ в 90-х г. отражённые в настоящей книге не выдерживают критики и трудно поддаются перепроверке через других источников.

Х. Аббас повторный приход талибов к власти аргументирует противоборством племён – дуррани и гильзаи, игнорируя других политических игроков, обоснуя это труднопроверяемой сделкой А. Гани со своими соплеменниками в августе 2021 г. [248] Не раскрытие источников информации, ссылка на наблюдения личного характера в какой-то степени снижают научно-аналитическое значение исследования.

Автор книги «Доклад об Кабульском султанате» (Гузориши салтанати Кобул) М. Элфинстон в своих записках впервые в истории, называет страну пуштунов – Афганистаном с включением Пешаварского, Кабульского, Кандагарского и Гератского ханств, то есть в пределах 12 % нынешней территории [185]. В первой декаде 19 века Шуджо приобрёл право у Британской Индии отречься от Пешавара,

захватить Балх – столицу исторической Бактрии, преимущественно с таджикским населением [244].

Поэтому исследователи М. Губар, М.С. Фарханг, и в особенности, А. Хабиби допустили в угоду пуштунской гегемонии фальсификацию фактов, приписав таджикские династии и государствообразующие образования, такие как Каянидов, Греко-Бактрию, Кушанидов, – к Афганистану. Эти книги пестрят идеологизмами, как «сафаридские афганцы, саманидские афганцы, бактрийцы Афганистана», что по нашему мнению, не имеют с учётом исторической объективности, научного обоснования [101].

Таким образом, изучение научной литературы по исследуемой теме показывает, что до настоящего времени в отечественной историографии нет специального диссертационного исследования, посвящённого анализу истории возникновения и трансформации движения «Талибан» в изменившихся реалиях и в контексте обеспечения безопасности в Центрально-азиатском регионе.

Связь работы с научными программами (проектами), темами. Диссертационное исследование выполнено в рамках реализации научно-исследовательского проекта отдела региональных конфликтов Института языка, литературы, востоковедения и письменного наследия АН РТ имени А. Рудаки «Политико- идеологические, религиозные движения и региональные конфликты современного Востока: цели, тенденции и последствия» на 2016-2020 гг. и проекта отдела Ближнего и Среднего Востока Института изучения проблем стран Азии и Европы НАНТ на 2021-2025 гг. на тему «Состояние и тенденции развития общественно-политической ситуации и проблем безопасности в странах Среднего и Ближнего Востока».

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ РАБОТЫ

Цели и задачи исследования: Цель данной работы заключается в исследовании исторических аспектов трансформации движения

«Талибан» в контексте региональной безопасности стран Центральной Азии.

В соответствии с целью исследования поставлены нижеследующие **задачи**:

- определение политико-религиозных и идейных предпосылок формирования движения «Талибан» в Пакистане во второй половине 80-х годов XX века;

- исследование организационных и структурных основ военно-политической организации движения «Талибан» во второй половине 90-х годов XX века;

- выявление степени и цели взаимодействия приграничных государств Центральной Азии с режимом «Талибан» в 1996-2001 гг. и после 2021 г.;

- изучение факторов формирования «исламского интернационала» под руководством движения «Талибан при участии террористических радикальных групп из государств Центральной Азии;

- анализ моделей интеграции стран Центральной Азии в контексте реализации геополитических концепций внешних акторов через призму деятельности ДТ.

- роль и место Таджикистана в урегулировании афганского конфликта;

- разработка научно обоснованных предложений и рекомендаций по предотвращению угроз, исходящих из талибовского Афганистана.

Объектом исследования является история эволюции и трансформации теократической системы, установленной ДТ в Афганистане в сентябре 1994 по август 2021 гг., как пропуштунской организации радикального толка, деятельности других МТО с 1991 по 2021 гг., функционирующих в этой стране.

Предметом исследования диссертационной работы является процесс формирования, становления образования – «Талибан», рассматриваемый в исторической перспективе - от периода установления афганского

государства до настоящего времени, с учётом литературы, принятой в научно-академическом сообществе, нормативно-правовых актов и иных материалов, которые отражают процессы становления этой террористической организации.

Хронологические рамки исследования. Исследование охватывает период с 1991 (с момента распада СССР, свержения режима доктора Наджибуллы в начале 1992) и период вплоть до 15 августа 2021 - времени захвата власти ДТ. С целью более полного раскрытия изучаемой темы мы посчитали необходимым рассмотреть также вопросы становления и развития военно-политических организаций Афганистана, т.н. «альянса 7», которые стали фундаментом для прихода к власти «Талибан», создали условия для вмешательства во внутренние дела стран ЦА посредством вынашивания террористических организаций. Поэтому хронологические рамки исследования были расширены и охватывают некоторые вопросы эволюции возрождения экстремистского бума в ЦА с учётом афганского фактора.

Теоретико-методологическая основа исследования. Теоретико-методологическую основу диссертации составляют общетеоретические и специальные научные методы познания: анализ, синтез, логический, диалектический, исторический, социологический, системно-структурный, а также метод сравнительного анализа.

Из общенаучных методов исследования нами были использованы эмпирические: наблюдение, сравнение, описание и измерение. При обосновании общих и специфичных черт в функционировании радикальных организаций, в том числе Движения «Талибан», ТЭО ПИВ с момента установления суверенитета был использован сравнительный метод, основанный на выявлении повторяемости характеристик изучаемых объектов.

В качестве научной методологии, позволяющей нам правильно выстраивать эти отношения, принимая во внимание экзистенциальные угрозы со стороны ДТ, с одной стороны, и основные геополитические

движения внешних акторов (России, США и Китая), независимые от нашей политической воли, с другой стороны, стоит выделить следующие подходы:

1. Основанный на ценностях, включая культуру и историю
2. Ситуационный подход, основанный на методе рационального инструментализма и выбора
3. Конструктивистский подход, основанный на институциональных решениях и законах.

Для Таджикистана, с точки зрения ценностного подхода (1), важно иметь общую региональную систему ценностей, которая является исторически понятной и близкой. Проект должен косвенно защищать светские основы государства, основанные на соблюдении закона и принятой Конституции, при уважении прав других этнических групп. Безопасность играет важную роль в этом подходе. (3). И, наконец, ситуационный подход (2) относителен по отношению к первым двум пунктам, поскольку он прагматичен и экономичен по своей природе. При таком подходе важную роль играют риски и инновации, связанные в большей степени с транснациональными корпорациями.

Таким образом, при написании диссертации были использованы самые различные подходы и методы, которые подробно рассматриваются в заключительной части автореферата диссертации.

Источниковедческая база исследования. Процесс анализа трансформации движения «Талибан» потребовал изучения широкого круга оригинальных первоисточников, в особенности были исследованы документальные материалы, инструкции, постановления руководство ДТ, полевые исследования, мемуары, записи бесед, статьи газет в СМИ, соглашения и договора РТ с Афганистаном, научная литература на таджикском (в т.ч. на персидском алфавите), русском и английском языках. Глубокие противоречия, возникшие в традиционном афганском обществе идеи модернистского характера, полувековой вооружённый конфликт, вторжение иностранных войск, оказавшие влияние на

формирование радикальных организаций, в т.ч. «Талибан» позволило разделить источниковедческую базу исследования на три группы.

В первую группу вошли нормативно-правовые акты РТ, регламентирующие афганское направление внешней политики. Это - Концепция внешней политики, соглашения и договора, подписанные РТ и ИРА, юридические документы, а также материалы СМИ [2; 3; 4; 5; 6]. В эту же группу включены нормативно-правовые акты ДТ: постановления непризнанного правительства «Талибан» и другие документы, регулирующие деятельность организации [20; 21; 22; 23; 24].

Во вторую группу включены доклады и послания Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли, в которых отражены важнейшие аспекты государственного управления, вопросы внутренней и внешней политики Таджикистана, в частности и в афганском направлении [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19].

Третью группу составляют полевые исследования автора в Афганистане с 2003 по 2008 гг. и с 2016 по 2018 гг., включающие записи беседы с экспертами, дипломатами, военными, политиками, сотрудниками ООН, представителями СМИ, интеллигенции и духовенством, служащими органов государственной власти, а также личные наблюдения диссертанта¹.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые проведена периодизация исторических аспектов формирования и трансформации Движения «Талибан» из рядовой подпольной организации в террористическое образование, которое по многим современным параметрам нелегитимно правит Афганистаном. Отсутствие специальных монографий по данной проблеме, а также

---

¹ Запись беседы с О. Диловаром, командующим северным фронтом ИГА, ноябрь 2000 г.; Запись бесед с З.Хотамом, лидером ОФТА (САФЗО) - Организация федаинов трудящихся Афганистана, сентябрь 1999 г.; Запись беседы с М. Довудом, командующим 6 АК МО ИРА, февраль 2004 г.; Запись беседы с Х.Кадыром, главой «Совета Машрики», август 2000; Запись бесед с А.Нуром, 2004г. Запись беседы с А.Пидромом, руководителем Национального Конгресса Афганистана, май 2018 г.; Запись беседы с М.Умаром, губернатором Кундуза, март, ноябрь 2004г.; Запись бесед с Ф.Махкамовым, послом РТ в ИРА, 2004 по 2007 гг., послом РТ в ИРИ Н.Эмомзода, февраль 2004 - июнь 2007, консулом РТ в БП ИРА С.Зухуровым, январь 2006-февраль 2008 гг., послом РТ в ИРА Ш.Имомом, многими членами консульского, дипломатического корпусов, сотрудников МНПО в ИРА. Архив автора.

изучение ее в практическом русле и эволюционном аспекте, позволяет рассматривать представленную работу как обладающую научной новизной. Теоретическая и практическая новизна работы заключается в следующем:

- определены политико-религиозные и идейно-националистические предпосылки формирования Движения «Талибан» в Пакистане во второй половине 80-х годов XX века;

- исследован процесс развития организационных основ военно-политической организации Движения «Талибан» во второй половине 90-х годов XX века;

- впервые выявлены степень и цели взаимодействия приграничных государств Центральной Азии с режимом «Талибан» в 1996-2001 гг. и в 2021 г;

- впервые в сравнительной плоскости изучены факторы формирования «исламского интернационала», в том числе при участии радикальных и террористических групп Центральной Азии, под руководством Движения «Талибан»;

- результаты полевых исследований диссертанта впервые выявили присутствие экстремистской организации «Хизб-ут-тахрик» на территории севера и северо-востока Афганистана, создающей серьезные угрозы для обеспечения национальной безопасности Таджикистана и стран Центральной Азии;

- впервые проведен анализ моделей интеграции стран Центральной Азии и действий ДТ в контексте реализации геополитических концепций внешних акторов («Новый Средний Восток», «Большая Центральная Азия – Новый шёлковый путь» и Экономический пояс Нового шёлкового пути);

- научно подтверждено и предназначено подобающая роль, и место Таджикистана в урегулировании афганского вопроса;

- разработаны научно обоснованные предложения и рекомендации по предотвращению угроз и вызовов, исходящих из талибовского Афганистана.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Доминирующей идеей диссертационной работы является тезис о том, что приход к власти движения «Талибан» в 2021 г. имеет исторические предпосылки, выражающиеся в насаждении диктата власти и средневекового уклада жизни одной этнической группы Афганистана. На основе научно-исторической литературы соискателем доказано, что Афганистан в нынешних реалиях является страной этнических меньшинств и попытки ДТ насаждать политику переселения пуштунов на север страны явно нацелена на нарушение хрупкого этнического баланса.

2. Специфика исторического развития Таджикистана и Центральной Азии оказала влияние на процессы становления и эволюции развития и управления на территории Афганистана. Это выражалось в особенности восприятия традиционного Севера, как ареала претворения в жизнь модернистских реформ, охвативших магистральные отрасли жизнедеятельности данного региона. Это позволяет нам характеризовать южные рубежи новых независимых государств ЦА в качестве границ цивилизованного социального порядка, от стабильности которых зависит перспективы Центрально-Азиатского региона.

3. В результате Дохинского соглашения (2020 г.) в деятельности ДТ произошла существенная трансформация в сторону сращивания с МТО. Это привело к милитаризации севера Афганистана и созданию гибридных структур, как «Движение Талибан Таджикистана», «Техрики толибони Покистон», иранских талибов и т.д.

4. Соискателем сформулированы и классифицированы факторы и условия эффективной деятельности по противодействию террористической деятельности. Разработанные соискателем превентивные меры по детализации ситуации являются актуальными

шагами для Центральной Азии и включают: - установление надёжного щита в виде комплекса мер военного, идеологического и организационно-превентивного характера, направленных на нейтрализацию угроз и влияние талибовской идеологии; в сфере внешней политики считается целесообразным активизировать контакты с международными партнёрами по принуждению движения «Талибан» к соблюдению прав основных этнических групп; доказано насущность популяризации опыта достижения межнационального согласия Таджикистана и контактов с политическими организациями Афганистана в качестве «мягкой силы» внешней политики. Исходя из того, что РТ играет важную роль в афганском вопросе учредить Институт спецпредставительства Таджикистана по Афганистану; выдвинуты тезисы о том, что в СМИ принять меры упреждающего характера по предотвращению влияния террористических групп; предлагается публикация очередного издания пособия «Светское мировоззрение в таджикско-персидской литературе», а также аналогичных книг, раскрывающих секулярное начало общества [50]; РТ подвержена «гибридным угрозам» [82, с. 82], что обуславливает создание аналитических структур с целью повышения имиджа РТ и развенчания «фейковой» пропаганды.

Практическая значимость диссертации. Результаты диссертационного исследования заполняют существенный пробел в историографии военно-политических организаций стран Среднего Востока, которые во многом являются дамокловым мечом для стран-соседей, имеющих светские формы правления. Материалы и выводы исследования могут быть использованы в процессе написания обобщающих исторических работ по истории таджикского народа и особенно по истории Афганистана в новейший период. Выводы, к которым автор пришел в результате исследования, дают возможность переосмыслить исторический опыт Афганистана, пресечь рецидивы в ЦА для создания безопасности этого региона. Некоторые положения,

сформулированные в процессе исследования, могут быть использованы в практике работы органов государственного управления государств ЦА.

Материалы диссертации могут быть использованы также в учебном процессе преподавателями, студентами, магистрантами и слушателями НАНТ.

Достоверность результатов диссертации обосновывается достаточно точными данными, объёмом исследовательского материала, публикациями. На основании научного анализа и синтеза представлены результаты теоретико-практических исследований и выводов.

Шифр исследования. Тема диссертации соответствует паспорту специальности 07.00.03 - Всеобщая история (соответствующего периода).

Личный вклад и индивидуальный подход автора выражается в следующем:

- диссертационная работа представляет собой самостоятельное комплексное научное исследование, посвященное рассмотрению проблем деятельности движения «Талибан». Анализ национального опыта противодействия вызовам и угрозам в Таджикистане, исходящим от террористических организаций, показал, что такие явления, как терроризм, экстремизм и религиозный фундаментализм взаимосвязаны и вытекают друг из друга; - научные результаты исследования, включая теоретические выводы, основные положения, выносимые на защиту, практические рекомендации, разработаны и обоснованы лично автором; - выводы и предложения диссертанта имеют большую практическую значимость. Их применение вполне может способствовать организации более эффективной деятельности научно-аналитического сообщества, а также государственных органов. Диссертация является результатом многолетнего научного труда автора.

Апробация результатов исследования. Используя научный материал диссертации, автор проделал следующую работу:

- разработал и ввёл в учебный процесс цикл лекций по предмету «Новейшая история Афганистана», «О деятельности международных

организаций, действующих в Афганистане», «О структуре, идеологии и способах целеполагания МТО и ДТ» для студентов, обучающихся в бакалавриате и магистратуре Национальной Академии наук Таджикистана.

- выдвинуто посредством публикации в журнале «Наука и общество» №2(32), 2023 статьи «Х. Калакони - основатель традиций таджикского государства в историческом Хорасане») предложение по пересмотру ряда негативных стереотипов о государственных деятелях-таджиках Афганистана в трудах афганских учёных.

- провёл разработанную лекцию по предмету «История и деятельность МТО», «Принципы и способы сохранения светской формы правления» для студентов и преподавателей МГУ им. М. Ломоносова, РТСУ, ТГМУ имени А. Сино и сотрудников правоохранительных органов РТ;

- в качестве эксперта Центра изучения Афганистана совместно с научным руководителем К. Искандаровым организовал в НАНТ цикл международных семинаров по популяризации видных деятелей Афганистана и публикацию материалов на эту тему в СМИ республики;

- как член редколлегии рецензируемой ВАК РТ журнала «Наука и безопасность» внёс вклад в подборе тем, редакции и публикации научно-аналитических статей диссертантов по исторической проблематике национальной безопасности.

По теме диссертационного исследования опубликовано 14 научных работ, в том числе 1 монография, 7 статьи в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных журналов и изданий, а также 8 статьи в других научных изданиях.

Диссертация выполнена в отделе Среднего и Ближнего Востока Института изучения проблем стран Азии и Европы НАНТ (ИИПСАЕ). Она обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании вышеназванного отдела и заседании Учёного совета ИИПСАЕ 25 августа 2023 года. Научные результаты апробированы также в

выступлениях на международных, республиканских и научно-практических конференциях:

- Международная конференция с участием экспертов и учёных-востоковедов, посвящённой «800-летию таджикско - персидского поэта Джалолиддина Балхи» (Мазари Шариф, Афганистан, 21.09.2007 г.);

- «Об общей обстановке в Исламской Республике Афганистан в преддверии вывода войск НАТО». Международная конференция с участием экспертов стран Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии и Кавказа (Вашингтон.США, 27 января 2014 г.);

- «Об особенностях военно-политической обстановки в Афганистане после вывода войск международной коалиции и их последствиях для региональной безопасности Центральной Азии». Региональная конференция «Центральная Азия, Афганистан и региональная безопасность после 2014 года» (Душанбе. 27 октября 2015 г.);

- «Общая характеристика обстановки в информационной среде на территории Республики Таджикистан и тенденции её развития». Научно-практическая международная конференция «Проблемы противодействия угрозам информационной безопасности в странах СНГ и пути их решения» (Москва. 28 сентября 2022 г.);

- Международная конференция «Инклюзивная система власти в Афганистане: принципы, модели и пути решения» (Гератский диалог безопасности). Центр изучения Афганистана и региона, Институт стратегических исследований Афганистана (Душанбе. 29-30 ноября 2022);

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, состоящих из 6 параграфов, заключения, библиографии, списка сокращений и приложения.

ГЛАВА 1. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АФГАНИСТАНА В КОНЦЕ XX ВЕКА

1.1. Политико-религиозные и идейные предпосылки формирования «Талибан» в Пакистане

Через призму рассматриваемых проблем Центральной Азии и Афганистана поучительна история Герата с преимущественно таджикским населением, который стал ареной борьбы Исмаила Сефевида (1502-1524 гг. правления) и шайбанидов (1451-1510 гг.), когда Мухаммад Шайбанихан в 1507 году завоевал Герат, в результате чего западная столица и колыбель цивилизации в пределах Хорасана перестала существовать [34, с.65–66].

Пуштунская часть Хорасана находилась на периферии от центров принятия решений, поэтому она не обладала легитимностью, из-за чего постоянно ввязывалась в междоусобные племенные войны. Исход пуштунов в начале средних веков из Сулейменовых гор и освоение южных районов происходило с трудом, так как адаптация пришлых племён на новых территориях сталкивалась с непривычными для них природно-климатическими условиями, и противоборством с персоязычным населением, компактно проживающим в городах [30, с.604–605].

Афганистан – молодое государство на карте мира. Историки возникновения афганского государства связывают с появлением на политической арене Ахмадшаха Дуррани в 1747 году, который называл себя вассалом правителей Хорасана. Легитимность его территории ограничивалась Кандагарским ханством и номинально Гератом. Ослабление сефевидского государства в начале XVIII в., гибель Надиршаха Афшара и присвоение золотых запасов Ирана в совокупности позволили А. Дуррани сконцентрировать власть в своих руках, построить племенное образование на пуштунских территориях, граничащих с Сулеймановыми горами (провинция Белуджистан Пакистана и афганская территория - Забуль). Этот регион расположен

между Иранским нагорьем и Индийским субконтинентом, к востоку от пустыни Даште-Лут и к западу от реки Инд [54, с. 350]. Данный тезис подтверждает озвученную во второй декаде нулевых годов политиками Афганистана гипотезу об автохтонном населения таджиков и персоязычных народов, ассоциируемых с таджиками [48; 49; 50; 51; 52; 58; 59; 60; 65; 146; 151; 152].

К этому вопросу исследования можно отнести докторскую диссертацию Р. Махмадшоева, который освещает этнические, политические и социально-культурные процессы в истории развития таджиков со второй половины XVII века до начала XX века, связанные с их вкладом в развитие экономики и культуры Афганистана [149].

Впервые на основе документального материала эксперт из Афганистана проливает свет на вмешательство во внутренние дела Афганистана, основываясь на секретной переписке Хамидгула, главы ISI (Межведомственная разведка), направленной премьеру-министру ИРП Зиялхаку. В письме, датированном началом 1989 года Хамидгул описывая уникальность исторического момента, для сохранения и защиты интересов Пакистана предлагает создать Конфедерацию с Афганистаном, обоснует это решение согласием руководителей военно-политических группировок, дислоцированных в ИРП при главенствующей роли Г.Хикматяра - главы ИПА-Г [120, с. 54]. Данную гипотезу в этом же историческом срезе подтверждает сам Г.Хикматяр, ратуя к образованию единого с Пакистаном – Исламистана, как единственно верного решения проблемы «линии Дюранда».

При анализе секретного письма Хамидгула явно вырисовывается попытка стирания Афганистана с политической карты мира и создание на его месте вассального образования. По этому замыслу появилась «историческая возможность» - раз и навсегда решить «пуштунский вопрос» и создать стратегическое «глубинное государство» в Афганистане [120, с 55].

Идеологической основой «Талибан» выступает так называемый «исламский национализм», базирующийся на своеобразном синтезе религиозного и националистического факторов. Радикальный фундаментализм и пуштунский национализм приобрели для движения «Талибан» самодостаточное значение, стали для него главной идеологической опорой и одновременно движущей силой [177].

Исследование формирования движения «Талибан» на конкретном этапе изучения, в качестве религиозно-националистической организации, наряду с использованием принципа историзма, предполагающего анализ объекта исследования в связи с конкретно-историческими условиями его существования [174], требует также инновационного сравнительного метода.

Сравнительный анализ развития общей обстановки в Европе и Афганистане в конце 19 в. показывает, что научно-технический прогресс характеризуется в это время тремя основополагающими факторами: 1) изобретением печатного станка и как вследствие оптимизацией массового распространения знаний; 2) ведением научных исследований на местных национальных языках; 3) отделением науки от религии [174]. В то же время в Афганистане воцарились средневековые порядки, сегрегация по этно-религиозному признаку, в особенности массовое истребление персоязычного народа – хазарейцев в центральной части Афганистана Абдурахманханом (1880-1901 гг.). Вынужденное переселение целого народа не только внутри страны, но и появление на политической карте мира в Британской Индии анклава хазарейцев, появившийся в Кветте и Исламабаде. В 1889 году Абдурахманхан в 25 км от г.Мазари Шариф, насаждая кабальные условия труда, с привлечением 1800 рабочих (инженеры Мунши Назир и Мунши Мухаммадбахш) из числа местного населения построил крепость Дехдоди - форпост на севере, отреставрированную в 90-х г.- Дустумом. Историческая связь этих событий сплелась воедино осенью 2001 г. воедино, когда развернулась оборона талибовских боевиков против сил У. Ато и А.

Дустума на территории этой крепости, в результате чего американцы для нейтрализации ДТ использовали баллистические ракеты с баз в Индийском океане (в крепости находится мемориал американского солдата М. Спенса, погибшего в боях с талибами)¹.

Афганистан появляется на карте мира, как племенное правление, ущемляющее права этносов Севера, номинально управляясь из Кабула. Унижение хазарейского меньшинства и отрицание их права на жизнь вылилось в идею о реванше, который был осуществлён учеником средней школы Кабула - Абдулхаликом, убивший в 1931 году Надир-шаха.

В декабре 1979 года попытки Политбюро КПСС склонить Афганистан в лоно социализма не увенчались успехом. События 1979 года логически исходили из Апрельской революции 1978 года, когда члены партии «Ватан» (Отечество) под руководством Н. Тараки и при содействии военных среднего звена захватили власть в Кабуле, убив Президента Сардар Мухаммад Дауда.

Однако стоит оговориться, что ростки исламского радикализма в Афганистане, как базиси и надстройки междоусобной войны, появилось ещё далеко до апрельских событий 1978 года. Дело в том, что после захвата власти бывшим премьер-министром Даудом в 1973 году и свержения королевской власти на окраинах Кабула - Дарай Шимали, Кухистонот, Панджшере появились очаги исламского сопротивления, одну из которых возглавлял молодой Ахмадшах Масуд, который чтобы занять место под политическом небом против надвигающегося пуштунского национализма воевал в ущелье Панджшер в 1975 году с членами организации «Ситами милли» (Национальный гнёт). Первый неудачный бунт среди военнослужащих в период правления Н. Тараки осуществил капитан афганской армии М. Исмаилхан (Туран Исмаилхан).

---

¹ Назаров У.К. Полевые исследования в период командировки в Афганистане с 2003 по 2008 гг. и 2016 по 2019гг., включающие работу с экспертами, дипломатами, СМИ, политиками, сотрудниками ООН, представителями интеллигенции и духовенства.

Движение «Талибан», сочетающее субкультурные традиции пуштунов Афганистана и Пакистана с элементами жёсткой матрицы радикального ислама, было сформировано в конце 80-х годов двадцатого столетия в лагерях беженцев и деобандистских медресе северного Пакистана. Идея крайних форм управления шариатом и его насаждение в оседлых и земледельческих мегаполисах Афганистана, породила противостояние Севера, традиционного союзника государств ЦА, России и Юга, с его прозападной ассиметричной идеологией.

С учётом парадигм, исходящих из нынешнего Афганистана с сентября 1994 года по настоящее время, остановимся на идеологической платформе талибов и особенностях их появления на политической арене. Принято считать, что движение «Талибан» опирается в своих мировоззренческих убеждениях на религиозное течение деобандия. Хотя в настоящее время индийское течение деобандия аполитично по своей сущности, проявляет нулевую терпимость к чужим ценностям, и в изначальном виде протестовало против таких точных наук, как физика и химия, считая их богохульными. Его представители выступали против изучения иностранных языков, в особенности английского, считая его наследием колонизаторов.

Эксперты едины во мнении, что в новой истории Южной Азии, куда входят Индия и Пакистан течение деобандия делится на 3 вида:

Первый вид деобандия образован в знак протеста против британского колониального режима на территории Индии, сочетает принципы и основы практики суннитского течения ислама – ханафия.

Второй вид возник в Пакистане и имеет несколько разветвлений, главным из которых является ветвь М.Фазлуррахмона, руководителя «Джамати-ул-уламо», религиозного клерикала пуштунского происхождения, идейного вдохновителя талибовского движения не только в Пакистане, но и в южных районах Афганистана.

И наконец, третий вид представляет афганскую ветвь деобандия, которая культивируется талибами, отличаясь своей воинственностью и

непримиримостью не только по отношению к иностранным представителям, но и к своим гражданам, не поддерживающим радикальную трактовку данного течения.

В этом контексте формировалась традиция использования внутриафганских процессов в интересах внешних сил. Другой тренд - участие духовенства в политической жизни и доминирование в политической сфере религиозного компонента, заложенного ещё в ходе англо-афганских войн, проходивших под лозунгами джихада, что неизбежно приводит к формированию основ исламского фундаментализма, носители которого впоследствии всегда чрезвычайно быстро превращаются в мощнейшую военно-политическую силу [222, с. 111].

Движение «Талибан» и история его правления – один из «брендов», с которыми связана новейшая история Афганистана. Гражданская война и взятие Кабула, установление шариатского законодательства и проблема гражданских прав женщин, наведение сомнительного порядка и международный терроризм, теракты 2001 г., сделавшие невозможным удержание власти в стране, увеличение производства наркотиков – вот далеко не полный перечень последствий опасного соседства [252, с. 26].

По данным 1995 года, опубликованным в пакистанском журнале «Ньюслайн», в Пакистане насчитывалось 2500 медресе, в которых обучались 225 тыс. учеников (талибов). Согласно российской «Энциклопедии Пакистана», в 1997 г. в этой стране действовало 5,5 тыс. медресе, насчитывающих более 200 тыс. обучающихся, в том числе 100 медресе с преподаванием военных дисциплин [94, с.109; 31, с. 33]. По данным журнала «Гиндукуш», только в одной провинции Пенджаб действовало 2419 религиозных школ, из которых 928 (38%) контролировались улемами – деобанди, 1216 (50%) находились под эгидой школы барелви (течение непуштунов Пакистана), 175 (7%) медресе принадлежали ваххабитам и примерно 100 медресе (4%) находились в ведении шиитских организаций [219, с. 76-85].

Сам генезис организации «талибов» (от арабского «талибан» – «студенты») определяют различным образом. Есть масса признаков того, что основой движения стала общая «неосалафитская» идентичность, являющаяся результатом синтеза ряда религиозных доктрин. В то же время образ действия талибов некоторые востоковеды связывают с «сельской» жизнью, с опытом и обычаями, в которых многие из них были воспитаны [84, с. 37].

Политика талибов, как издержки противостояния времён «холодной войны», включает в себя приоритет принятия радикальных решений, ментальную модель конкретной организации, основанной на диктате одной этнической группы - пуштунов, как представителей, по их мнению, титульной нации, и насаждение диктата силы над населением.

Парадигма талибовского Афганистана – это набор определений и концептуальных основ, шаблонов, верований, которые окружают его носителя, позволяющие в конкретно-историческом контексте проанализировать поведенческие изменения и перспективы. Причём, в качестве опасной тенденцией и исходной модели рассматриваются радикальные формирования, образованные выходцами из Центральной Азии и других стран под патронажем движения «Талибан», объединивших исламистов стран региона, которые являются субъектами данной концепции, проводниками экспорта талибовской идеологии в среднесрочной перспективе.

Региональное значение Афганистана, как источника реальной угрозы странам Центральной Азии и окна открывшихся возможностей, необходимо рассматривать в фокусе географического расположения и соблюдения прав всех этносов, имеющих общее происхождение с народами региона. Процесс восстановления мира и стабильности в Афганистане на нынешнем этапе особо нуждается в развитии человеческого фактора. Поэтому налаживание регионального сотрудничества в целях обеспечения необходимыми специалистами различных отраслей национальной экономики Афганистана должно

стать одним из ключевых направлений деятельности международных партнёров [172].

В настоящее время на южных рубежах СНГ отмечаются активные попытки создания «управляемого хаоса». Кроме того, присутствует стремление замены традиционных культурных и духовно-нравственных ценностей местных народов на чуждые им, путём оказания деструктивного информационного воздействия. Для этого в полной мере используются негативные публикации и продвижение тенденциозного нарратива, формирующего у населения искажённое восприятие реальности, социально-политических и экономических событий.

Определённую роль в этой деятельности играют возможности «либерального порядка», посредством СМИ и зарубежных организаций, а также иных структур, направленные на подрыв международного и внутривластного авторитета органов государственной власти и её институтов. На примере региона явно высвечивается деятельность организаций, которые, используя религиозные симпатии и уязвимость отдельной части населения, вмешиваются во внутренние дела государств.

Одновременно следует иметь в виду, что сущность геополитики заключается в распределении ролей «учеников в классе», делении мировых наций на две части – успешных и послушных. Первые должны диктовать правила игры, вторые – слушать и действовать. Созданные из числа мусульманской массы армии террористов в Сирии, Ираке, Афганистане и некоторых других странах свидетельствуют об этом [202].

События августа 2021 года, когда талибы установили контроль над Кабулом, вновь поставили вопрос о взаимодействии стран ЦАР на пути к безопасности на южном направлении. Региональные игроки выработали собственные подходы к политическому и экономическому сотрудничеству с никем непризнанным – т.н. правительством талибов. Эти подходы обусловлены различными интересами, которые каждая из стран региона преследует в Афганистане.

Государства Центральной Азии являются объектом угроз, связанных с высокой террористической активностью на территории Афганистана. Кроме того, существуют риски дестабилизации ситуации после 2021 года, что может привести, как минимум, к повышению активности экстремистских группировок, ориентированных на экспансию на постсоветском пространстве [183].

В этом контексте парадоксальным выглядит позиция Г. Хикматяра, который неоднократно обрушивался с критикой на Таджикистан. В частности, 7 мая 2022 года в мечети города Кабула он заявил: «Таджикистан, предоставив убежище вооружённой афганской оппозиции, практически объявил войну Афганистану. В ответ на это Афганистан предоставит плацдарм для вооружённой оппозиции Таджикистана [73]. Он повторил в пятничной молитве в центральной мечети Кабула, состоявшейся 30 августа 2022 г. свои претензии к таджикам, обвиняя их во вмешательстве во внутренние дела его страны.

Истоки ненависти Г. Хикматяра к таджикам имеют историческую подоплёку: таджики по всем параметрам, в т.ч. географическим, демографическим и языковым, составляют большинство в Афганистане. Язык дари считается языком межнационального общения, на котором говорят практически 70 % населения страны. Согласно сведениям авторитетных афгановедов, таджики внесли лепту в борьбе против иностранных захватчиков Афганистана. Это было в первую афгано-английскую войну (1839-1842), во вторую – 1868-1972г. и в третью – 1919-1921 гг. Кстати, независимость Афганистана завоевана в 1921 году при активном участии таджиков, которые, словом и делом доказали преданность своей Родине. Г. Хикматяр же причастен к массовому ракетному обстрелу Кабула летом 1992 года, когда погибли около 70 тысяч человек. Хикматяр родился в 7 километрах от границы РТ в кишлаке Вартапур уезда Имам-Сахиб провинции Кундуз, граничащий с районами Джейхун и Пяндж вблизи порта Шерхан. Он на протяжении всей сознательной жизни был свидетелем развития торгово-

экономических отношений Таджикской ССР и Афганистана. В 70-80-е гг. XX в. Курган-тюбинская область Таджикской ССР переживала бум экономического роста, в особенности в сельском хозяйстве, ирригации, хлопководства, создании инфраструктуры и социально-экономической базы, что не могло ни стать предпосылкой к комплексу этнической и исторической неполноценности афганского политика.

Талибовский Афганистан - не самостоятельный субъект региональной политики, а плод совместной комбинации политических центров, использующих воззрения радикального толка для собственного господства. Территория Афганистана в течение многих веков сохраняла и продолжает сохранять своё геополитическое значение. Как отмечает К.Искандаров «историки и географы называли эту страну «воротами Индии», «восточными воротами исламского мира», «перекрёстком цивилизаций», «перекрестком завоевателей», «стратегическим коридором», «сердцем Азии» и т.д. После распада СССР и образования новых независимых государств в Центральной Азии, Афганистан стал «воротами» этого, богатого своим природными ресурсами региона, важным транзитным коридором для прокладки нефти и газопровода» [49, с. 5-6]. Диссертантом аргументируется, что пуштуны, не имея социальную базу поддержки, в кризисные ситуации опирались на кочевых соплеменников из Хайбар -Пахтунхва, используя их в качестве выразителей «глубинного государства» для захвата власти, в противовес северным народам.

Нулевая терпимость к талибам, поддерживаемая и пропагандируемая некоторыми аналитическими и властными кругами, не выдерживает никакой критики. На наш взгляд, такой поверхностный подход - иррационален, поскольку они по ряду причин ниже приведённых причин не в состоянии принять в ближайшей перспективе светские ценности, так необходимые для построения цивилизованного государства, а следовательно, не способны принимать адекватные меры по мирному надлежащему правлению в Афганистане:

Во-первых, движение, нацеленное на радикальное мировоззрение, призванное силовыми методами решать проблемы в течение почти 30 лет (с 1994), в одночасье не превратится в субъект политики.

Во-вторых, перечень преступлений талибов, к которым можно отнести следующие их действия, свидетельствует об их непримиримости:

- в 2001 году, вопреки протестам мировой общественности, талибами были разрушены статуи Будды (55 и 37 метров) периода Кушанского государства в провинции Бамиян;
- 9 сентября 2001 г. талибами при координации террористической организации «Ал-Каида» был убит лидер «Северного альянса» - Ахмадшах Масуд. В последующие за захватом власти годы (с 1996 по 2001) в Дарай Шимоли, что в 50 км севернее Кабула, «Талибан» проводили политику «выжженной земли», переселяя население из насиженных мест, уничтожая тутовые деревья и виноградники, столетиями служившими хозяйственным подспорьем таджикскому населению;
- в 2020 году, впервые в истории Ислама в мечети провинции Логар внутри священной книги Корана талибами было спрятано взрывчатое вещество, в результате чего погибли 48 прихожан – мусульман;
- в 2012 году во время пятничной молитвы в головной мечети города Талукан были убиты 43 человека, в числе которых губернатор провинции Мухаммад Умар, совершивший «хадж» в том году;
- в 2017 году на перекрёстке Занбак г. Кабула во время митинга талибы произвели взрыв, в результате которого погибли 250 человек, в основном женщины и дети - последователи шиитского течения ислама;
- в 2020 году при атаке на родильный дом в Кабуле, совершенной «Красной бригадой» талибов погибли 120 человек, преимущественно молодые матери и новорождённые дети;
- в сентябре 2011 году талибовский террорист-смертник под прикрытием вестника мира, вероломно убил экс-президента страны (1996-2001 гг.), председателя Высшего Совета мира Б. Раббани. Убийство было тщательно спланировано руководством движения «Талибан», а именно Шурой (Советом), находящимся в пакистанском городе Кветта;
- в 2011 г. в

Тахоре в результате серии терактов, организованных талибами, были убиты генералы Мухамаддовуд Довуд, Шохчохон Нури и Саидхел, таджики по национальности.

За двадцать лет движением «Талибан» убиты сотни иностранных журналистов, учёных, сотрудников гуманитарных организаций, миссия которых заключалась в помощи народу Афганистана.

В-третьих, жертвами талибов стали представители разных этнических групп.

В 1995 году заманив лидера хазарейцев А. Мазори для переговоров, талибы из вертолётa бросили его вниз. В 2019 году они убили антиталибовского командира, пуштуна, генерала Абдулраззака и ещё 34 человек в резиденции губернатора Кандагара.

С 15 августа 2021 года с момента повторного захвата власти в Афганистане талибы ведут непрерывное наступление на права человека, преследуя национальные и религиозные меньшинства, жёстко подавляя мирные протесты, ущемляя права женщин, прибегая к внесудебным казням бывших военнослужащих, бойцов фронта сопротивления, чтобы посеять страх среди местного населения. Так, в отчёте Миссии ООН по содействию Афганистану (МООНСА), опубликованном на официальном сайте (август, 2023 г.), отмечается, что с момента захвата власти в 2021 году радикальное движение «Талибан» провело более 200 внесудебных казней бывших чиновников и военнослужащих Вооружённых сил ИРА. МООНСА задокументировала 218 подобных случаев.

Узурпация власти в течение 2 лет одной этнической группой под флагом религиозного радикализма, уничтожение целого пласта передовой интеллигенции, насчитывающей до начала захвата Кабула более 200 тысяч человек, стоящих в авангарде прогресса, науки, творчества, культуры также относится к преступлениям движения «Талибан» против человечества.

Следовательно, непредусмотрительное отношение к деятельности талибов, рассмотрение их лишь через призму ценностей либеральной

демократии и принципов западной общественно-политической морали является большим заблуждением, которое может привести к немалым жертвам не только в Афганистане, но и далеко за его пределами, включая как Центральную Азию, так и европейские страны. Ведь политика «Талибан» – это конфигурация родоплеменных патриархальных интересов, продвигаемых в мировое сообщество, навязываемых соотечественникам с учётом их религиозного сознания и внушаемости, основанных на пуштунской трактовке видения ситуации, без соотношения с общечеловеческим социокультурным порядком.

Противостояние социалистического и капиталистического лагерей в середине 80-х годов в гибридной войне на Ближнем и Среднем Востоке привело к тому, что Афганистан в силу географического расположения, богатых природных ресурсов, а также накала ситуации, стал центром борьбы геополитических акторов.

Резюмируя вышеуказанное, можно прийти к выводу, что общественно-политическая обстановка в Афганистане в 80-х гг. XX века отражает основные параметры страны с традиционным укладом жизни, где роль и место воинствующего духовенства и иностранного вмешательства, становились катализаторами в междоусобной войне, увеличивающей уровень агрессивного мировоззрения для целого поколения афганцев.

Талибовский Афганистан – яркий пример страны, которая перестала развиваться, усовершенствовать искусство, науку, соблюдать права человека и уважать существующий международный строй, основанный на светских ценностях. После 2-х лет правления движения «Талибан» в обществе не наблюдается никаких признаков надлежащего и стратегического видения, институционального функционирования.

Политико-религиозные и идейно-националистические предпосылки формирования движения «Талибан» в Пакистане во второй половине 80-х годов XX века сопряжены с мирными переговорами между субъектами

афганского процесса – военно-политическими группировками альянса «7» и правительством Наджибуллы.

Таким образом, представление талибов в качестве потенциальных партнёров явно нарушает международное гуманитарное право. Страны, имеющие общие интересы в регионе и жаждущие мира на принципах построения светских государств, должны учитывать опасность влияния идеологии «Талибан» на формирование террористического интернационала.

1.2. Организационные основы военно-политической структуры движения «Талибан»

В 1996 г. состав талибского правительства на 90% г. состоял из пуштунов, что также свидетельствует о нежелании нынешней власти выполнять обещания о его инклюзивности. Таким подходом ДТ заложило опасный фундамент не только расформирования Афганистана по этническим «квартирам», но и нанесло серьёзный урон былому единству многонационального и многоконфессионального афганского общества. В отношении таджиков, узбеков, хазарейцев и других представителей непуштунской национальности осуществляется сегрегация по религиозно-этническому признаку. Люди в преддверии зимы, в массовом порядке выселяются из собственных обжитых домов в Тахоре, Бадахшане, Бадгисе, Герате, Кабуле, Газни, Фарьябе, Бамияне, Панджшере. Дома и земли передаются пуштунским представителям, не имеющим на это законного основания. Тем самым, создаются буферные зоны из населения, не имеющего с народами Центральной Азии общей исторической памяти.

Раздаются призывы к трансграничному джихаду, целью которого является создание эмирата с практикой управлением посредством шариата. Кстати, статус «амирулмуъмин», присвоенный талибами своему лидеру, охватывает руководство светской и религиозной жизнью всех правоверных без привязки к определённой местности.

Источники финансирования движения «Талибан» с 1996 по 2021 гг. варьировались в зависимости от степени вовлеченности в вооружённый конфликт, что помогло им не только восстановиться, но и снова вновь получить влияние и контроль над страной. Как было отмечено ранее схема сбора налогов с крестьян осталась с 1990-х гг. Традиционное поступление средств от наркотиков в 2000-е гг. выглядело следующим образом:

- 1) командиры Талибана собирали с крестьян, выращивающих опийный мак, налог «ушр», который равен 10% стоимости урожая;

2) для увеличения своего дохода бойцы талибов весьма часто работали на маковых полях во время сбора урожая;

3) мелкие торговцы, покупавшие опий-сырец у крестьян, также платили талибам налог. Помимо этого водители, которые занимались перевозкой нарковеществ, платили талибам транзитный тариф за каждый килограмм опия-сырца;

4) талибы также получали плату за охрану нарколабораторий, где из опия-сырца производили героин;

5) самым значительным источником дохода для талибов от наркотиков стали регулярные платежи крупных организаций, занимающихся их незаконным оборотом. Данные средства поступали напрямую в «Шура-е-Кветта», куда входили лидеры талибов, проживавшие вблизи пакистанского города Кветты, столицы провинции Белуджистан [187].

Помимо этого, талибы продолжали получать тайные финансовые пожертвования от доноров со всего мира. Значительная их часть поступала от благотворительных организаций и частных фондов, расположенных в странах Персидского залива – из региона, с которым у талибов в 90-е годы сложились тесные связи. Эти пожертвования могли составлять от 150 до 200 млн. долл. в год. Среди фондов из Саудовской Аравии стоит отметить: Al-Haramain Islamic foundation (запрещённая в СНГ организация), которая имеет свои отделения в Индонезии, Сомали. Пожертвования талибам также поступали из Пакистана. Талибы продолжали диверсификацию источников своих доходов. Эти налоговые поступления приносили до 160 млн. долл. США в год [187].

По мнению афгановеда К. Искандарова: «До осени 1994 года о «Талибане», как о самостоятельном политическом движении, претендующим на захват власти, никто даже не мог подозревать. Хотя известно, что в годы войны против советского присутствия в Афганистане талибы составляли молодежный филиал многих исламских политических организаций в Пешаваре» [49, с. 5-6].

Например, лидер Движения исламской революции - Мавлави Мухаммад Наби сформировал отдельные отряды из числа талибов, и отправляли их на войну. С резким ростом числа беженцев, в Пакистане увеличилось количество религиозных школ, которые тогда получали большую помощь со стороны Саудовской Аравии и других арабских стран [49, с. 5].

По данным А. Рашида, в 1981 г. в Пакистане функционировало 900 медресе, а уже через семь лет (1988) действовало 8 тыс. официальных и 25 тыс. незарегистрированных религиозных школ.

В Пакистане политические партии – «Джамаат-аль ислами» и «Джамаат-аль улема-йе-ислам» активно взаимодействовали с афганскими фундаменталистами. «Джамаат-аль ислами» стояла на позициях, близких к организации «Братья мусульмане» и опекала афганские партии: ИПА (Г. Хикматяра), ИПА (крыло Ю. Халеса), ИОА (Б. Раббани) и ИСОА(А.Р. Сайяфа). 80 % полевых командиров на территории, населенной пуштунами, обучались в медресе Хаккания [252, с. 26].

Во второй декаде 2000 годов в качестве субъекта региональной политики на стыке территории, принадлежащей ИРП, с Афганистаном реанимируется влиятельный этнический компонент – таджики, проживающие в долине Сват Северного Вазиристана, а также в Карачи, Кветте, Пешаваре, Дири Зерин, Хайбар Пахтунхва и Исламабаде. По данным автора книги «Таджики Пакистана» О. Охундзада, численность таджиков Пакистана варьируется от 1,5 до 4 млн. человек. На основе исторических фактов доказано, что таджики ИРП происходят из династии Гуридов (1190г.) - последнего таджикского государства на обширной территории Хорасана и севера Индии [256]. Кроме того, в Читрале и Гильгите, а также в Кветте и Карачи проживают таджики, которые нашли здесь убежище после междоусобной войны в Афганистане. 29 сентября 2014 года Посол Таджикистана в ИРП встретился с Сахибзада Афзал Таджиком, руководителем коренных

таджиков Пакистана [175]. На этой встрече было обсуждено, что таджики Пакистана проходят этап трансформации и самоорганизации. Их усилиями образованы движения на основе этнической идентичности «Тојик қауми ittihad party Pakistan» и «Движение народа Свата», а также «еженедельник «Тојик», призванные объединять под общим флагом идеи таджикскости [171].

Между тем, справедливости ради, следует отметить, что таджики Пакистана переживают сложный этап самоорганизации, как самостоятельного народа, в силу жёсткой степени ассимиляции со стороны пуштунов, племени юсуфзай. Однако, в обозримой перспективе участие таджиков в полиэтничном ландшафте Пакистане могла бы содействовать созданию альтернативной политической силы со всеми атрибутами воздействия на ситуацию, дерадикализации настроений населения, уязвимого севера ИРП.

Вызовы и парадигмы талибовского Афганистана, угрожающие странам Центральной Азии после свержения республиканской власти в Кабуле, стоит рассматривать через призму экзистенциальной опасности. Ведь, как известно, практически во всех Конституциях стран Центральной Азии закреплены положения о построении светского и демократического государства.

Де-факто, «Талибан» до военно-политической перегруппировки и составляющей, аккумулировавший постулаты радикальной идеологии, существовал разрозненно и придерживался антикоммунистических идей, что не мешало ему активно использовать боевой потенциал крыла «Халк», бывшего министра обороны Правительства Наджибуллы Ахмадзая. В начале 90-х годов пуштунская организация Ш. Таная «Гурзанги милли» (Национальное возрождение), представители которой в период правления движения «Талибан»

функционировали в афганской провинции Бадахшан на границе с Таджикистаном, придерживалась общих с «халкистами» воззрений¹.

Создание движений с националистическим уклоном подтолкнуло менее чем через 2 года «Техрик-е талибани Пакистан» к разрыву «джентельменского соглашения» с властями ИРП и созданию института теневых губернаторов на территории Хайбар Пахтунхва, что говорит о идеологическом обосновании лозунга образования «Пуштунистана». Этот призыв активно использовался властями Наджибуллы и Х.Карзаем, которые опирались на пуштунскую партию «Авом партии» - светскую организацию с элементами социальной риторики ИРП во главе с И. Хутаком.

Кодекс чести «Пуштунвали», широко распространенный в обиходе пуштунов северного Пакистана и юга Афганистана, заменил не только исламские каноны, но навязывает миру новое видение «пуштунского ислама», вызывая негативную реакцию не только у светских государств, но и в большинстве мусульманских стран.

Руководство движения «Талибан» находясь в эйфории от взятия власти в Кабуле, декларирует действия диаметрально противоположные исламским постулатам, в особенности относительно соблюдения социальной справедливости, доступности образования для мужчин и женщин. Во многих трудах афганских авторов, бытует обоснованное мнение, что талибы напоминают своими действиями хариджитов в средние века, несмотря на нововведения они свернули с пути последователей традиционного ислама и с лёгкостью обвиняют правоверных в ереси [139, с.15].

Центральная Азия во все времена играла ведущую роль в установлении добрососедских отношений со странами Среднего Востока и Южной Азии. Тональность этого взаимодействия варьировалась в зависимости от изменения потенциала иностранного влияния, а также

---

¹ Назаров У.К. Полевые исследования в период командировки в Афганистан с 2003 по 2008 гг. и 2016 по 2019 гг., включающие работу с экспертами, дипломатами, политиками, сотрудниками ООН, представителями СМИ, интеллигенции и духовенства.

способа правления местных династий, которые на определённом историческом этапе правили на общей территории Центральной Азии и Хорасана (нынешнего Афганистана). Север Хорасана с центрами Мазари Шарифа и Кабула, северо-восток с магистральной позицией Кухандижа (Кундуза), северо-запад с Гератом ментально тяготели к региону Центральной Азии, где преимущественно проживали таджики и, в меньшей степени, другие народы.

Археологические раскопки, неопровержимые исторические, литературные и лингвистические памятники наглядно показывают, что в VII-VI вв. до нашей эры из Центральной Азии на южное направление, Индию, Афганистан и по-видимому, на Иран распространяли своё влияние различные группы арийских народов (вначале индоевропейского, а затем и иранского происхождения). Это обстоятельство, подтверждает неоспоримый факт того, что «Центральная Азия вместе с соседствующими странами является колыбелью народов индоевропейского происхождения и центром их проживания и исхода» [40, с. 44; 168, с. 67].

По мнению экспертов, вплотную занимающихся данной проблематикой, отсутствие фундаментальных знаний, дистанцирование от просветительского мировоззрения в определённой среде – семье, образовательных учреждениях, связь с лицами экстремистских взглядов, стало причиной присоединения сотен молодых людей к международным террористическим группировкам, что безусловно влияют на формирование негативного имиджа нации и государственности на международной арене [247, с. 1-2].

Краеугольным фактором развития ситуации в регионе после прихода к власти талибов, угрожающим странам, граничащим с несостоявшимся афганским государством, считается реанимирование «спящих ячеек» международных террористических организаций. Причём, идеологическое влияние на умонастроения определённой консервативной части населения набирает силу, как через виртуальные

сети, так и через социальную среду, воодушевляя радикальные силы на возможность силового решения политических вопросов.

В таких условиях, научные исследования проблемы противостояния светского и религиозного мировоззрения в странах региона приобретают актуальную значимость, выявляют многие вопросы текущего расклада военно-политических сил Афганистана и его взаимоотношения с ЦА.

Адепты светской формы правления и приверженцы религиозного мировоззрения сосуществовали на политической арене Афганистана на протяжении более 100 лет. В начале 20 века выразители передовых идей концентрировались в таких крупных городах, как Кабул, Мазари-Шариф, Герат, выпускали газету «Сиродж-ул-ахбор», которая освещала, в том числе научно-технические достижения и светские и мирские события того времени. Исторические документы свидетельствуют, что в определённых пропорциях эти светские идеи, выраженные, главным образом, через передовые СМИ и систему образования были заимствованы под влиянием идей таджикских просветителей, таких как основатель таджикской современной литературы Садриддин Айни и других деятелей, выступающих в авангарде передовой мысли того времени в Средней Азии. Газета «Сиродж-ул-ахбар», - с одной стороны, критиковала отсталость консервативного духовенства, препятствующего развитию, но и в тоже самое время ставила под сомнение предлагаемые европейской прогрессивной мыслью шаги по просвещению населения. М. Тарзи ратовал за применение реформ в феодальном обществе Афганистана по образу и подобию Турции, где он долгое время находился. При этом, велась политика, где слияния панисламизма и пантюркизма в умеренных пропорциях, как модель построения государство, при руководящей роли Турции, рассматривалось в качестве идеальной формы правления. Этому способствовало два момента: обретение независимости Афганистаном в 1919 году и суверенитета Турцией в 1923 году, а также установление личных связей Амонуллы и Камала Ататюрка.

Уместно упомянуть один немаловажный фактор, хорошо известный экспертному сообществу, но почему-то игнорируемый многими, рассматривающими его в течение 50-ти лет (с 1973 г.), как второстепенное явление в развитии ситуации в Афганистане. Это вопрос связан с абсолютизацией религиозного фактора в Афганистане, необоснованно ограничивающей возможности альтернативного подхода и участия граждан в общественно-политической жизни страны, в вопросах партийного строительства, организациях на лево-демократической платформе. Отсутствие в политическом ареале Афганистана какой-либо альтернативы в виде партий и организаций, отстаивающих, к примеру, светские ценности, современные научно-обоснованные социально-экономические программы, морально-этические и иные общественные приоритеты, сужает политическое пространство страны, тем самым, отдавая предпочтение организациям, отстаивающим интересы социальной мобилизации общества исключительно на религиозной основе.

Исторический опыт существования партий Афганистана, стоящих на просвещенческих позициях имеет более чем столетнюю историю, и их возрождение на новом этапе отвечает веяниям времени. Тем более, что существование подобных партий совпадает с политическим ландшафтом стран, стоящих на аналогичных позициях: РФ, государства Центральной и Юго-восточной Азии, Запада.

Из числа просвещенческого крыла - таджиков в 50-е годы двадцатого века в Афганистане, были назначены премьер-министр – доктор Мухаммад Юсуф и ряд министров, которые внесли огромную лепту в реконструкцию и либерализацию экономики, развитие культуры, продвижении по пути социально-ориентированного государства. Принимая во внимание периоды правления Х. Калакони (1929 г.), состав правительств в 50-60-е гг., НДПА(Б. Кармаля) в 1979-1986 гг. Б. Раббани (1992-2001 гг.), Х. Карзай-М. Фахим - А. Зиё Масуд и Гани - Абдулло (2001- 2021 гг.) можно утверждать, что за последние 100 лет

государственная власть в Афганистане с некоторыми исключениями управлялась пуштунами и таджиками.

Существовавшие до 2001 года лево-демократические партии внутри страны и за рубежом, наподобие Революционной организации фидеинов трудящихся (САФЗО), Революционной организации трудящихся (СОЗО), НДПА, Шуълаи Джавид, Гурухе Кор и т.д. в лучшем случае трансформировались в иные субъекты политпроцесса, а в худшем потеряв способность конкурировать с возросшим влиянием исламских идей, канули в Лету. Произошла вынужденная их инфильтрация в происламские структуры, в том числе партийные.

Следовательно, наряду с силами, которые возрождались и делали первые шаги по оптимизации проблем общества, появление субъектов политической борьбы, с целью уменьшения влияния радикальных идей, воспитания молодёжи в духе истинно созидательных воззрений, отвечало не только национальным интересам Афганистана, но с учетом приверженности стран Центральной Азии и других заинтересованных государств этим ценностям, создавало базу для межпартийного общения с коллегами на международном уровне.

Афганистан в 80-е годы XX века вплоть до 1992 года находился под управлением Народно-демократической партии, руководимой при содействии СССР Б. Кармалем, а с 1986 по 1992 гг. - доктором Наджибуллой. В этой связи нахождение здесь ОКСВ послужило инструментом вооружённого сопротивления различным военно-политическими группировкам суннитского и шиитского толка, плацдарм которых находился на севере Пакистана и востоке ИРИ. К этим причинам также стоит добавить наплыв беженцев в ИРП и ИРИ, насчитывающих от 3 до 5 млн. человек, недееспособность властей Афганистан в построении социализма в отдельно взятой стране, что в совокупности характеризовало элементы развития общей политической обстановки.

Республики Средней Азии (Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) и Казахстан в данный исторический период входили в состав СССР, имея достаточно развитую экономику, образование, медицину, атрибуты индустриальной системы. Указанные страны выражали общую позицию советского руководства относительно афганской проблемы, их территории служили в качестве тылового обеспечения афганского «фронта», транзита военных грузов, рекрутирования новобранцев в армию, включая оказание переводческих услуг, укрепления южных рубежей СССР, граничащих с Демократической Республикой Афганистан, включая и оказания переводческих услуг. Достижения в советских республиках Средней Азии служили эталоном для афганских коммунистов, вдохновляли их на путь построения социалистического общества.

В указанное время, хотя и с ограничениями, но впервые произошло относительно близкое знакомство таджиков, узбеков, туркмен, казахов и кыргызов Средней Азии с этническими собратьями в Афганистане, что, в определённой степени послужило познанию их друг друга, включая интенсификацию культурного и языкового взаимодействия.

С момента появления на политической карте мира Афганистан по ряду причин объективного свойства не являлся централизованным государством. Успешному государственному менеджменту мешали родоплеменные и патриархальные отношения, географическое расположение, вступающее в геополитическую конкуренцию, неразработанные природные ресурсы и неосвоенность полезных ископаемых, разношёрстная этно-религиозная принадлежность населения. Вмешательство иностранного фактора и неадекватные вектору развития общества религиозные предпочтения неофициального духовенства по взятию в жёсткие тиски умонастроений не только вождей племён, но и подавляющей части населения ввергли страну в пучину управляемого хаоса и анархии.

Нахождение Афганистана на перекрёстке Центральной и Южной Азии, и в частности, непосредственное соседство с Индией превращало его в объект перманентной нестабильности, где с опорой на внутреннюю раздробленность элиты, становилось магистральным фактором общей обстановки. Внутренняя конфронтация военно-политических сил подстрекала вмешательство сателлитов иностранных государств в дела Афганистана. Зарубежные страны, поддерживали исходя из политической конъюнктуры, ту или иную организацию, руководителей племён и народностей, игнорируя интересы остального населения Афганистана.

К примеру, в 1880 году эмир Абдурахман после возвращения из Самарканда захватил власть в Кабуле, и в 1893 году заключил с представителем английской колониальной администрации кабальный договор об установлении границы, известный в истории, как «линия Дюранд», передав афганские земли зоны пуштунских племён практически на безвозмездной основе Британской Индии. Такая постановка вопроса привела к патовой ситуации, когда пуштуны вынуждены были испытать участь разделённой нации, гарантировав при этом на долгосрочной основе их монополию на власть. Абдурахман приступил к афганизации страны, переселив в массовом порядке пуштунское население севера Индии и юга Афганистана т.н. «нокилин» (переселенцы) на севере Хорасана. Этот контингент, который рассматривается во все времена правителями в качестве социальной базы поддержки пуштунов, экспроприировал земельные хозяйства таджиков и узбеков на севере Афганистана. Следует подчеркнуть, что реанимация талибов после нулевых происходила именно в этих населённых пунктах, где талибы нашли безопасный приют у своих сородичей.

Следующий фактор, влиявший на ситуацию в Афганистане, заключал в себе политические сделки пуштунских лидеров, начиная от Ахмадшаха Дуррани, Дустмухаммадхана, Ш. Шуджо, Шералихана, Абдурахмана, Хабибулла, Аманулла, Надиршаха, Х. Карзаем,

заканчивая А. Гани, с иностранными государствами, вовлечёнными в афганский конфликт.

Основным контуром развития общей обстановки в Демократической Республике Афганистан в начале 80-х гг. XX века принято рассматривать деятельность правительственных органов и оппозиционных политических организаций фундаменталистского толка, действующих с территории Пакистана и Ирана, на фоне вхождения и вовлечения в вооружённый конфликт по всей территории страны ОКСВ.

В середине 20 века нарушение расклада родоплеменной схемы во властных структурах, где главенствующие позиции занимала пуштунская элита, привело к возрождению национально-патриотических настроений среди народов севера, северо-запада, северо-востока и центральных районов с преимущественно компактным расселением, преимущественно таджикского, хазарейского и узбекского населения. Незначительная часть пуштунской интеллигенции, отстаивающая политическую платформу равенства и единства угнетённых народов, придерживающаяся лево-демократических воззрений, воспринималась в качестве косвенного политического элемента.

Статус «буферной территории» Афганистан сохранял до ухода англичан из Индии в 1947г. Однако для СССР эта страна продолжала служить барьером, ограждающим советскую Центральную Азию от внешнего влияния. Несмотря на доминирование Союза в Афганистане, эта страна, нуждающаяся в весомой зарубежной помощи для модернизации различных сфер жизни, начала вовлекать в свою орбиту другие государства. Последние для страны для защиты своих интересов в Афганистане опирались на различные силы, содействовали формированию партий и группировок, которые могли быть им полезными [49, с. 5-6].

В начале 80-х гг. на общую обстановку повлияли кардинальные изменения и реформы, проводимые Народно-демократической партией во главе с Н. Тараки – Х. Амина, а позднее Б. Кармалем и Наджибуллы

Ахмадзаем, охватывающие все жизненно важные сферы общества. На этом фоне противостояние между крылами «Халк» и «Парчам» НДПА, государственные перевороты и смена власти, в совокупности подвергли риску вновь созданные государственные структуры, находящиеся в зачаточном состоянии.

Массовый наплыв афганских беженцев в начале 80-х на территорию севера Пакистана (провинция Хайбар Пахтунхва) и востока Ирана, сыграла на руку радикальным организациям, использующим религиозные чувства населения для пропаганды воинствующей идеологии и рекрутирования сторонников в ряды вооружённой оппозиции.

Центральная Азия в рассматриваемый период (80-е гг. 20 в.) не являлась самостоятельным субъектом международного права и входила в состав СССР, разделяя общую позицию советского руководства относительно афганского урегулирования. Граждане среднеазиатских республик и Казахстана призывались в состав ОКСВ в Афганистане. В силу языковой и культурной общности с народами Афганистана, специалисты из Средней Азии выполняли функции переводчиков в системе военной и гражданской инфраструктуры. Начался процесс вовлечения граждан этого региона в состав военного командования, посольских и консульских учреждений СССР в ДРА. Тезис о том, что таджикское востоковедение, основы которого заложили академики Б. Гафуров и М. Турсунзаде, для международного Конгресса народов Азии и Африки сыграло существенную роль в поддержании и укреплении связей СССР с такими государствами, как Индия, Пакистан, Иран, Афганистан и арабским миром имеет право на существование, в том числе с опорой на укрепление советско-афганских отношений в 60-80 гг. прошлого столетия [240].

Афганское направление остается критически важным для системы безопасности в Центральной Азии. Первые попытки вовлечения Афганистана в орбиту ЦА предпринимались странами региона в 1990-е,

однако из-за ошибок и просчётов, ряд возможностей для урегулирования в Афганистане был упущены. Сегодня центральноазиатские государства и другие акторы по-новому формулируют треки сотрудничества с непризнанным правительством «Талибан» в Кабуле – с учетом современных вызовов и глобальных политических преобразований. В условиях трансформации международных отношений существует опасность превращения Афганистана во «второй фронт», создающий значительные проблемы для России, Ирана и КНР. Кроме того, подобный расклад угрожает дестабилизацией приграничным странам региона с учётом наличия прокси-структур и гибридных инструментов. Это понимание должно стать общей платформой для всех государств, заинтересованных в достижении общерегиональной стабильности [53].

Казахстан в афганском направлении относительно новый игрок, интересы которого ограничиваются поставкой нефтепродуктов и зерна. После прихода временного правительства в 2001 году и в период президентства Карзая-Гани казахское внешнеполитическое ведомство в рамках программы «Оралманы» отправило на историческую Родину афганских казахов, предки которых переселились в 30-х годах XX века из Казахстана на территорию нынешнего Афганистан.

7 апреля 1995 г. боевики ТЭО ПИВ обстреляли сводную роту казахского батальона миротворческих сил в горном ущелье Пшихарв. В результате чего погибли 17 и ранены около 30 казахских военнослужащих, которые приехали в РТ для миротворческой миссии. В знак благодарности таджикского народа в районном центре Калаи Хумб им поставлен постамент.

Кыргызстан в Афганистане за указанный период прошёл аналогичный путь поддержания двусторонних отношений как с ДРА, Исламским государством Афганистан, так и с ИРА. Если с одной стороны, Кыргызстан в треке безопасности был насторожен устремлениями террористической организации Исламское движение Узбекистана (ИДУ), в состав которого входили кыргызские радикалы, то

с другой захват части территории Баткенской области в 1999 и 2000 гг. исламистами показал, что социальная база поддержки организаций, аффилированных с ИДУ на юге КР имеется. Кстати, Таджикистан в составе самостоятельного подразделения ВС оказал помощь в нейтрализации вторжения ИДУ в Ошскую и Баткенскую области и не дал распространиться террористическому подполью на стыке границы Ферганской долины.

Фактор заинтересованности вовлечения Кыргызстана в афганские дела вызван нахождением малочисленной и аполитичной кыргызской диаспоры на Малом (МАП) и Большом (БАП) афганском Памире. В начале 80-х годов Рахманкулихан, предводитель афганских кыргызов на почве недовольства правлением режима НДПА перебрался со своими соплеменниками в ИРП, а затем в город Вана в Турции.

РТ в качестве гуманитарного акта помощи ежегодно предоставляет «зелёный» коридор для переправки грузов из Кыргызстана, предназначенных для афганских кыргызов. Кроме того, жители региона используют территорию РТ в качестве транзита для выезда в КР. Учитывая, что природные и климатические условия становятся причиной болезней и массового заражения, медицинские учреждения таджикского приграничья оказывают врачебную помощь афганскому населению.

С установлением власти талибов в 2021 году, кыргызские чиновники участвовали в встречи с руководством движения «Талибан». Эксперты склоняются к оценке, что такие контакты кыргызского внешнеполитического ведомства с талибами чреваты опасными последствиями. Опасения вызывают и устремления боевых групп, состоящих в том числе из граждан Кыргызстана (по разным данным их 40 человек). Контингент, объединивший наиболее радикально настроенных граждан КР находится в уезде Ходжа Баховуддин провинции Тахор и Вардудж провинции Бадахшан Афганистана. Подход КР по установлению отношений с движением «Талибан» подводит черту о некоторой координированной политики.

В то же время, совместный гидроэнергетический проект CASA -1000, связывающий системы Таджикистана, Кыргызстана с Афганистаном и Пакистаном, продолжает сохранять свою актуальность.

Туркменистан - единственная страна в Центральной Азии с нейтральным статусом, которая, несмотря на смену властей в Афганистане, поддерживает равноудалённые отношения с военно-политическими организациями. Особые связи с Афганистаном Туркменистан имеет с начала 90-х г. Консульство Туркмении в городе Мазари-Шариф функционирует бесперебойно с 1997 года по сей день. Риторика относительно проекта ТАПИ продолжающаяся третий десяток лет, вопросы, связанные с безопасностью туркменско-афганской границы, пограничными портами Тургунди и Акина, строительство железной дороги Туркменистан - Афганистан - Таджикистан является основной концепцией внешней политики Туркменистана в афганском направлении. Аполитичность афганских туркмен и их отказ от участия в военно-политических группировках, за исключением ограниченного участия в НИДА (А. Дустума) позволяет Туркменистану и в будущем поддерживать связи с правительствами Афганистана.

Узбекистан выступил в качестве самостоятельного актора афганской политики в 1992 году, когда силы А. Дустума, отколотые от режима Наджибуллы, создали на севере полусамостоятельное образование с центром в Мазари-Шарифе. Дустум организовал некоторое подобие светского правления с пантюркистским элементом. НИДА при поддержке Турции и Узбекистана, пуштунских формирований Г. Хикматяра и хазарейцев Х. Мохаккека в составе «Координационного совета» предприняло вооружённую попытку свержения централизованного правительства Б. Раббани, спровоцировав сепаратистские настроения в афганском обществе.

Переход руководства ИДУ в Афганистан создал проблемы безопасности для узбекского государства, что побудило к пересмотру

политики РУ в афганском направлении. Будучи секретарём Совбеза РУ, А. Комилов встретился с руководством талибов в Кандагаре в 2000 г.

С приходом к власти ДТ в 2021 Узбекистан придерживается политики поддержания контактов с талибами, опираясь на реализацию проектов, связанных с транспортными коммуникациями и гидроэнергетической отраслью. РУ выступает активным медиатором между ДТ и странами региона. Наряду с другими факторами, это связано с тем, что прерывая контакты с НИДА (А. Дустума) РУ сохраняет коммуникацию с ДТ ввиду узбекской составляющей в правительстве «Талибан» в лице вице-преьера А. Ханафи и других полевых командиров.

Относительно Таджикистана, как южного рубежа СНГ стоит подчеркнуть, что защите и укреплению оборонного потенциала общих границ центральной властью придаётся приоритетное значение. Таджикистан наряду с советскими республиками Средней Азии, как страна с устойчивой экономикой и высоким уровнем образования населения в сравнении с Демократической Республикой Афганистан, служил в качестве эталона построения социализма в восточных условиях. Перенимался опыт управления практически во всех сферах жизнедеятельности и народного хозяйства, включая способы претворения в жизнь навыков управления общественными процессами, установления порядка и борьбы с фундаментализмом. Расширился культурный и студенческий обмен между странами, что помогло в познании советской действительности. Регулярные контакты на всех уровнях, в том числе гражданского населения двух стран содействовали обмену культурно-духовным потенциалом, поддержанию семантической общности таджикского-дари языка.

Таджикистан - одна из первых стран в Центральной Азии ощутив опасность влияния неконтролируемого религиозного образования на умонастроения молодёжи в начале 2000 г. запустил программу по

возвращению студентов теологических учебных заведений из-за рубежа, что оказала позитивное влияние на процесс дерадикализации общества.

В интересах региона, учитывая вызовы и риски, Таджикистан, опираясь на свои исторические, культурные и духовные связи с Афганистаном, полон решимости способствовать налаживанию ситуации в соседней стране. Инициативы Таджикистана в афганском направлении признаны многими государствами и влиятельными международными организациями, а шаги Президента РТ Эмомали Рахмона по укреплению мира и стабильности в Афганистане получили высокую оценку и широкую социальную поддержку. Эти меры зиждутся на постепенном обеспечении безопасности и построении социальной и инфраструктурной базы экономики этой страны, создании благоприятной почвы для укрепления взаимоотношений с другими государствами [81, с. 171].

На фоне развития общей ситуации в Афганистане повысилось требование к всеобщему изучению истории, политики, экономики, культуры, языковых предпочтений его народов среди научно-аналитического сообщества СССР, в том числе и Таджикистана. В Таджикской ССР сложилось эффективно функционирующее аналитическое направление - афгановедение, чьими принципами признаны непредвзятое изучение процессов, актуальность выбранных научных тем, фундаментальность изучения современных процессов, приближённых к афганским условиям. Безусловно, все эти факторы в совокупности способствуют поиску путей обеспечения стабильности и безопасности, создают научно-аналитическую базу, вырисовывают общую картину обустройства будущего Афганистана, ориентированного на сотрудничество с соседями.

На стадии наращивания внешней политики СССР в Афганистане и неоднозначности перспектив развития ситуации в сопредельном государстве, было важно проанализировать основные парадигмы и контуры состояния геополитических процессов в Центральной и Южной

Азии, их направленности на обеспечение безопасности и социально-экономического развития региона.

С 1985 года со сменой руководства СССР, приходом к власти Наджибуллы начался процесс национального примирения и одновременного вывода советских войск из Афганистана, который был завершён 15 февраля 1989 года.

Относительно стиля ведения противостояния в Афганистане специалисты отмечают, что политика верхушки вводила в заблуждение целые народы, в том числе и таджиков, скрывавших свою национальность и выдававших себя за мусульман и по месту жительства. Даже далёкие от данного дискурса лица не могли открыто говорить о национальной принадлежности [196].

Распад государства и раздробление афганской нации явилось большим геополитическим планом. Эта цель реализовывалась поэтапно. А конечный результат этого плана был воплощён спустя сорок пять лет и представлен региону, миру в виде «цивилизованного подарка» Запада. Политический опыт мусульманских стран показывает: если в обществе возникшие острые религиозные разногласия и противоречия не будут решены в рамках интересов национального государственного устройства, дело завершится кровавым вооружённым конфликтом [96, с. 8].

Политико-религиозные предпосылки способствовали появлению движения «Талибан» по периметру афгано-пакистанской границы, что облегчало рекрутирование племенных сегментов и рассматривало возможность апробации геополитического инструмента относительно создания в Афганистане племенного образования, оттягивая на неопределённое время вопрос «Пуштунистана».

Исторические аспекты движения «Талибан», на наш взгляд условно можно разделить на следующие этапы: 1) Процесс становления движения в ИРП – 1979-1992 гг.; 2) Период вхождения в военно-политическую структуру Исламского Государства Афганистана – 1992 – 1996 гг.; 3)

Первое талибовское правление – 1996 – 2001 гг.; 4) Период подполья – 2001 – 2008 гг.; 5) Этап вооружённого противоборства против правительства ИРА и НАТО – 2009 – 2021 гг.; 6) Август 2021 г. по настоящее время - второе талибовское правление.

Семилетний период борьбы движения «Талибан» за преобладание в Афганистане распределяется на три отрезка: первый – с осени 1994 до осени 1996 г., второй до осени 1998 г. и третий – до осени 2001г. В течение первого периода произошло становление и приход к власти, второй отмечен временной осечкой и третий период характеризуется затяжной войной при ослаблении внутреннего единства и усиливающимся кризисом его внутренней политики [31, с. 53]. К этим этапам стоит добавить период захвата власти в августе 2021 г.

С возвращением «Талибана» в Кабул глобальная геополитическая система в регионе изменилась, и отдельные страны и бывшие союзники оказались на противоборствующих сторонах. Предоставление геоэкономических выгод (продажа оружия, реализация транспортных проектов, транспортировка нефти и газа, добыча полезных ископаемых) и продвижение лояльных лиц и групп в новом правительстве положило начало новым отношениям.

Подытоживая результаты исследования первой главы диссертационной работы стоит подчеркнуть, что жёсткая геополитическая конкуренция традиционных/аграрных и индустриальных/информационных сообществ, развернутая на пространстве Среднего Востока, в частности, в Афганистане подтолкнуло радикальное подполье исламистского толка к образованию в религиозных медресе ортодоксального свойства ИРП – движения «Талибан», придерживающихся пуританских законов бытия, претворяющих в жизнь родоплеменные представления об исламе. Данный факт вынудил Пакистан с учётом интересов семи военно-политических группировок Афганистана разработать политическую доктрину с учётом индийского фактора, пытаясь создать в конце 80-х

прокси – организацию для создания «глубинного государства» с элементами стратегического видения с тем, чтобы на конфедеративной основе создать с Афганистаном механизм решения проблемы внутреннего и внешнего порядка.

История появления движения «Талибан», как пропуштунской организации Афганистана и Пакистана с национально-религиозной составляющей сопряжена с реанимацией радикальных организаций в регионе, в особенности на Среднем Востоке и Южной Азии. В начале 80-х гг. XX века из периферии геополитических устремлений иностранных государств, Афганистан превратился не только в арену противостояния социалистического и капиталистического мира, но и в плацдарм террористического интернационала. На первоначальном этапе адепты талибовской трактовки шариата проходили идеологическую промывку на предмет усвоения воинствующего исламизма в религиозных учебных заведениях, как первичной ячейки радикализации общественного сознания. По мере завоевания ниши в структуре исламской оппозиции на севере Пакистана, «ученики» медресе были нацелены в разрозненном состоянии на ведение войны против Ограниченного контингента советских войск и правительственных сил во главе Кармая - Наджибуллы. Рекрутирования в ряды альянса 7 (семи) (семь военно-религиозных организаций суннитского толка в ИРП) не носила на данном отрезке времени массовый характер, и поэтому говорит о «Талибан», как о самостоятельном субъекте политического действия не приходится. Объединение многотысячной армии талибов под общим флагом борьбы с беззаконием военно-политических организаций, использующих исламскую практику и нарратив в борьбе против коммунистического режима Кабула, начался в 1992 году. Но появление движения «Талибан» официально принято считать вторую половину 1994 года, когда в Кандагаре в ответ на преступления моджахедов в отношении мирного населения были убиты полевые командиры.

Приход к власти военно-политических группировок в апреле 1992 была геополитической ошибкой не только для региона, но и для центрального государства, о чём не могли не знать акторы мировой политики, вовлечённые в афганский конфликт. Всеобщая анархия, разделение провинций по этно-религиозному признаку, тотальное нарушение прав человека, крах системы хозяйствования, привели в совокупности к появлению движения «Талибан» - организации террористической направленности.

При поддержке их иностранных сателлитов произошла тотальная люстрация¹, в результате которой в массовом порядке сняты с государственных должностей не только в центре, но и на периферии, представители непустунских народов, назначая на их место членов движения «Талибан», далёких от государственных дел и управления, не знающих письменность и язык 70% процентов населения – язык дари.

Талибовский «истеблишмент» пропитан чувством родоплеменной привязанности, рассматривающих граждан в качестве объекта подчинения и манипулирования.

Новые независимые государства Центральной Азии с учётом афганского фактора нуждаются в разработке Новой стратегии по Афганистану.

По нашему мнению, продвижение в афганском направлении и намеченных в этой области планов зависит от нормализации военно-политической обстановки и обеспечения безопасности, а также решение возникших в Афганистане проблем, которое диктует необходимость формирования в стране инклюзивного правительства с участием всех этнополитических групп.

---

¹ Люстрация - чистка государственных чиновников, законодательные ограничения для политической элиты прежней власти, вводимые после смены власти, в виде активного и пассивного избирательного права на участие в управлении делами государства. // <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Люстрация>, Дата обращения 24 апреля 2023.

ГЛАВА 2. ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИИ ТАЛИБАНИЗАЦИИ АФГАНИСТАНА НА СТАБИЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2.1. Отношения приграничных государств Центральной Азии с непризнанным Исламским эмиратом Афганистана в 1996-2001 и 2021 гг

Анализ данных в рассматриваемом историческом периоде позволяет выдвинуть гипотезу относительно отношений приграничных государств Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан) с непризнанным Исламским эмиратом Афганистана в 1996-2001 гг., включая прихода движения «Талибан» к власти в августе 2021г.

История формирования современной геополитической ситуации в Центральной Азии насчитывает 31 лет - с 8 декабря 1991 года, с момента распада СССР, который оставил на карте континента Евразии довольно внушительный геополитический вакуум [27, с. 181].

Эти отношения отличались в совокупности на первых порах становления независимости, относительным постоянством, острее которых было направлено на обеспечение безопасности, установления торгов-экономических отношений, вопросы культурной дипломатии и возрождения «мягкой силы» (soft power). Все страны в той или иной степени располагали диаспорами внутри Афганистана, наряду с установлением отношений на двусторонней основе, что служило подспорьем для обсуждения вопросов соблюдения их гражданских прав с властями Кабула.

27 апреля 1992 года Грэм Филер, заместитель госсекретаря США по исламскому фундаментализму, заявил: «В настоящее время ислам противопоставляется теории марксизма, и он будет разрушительным для цивилизации западного мира. Ислам в Афганистане, Иране, Пакистане, Турции рассматривается как фактор «прогресса» и окажет глубокое влияние на американскую политику. В будущем эти страны объединятся

под флагом исламизма и создадут настолько мощный блок, что закрывать на это глаза будет невозможно» [106, с. 202].

Роль и место Средней Азии в развитии Афганистана в 20-х годах XX века востоковедами характеризуется следующим образом: - программа развития обеспечивалась в основном накоплениями периода правления Абдурахмана и Хабибуллы за счёт налоговых реформ, существенным ростом национального дохода и советской помощью. Кроме того, национальное достояние увеличилось за счёт сотен таджиков, узбеков, туркмен, которые бежали из СССР в Афганистан после разгрома басмаческого движения. Они привели с собой стада овец, лошадей и крупный рогатый скот. Особо важным было то, что с туркменскими беженцами прибыло большое количество каракульских овец, что послужило импульсом для развития весьма прибыльной статьи афганского экспорта - каракуля. Теперь Афганистан начал экспортировать их в Англию и Германию. Эмиграция из Средней Азии способствовала также развитию ковроделия [55, с. 103].

В ходе дипломатической работы в 2007 г. находясь в 4 проезде города Баглан одноименной провинции, где компактно проживали бывшие выходцы Таджикистана, проведена беседа с одним из старейшин Султон Таджик. Из неё явствовало, что ценой невероятных усилий они воссоздали практически весь город Пули Хумри - административный центр, построили фабрику по производству сахара, провели мероприятия по облагораживанию арыков, дорог, сёл, посевных земель, - привили грамоте и основ кухни населению провинции, создав тем самым социально-экономическую базу для развития. До приезда таджиков в Баглан данная часть территории была малозаселенной, неразвитой, земли обрастали бурьяном, в обществе царили

родоплеменные отношения и ксенофобия со стороны «фиркамишр»¹ и местных пуштунских ханов по отношению к приезжим².

Страны региона входят в международные и региональные организации – ООН, ОДКБ, СНГ, ЕАЭС, апробируют форматы двустороннего и многостороннего сотрудничества, в которых афганский вопрос стоит в приоритете. Это объясняется нижеследующими факторами: близостью Афганистана, 50-ти летней междоусобной войной, современными вызовами и угрозами, которые затрагивают вопросы обеспечения безопасности и наличия крупной этнической составляющей в Афганистане, включая окно возможностей в силу потенциального приложения транспортно-коммуникационного коридора в страны Среднего Востока и Южной Азии.

Влияние идеологии талибанизации на стабильность Центральной Азии, опеределается, прежде всего, факторами экзистенциального характера, краеугольным камнем которых являются вопросы обеспечения безопасности на южных рубежах и угрозы, связанные с нестабильностью Афганистана. Во-первых, исходя из этого положения, внешнеполитическими ведомствами ЦА относительно урегулирования афганской проблематики, предпринимаются не только шаги по стабилизации складывающейся обстановки, но и что особо важно, нейтрализуются последствия построения шариатской практики управления в Афганистане.

Во-вторых, Афганистан, как антипод странам Центральной Азии со своей спецификой развития, с острием религиозного фактора в общественных отношениях, с наличием плацдарма террористического интернационала на протяжении практически более 30 лет, препятствует не только мирному развитию региона, но и мешает инвестированию со

---

¹ Фиркамишр, пуштунское слово – должностное лицо, совмещающие гражданские и полицейские полномочия. *прим. автора*

² Назаров У.К. Полевые исследования в период командировки в Афганистане с 2003 по 2008 гг. и 2016 по 2019гг., включающие работу с экспертами, дипломатами, военными, политиками, сотрудниками ООН, представителями СМИ, интеллигенции и духовенства.

стороны иностранного капитала в критических важных отраслях национальной экономики.

Эксперты едины во мнении, что преемственность власти в странах со стабильной обстановкой, светской формой правления, процветающей национальной модели развития и со сложившимся укладом жизни, каковыми являются страны Центральной Азии считаются закономерным процессом развития. Исторические примеры подсказывают, что государства наибольшее развитие получали именно тогда, когда во главе страны стояли лидеры с чётко выраженным светским мышлением, осознающие пагубность мировоззрения радикального порядка.

Создавшийся цейтнот в отношениях стран региона Центральной Азии с вновь непризнанными властями Афганистана нашло свое логическое продолжение 13 апреля 2023 года в г. Самарканд, где прошло четвертое заседание министров иностранных дел Таджикистана, Узбекистана, Ирана, Китая, Пакистана, России и Туркменистана, в котором принял участие, вопреки ноте протеста МИД Таджикистана, исполняющий обязанности министра иностранных дел А.Мутаки. Лейтмотивом данной встречи был основополагающий вопрос - создание всеобъемлющего инклюзивного правительства с участием этнополитических представителей Афганистана, создание надёжных условий и гарантирование соблюдения прав женщин на учёбу и работу и религиозно-этнических меньшинств. Примечательно событийное совпадение 4-го заседания МИД стран региона в Самарканде с убийством генералов А. Амири и А. Саланги, членов антиталибовского «Фронта свободы Афганистана» в м.Шутул провинции Панджшер. Это факт наглядно показывает, что движение «Талибан» не только не берёт на себя обязательства, связанные с их собственными заявлениями относительно амнистии бывших государственных чиновников, но демонстративно игнорирует позиции стран региона по мирному регулированию афганского вопроса [237].

Между тем, внешняя политика стран ЦА применительно к Афганистану показывает, что за исключением Таджикистана, не отличается своей последовательностью, тем самым обозначая контур афганского направления внешней политики. В ходе обмена мнениями между странами ЦА выявлена близость или совпадение взглядов по ряду вопросов регионального и международного характера, основанного на интегрированном подходе относительно Афганистана. Все страны с разной тональностью выступают за создание инклюзивного правительства в Афганистане, при этом подчёркивая, что они не собираются навязывать талибовскому Афганистану своё видение решения проблемы. Однако в столицах стран ЦА заявляют о жизненной и максимальной необходимости полного учёта интересов всех основных этнополитических сил страны. Основной постулат данной позиции звучит так, что граждане Афганистана должны знать, что их права и законные чаяния не на словах, а на деле реализуются и будут защищены с учётом традиций и обычаев. Страны ЦА считают, что для установления жизнеспособного государственного устройства, талибы должны выстроить отношения со всеми этническими группами, политическими и общественными организациями Афганистана.

Позиция Таджикистана на сегодняшний день наиболее реалистична и основана на трактовки позиции, что представители этнических групп должны занять значимое, адекватное их роли место в системе управления страной, благодаря чему должен быть найден соответствующий баланс. Основываясь на интерпретации текущей афганской внешней политики РТ, мы уверены, что вовлечение представителей 46% этнических таджиков и других представителей народов Севера Афганистана во властные структуры является наиболее прагматичным подходом и способствует стабильному развитию Афганистану и его национальным интересам.

Для убедительности исторических аспектов стоит провести хронологию событий сентября 1994 года, где обозначается точка отсчёта

появления движения «Талибан» на военно-политической арене Афганистана и Пакистана. Из анализа данных событий можно сделать вывод, что «Талибан» в начале вхождения в политику выступал в качестве наёмной армии экономических интересов Пакистана в регионе. И лозунги на первых порах отличались от политических организаций исламского толка: разоружение незаконных вооружённых групп и открытие дорог для торговли с ИРП; 21 сентября 1994 года пакистанский торговый караван въехал в Афганистан с намерением въехать в страны Центральной Азии [27, с. 300]; 24 сентября министр внутренних дел Насирулла Бабур возглавил делегацию в юго-западные районы Афганистана в республики Средней Азии [27, с. 301]; 29 сентября 1994 года по инициативе агентства ООН в городе Кветта Белуджистана состоялась совместная встреча с участием афганских политических деятелей, которая не была принята Раббани и Сайяфом. В этой связи нам необходимо выделить важные этапы этого процесса, чтобы понять становление движения «Талибан»; 10 октября 1994 года началась война между командирами района Спинбулдак и группировкой под названием «Талибан», пытавшейся сохранить дороги открытыми; 13 октября 1994 года новообразованная группа взяла под свой контроль пограничный город Спинбулдак, Канлаху; 14 октября Насирулла Бабур сообщил, что в страны Центральной Азии отправлена очередная колонна коммерческих грузов из Пакистана [27, с. 301]; 24 октября 1994 года делегации Америки, Англии, Китая, Италии и Южной Кореи прибыли в Герат и встретились с Исмаил-ханом, губернатором Герата, а затем встретились и провели переговоры с Гулаго, муллой Накибуллой в Кандагаре; 9 февраля 1995 г. Хикматяр выступил с заявлением относительно группы «Талибан», отметив, что движение через зарубежные страны и ряд наёмных формирований выступает против моджахедов. При этом план этого движения разработан министром иностранных дел и бывшим послом Англии в Исламабаде, а реализует

его так называемая исламская организация, которая поддерживает Пакистан [27, с. 304].

Исследователь А. Беги приводит войсковую карту из личного архива, отражающей наступление талибан на позиции ИГА в сентябреноябре 1994 года (*см. приложение №3*), акцентируя внимание на основные причины образования движения «Талибан». Ссылается на координированные усилия ООН, дипломатических представительств при ведущей роли пакистанских инструкторов во второй половине 1994 года. В особенности, он приводит факты объявления «Талибан» в начале их появления «армией мира», «голубями мира». Руководство ИГА и ООН оплачивали заработанную плату бывшим военнослужащим ДРА, которые примкнули к талибам [100, с. 113].

Хронология событий ноября 1996 г. обосновывается приходом во власть в Кабуле движения «Талибан»; формирования первого талибовского правительства (1996-2001); убийства Наджибуллы, главы ДРА; гибели А.Мазари – лидера Партии исламского единства (хазарейцев); образования «Северного альянса» в г.Пули Хумри - как противовес талибам.

Представители членов движения «Талибан», не найдя соответствующее место в политической палитре собственной страны, стали возвышать вес путём искусственного возвышения радикальных форм правления. В этом контексте, стоит особо подчеркнуть, что Таджикистан помогает народу Афганистана, поставляет электроэнергию, представляет логистическую инфраструктуру для гуманитарной помощи, налаживает торгово-экономическое сотрудничество вопреки режиму талибов [100, с. 113].

Именно из гуманных соображений, и, принимая во внимание спад благосостояния населения, в конце ноября 2022 г. Таджикистан направил первые 7 грузовиков помощи через восточный участок государственной границы в провинцию Бадахшан Афганистана. По сообщению отечественных СМИ «Всемирная продовольственная программа ООН

(ВПП ООН) начала поставку продовольствия в Афганистан из Таджикистана в поддержку чрезвычайных мер по оказанию гуманитарной помощи афганским семьям, столкнувшимся с голодом текущей зимой» [201]. Это около 2500 тонн пшеничной муки, которые если не полностью, то частично могут возместить и решить продовольственную проблему афганского приграничья. Получатели помощи, в основном являются жителями приграничных и горных уездов: Вахан, Султан-Ишкашим, Шугнан, Нусай - Дарваз, Шикай и Хоун. Эти уезды имеют общую границу с Хатлонской областью и ГБАО Республики Таджикистан и следовательно доставка необходимых товаров первой необходимости не составляет особого труда для логистических служб. Таджикистан для перспективного сотрудничества с Афганистаном построил 6 мостов через таджикско-афганскую границу с учётом возникших форс-мажорных обстоятельств.

В Концепции внешней политики Таджикистана, сотрудничество с Афганистаном, нашим близким и надёжным соседом занимает важное и приоритетное значение. Афганистану отведена особая ниша во внешнеполитических приоритетах, заключающаяся в поддержании устойчивой тенденции политико-экономических, торгово-культурных связях и в вопросах пограничного сотрудничества. В сфере безопасности связи двух стран заслуживают отдельного освещения. Этому есть ряд причин, главными из которых – это этническая и языковая общность, общая граница и достаточно высокий уровень взаимного доверия, направленного на решение проблем, представляющих обоюдный интерес.

Руководство и народ Таджикистана никогда не были безучастными наблюдателями афганских событий. Во главе прагматического подхода таджиков всегда стояли и стоят жизнь и благосостояние простого афганца-соседа, пережившего с 1973 г. (с момента госпереворота Дауда) 50-летнюю междоусобную войну.

Эксперты, хорошо знающие регион Среднего Востока, нынешний подход таджикских властей в афганском направлении оценивают позитивно. По их мнению, опора на гуманитарное составляющее сотрудничество с народом Афганистана призвана укрепить «мягкую силу» Таджикистана, возобновить в сердцах простых афганцев веру в будущее. Эти шаги признаны, донести до мирового сообщества, что общечеловеческие ценности превыше всяких политических манёвров с представителями непризнанного правительства в Кабуле, находившимися во власти вопреки истинной воли народа.

Таджикистан, как ответственный партнёр, приверженец международного гуманитарного права, заслуживающий признания международных организаций. В частности, Таджикистан получил позитивный отзыв Евросоюза за снабжение Афганистана электроэнергией. Глава Верховного представителя Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель отметил, что «хотя Таджикистан не признал новую власть в Афганистане, но продолжает снабжать эту страну электроэнергией, чтобы народ Афганистана, большую часть которого составляют таджики, благополучно пережили зиму» [182].

К сожалению, стоит констатировать, что Афганистан с начала 2023 года переживает оскудение и обеднение общей морально-нравственной парадигмы, насаждаемой режимом. Модель несуществующего в мире государственного строя демонстрирует достаточно высокую степень своей изворотливости. Режим, установленный в Кабуле, за 3 года правления уничтожил целые отрасли жизнедеятельности. Это и государство, политика, наука, искусство, музыка, экономика, торговля, спорт и ремесло, единство народа. Разрушены все скрепы общества. Талибы продолжают скрывать масштаб гуманитарной катастрофы, которая стала реальностью с их приходом к власти. В завуалированном виде они подают и искажённую информацию мировым СМИ. Усеченная

правда распространяется в масс-медиа страны об истинном положении дел в Афганистане.

Представляется, что поверхностное отношение к действиям талибов, рассматривая их через призму достижений цивилизации, тем более структуры современной партийной организации, не стоит, так как это чревато многими проблемами стратегического характера. «Талибан» - это сублимация племенной структуры с общинным видением на мир, которого рациональными убеждениями не исправить.

В начале 90-х г., республики Центральной Азии занимались вопросами государственного строительства и афганский вопрос рассматривался в качестве препятствующего фактора обеспечения национальной безопасности. Обстановка усугубилась также тем, что региональные радикальные группировки воинственного исламизма из стран исхода предпочитали функционировать на севере Афганистана, приобретая практический опыт ведения войны. Террористические организации стран региона - Партия исламского возрождения, Исламское движение Узбекистана, Союз исламского джихада, Исламское движение Восточного Туркестана при тесном сотрудничестве с исламскими фундаменталистами Афганистана создали боевой плацдарм против светских государств Центральной Азии. Данный фактор безопасности и опасное соседство воссоздало «эффект СНН», когда часто повторяемые нарративы угроз с юга ухудшали не только инвестиционный климат, но и ожесточали и без того не лучшую ситуацию географического положения региона в силу отсутствия его выхода к морю.

Именно по этим соображениям произошли существенные изменения в геополитической конфигурации региона, когда с использованием фактора Афганистана, впервые на мировую арену вышли новые самостоятельные игроки в Центральной Азии, вовлечённые в силу географического расположения и геополитической конъюнктуры, в решении вопросов афганского урегулирования.

В качестве основополагающей аргументацией стоит упомянуть о ведущей роли школы афганистики Таджикистана в изучения истории таджиков, пуштунов, хазарейцев, узбеков и других народов. Такие исторические книги как «Таърихи Ахмадшахи», «История хазарейцев» были переведены на русский язык, что в определенной степени способствовало познанию афганцев в СССР. Книга «Роль таджиков в истории Афганистана» члена корреспондента Х. Назарова - фундаментальное исследование, проложившее путь к серии научных публикаций о позитивной роли таджиков Афганистана, вносящие значительный вклад в развитие и процветание этой страны.

Кроме этих книг и диссертаций, в средствах массовой информации и энциклопедических материалах опубликованы статьи и репортажи различного объёма о таджиках в различных уголках мира, их сбор и публикация в специальных сериях или трактатах является проблемой номер один для развития национального самосознания.

Изучение проблемы таджиков в Афганистане, их место, статус и история их расселения и роли таджиков в развитии этой страны, также является особо важным вопросом в науке [140; 149]. В комментарии к этому вопросу стоит отметить работу доктора исторических наук К. Искандарова, который посвятил свои работы изучению Афганистана [47; 48; 210; 211;].

В этой связи стоит отметить, что движение «Талибан» базировалось не столько на этнической, сколько на конфессиональной основе, навязывая Афганистану посредством талибов пуританский ислам. Зарубежные спонсоры сделали ставку одновременно на пуштунов, стремясь вернуть страну в лоно традиционной пуштунской государственности. Именно из среды пуштунской молодёжи из афганских беженцев рекрутировались участники движения Талибан. В основу же идеологии данного движения был положен религиозный фанатизм талибов (известно, что ортодоксальный ислам не признаёт существования национальных государственных образований и,

соответственно, границ). По этому замыслу в случае дезинтеграции Афганистана по этническому принципу всеобщая идея ислама и исламизации в политике «Талибана» должна была отодвинуть в тень пуштунский национализм и возможную реанимацию «проблемы Пуштунистана», представляющей угрозу территориальной целостности пакистанского государства [55, с. 453].

Появление нового ортодоксального движения было связано не только с динамикой внутреннего развития, но и в связи с международными факторами, которые играли не менее важную роль в его становлении. События в Афганистане вызывали растущее беспокойство его соседей, справедливо рассматривающих эти события как угрозу региональной безопасности. Не последнюю роль сыграли здесь и экономические интересы ряда стран, в первую очередь США и Саудовской Аравии, нефтяные компании которых включились в борьбу за энергоресурсы Каспия, планируя строительство газопровода Туркмения-Пакистан (до Индии) через афганскую территорию [55, с. 454].

С появлением в Афганистане в 1996 г. бен Ладена и его организации «Аль-Каида» исламский экстремизм талибов трансформировался в терроризм, постепенно выходя за пределы страны. Эта нашло практическое воплощение в идеологической, финансовой и военной поддержке исламистских организаций и движений в разных странах и регионах, а именно в Боснии, Косово, Чечне, Узбекистане, Кашмире и Синьцзяне. В последние годы происходила радикализация политики и практических действий талибов. В феврале 2000 г. они официально признали Чеченскую Республику Ичкерия и открыли в Кабуле её посольство, во главе которого стал бывший президент Чечни З. Яндарбиев [55, с. 460].

Таджикские журналисты вхожие в экспертное сообщество региона отмечают, что «талибы - продукт спецслужб. Костяк этой террористической организации составляет пакистанские пуштуны. Им

чужды афганская культура, духовная общность всех народов Афганистана. Миссия талибов - уничтожить эту духовную общность, опустошить сознание подрастающего поколения и установить господство мракобесия в стране. Только так можно завоевать Афганистан» [62, с. 19]. В контексте распространения постулатов суеверия, талибы в мировой истории пошли дальше, создав в 1996 году целое Министерство поощрения желательного и осуждение предосудительного (Вазорати амр бил маъруф нахй ваз мункар), которое до описываемого периода (мая 2025 г.) является одним из ключевых подразделений, совмещающее функции органов полиции, безопасности, образования, политического сыска, цензуры, ТВ и радио, культуры, сконцентрировав основные функции непризнанного правительства в одни руки. В сентябре 2021 года это министерство огласило шариатский закон из 15 пунктов, который поражает воображение современного человека. Этот закон создаёт атмосферу страха в афганском обществе и нарушает элементарные права граждан страны: 1) Музыка под запретом повсеместно – в домах, отелях, автомобилях, на свадьбах, всех семейных торжествах. Лица, нарушившие этот пункт закона, подвергаются аресту и освобождаются по поручительству пяти человек; 2) Лица, носящие короткую бороду или не носящие бороду вообще – злостные нарушители закона. Они подвергаются аресту сроком на один месяц, пока борода не достигнет нужного размера; 3) Отныне намаз совершается исключительно в мечетях. Все магазины, отели, рынки, кафе и т.д. за пятнадцать минут до начала намаза должны быть закрыты. Лица, замеченные во время намаза на рабочем месте, подвергаются аресту и освобождаются по поручительству пяти человек [62, с. 19–20].

О том, что «Талибан» - глобальный проект по созданию мирового центра терроризма в Афганистане свидетельствует решение администрации США. Дело в том, что в 1981 году президент США Р.Рейган пригласил на консультацию по разработке проекта по развалу СССР глав британской, израильской и французской разведок. Это был

второй год присутствия советских войск в Афганистане. Больше всего президенту США понравился проект, который предложил ему Александр де Маранш, французский военный разведчик, директор спецслужбы SDECE. Смысловой перевод беседы А.Д. Маранша с Рейганом из его книги «Четвёртая мировая война»: «Рейган спросил меня, как бороться с СССР и развалить этого врага? Я ему ответил так- у медведя самое уязвимое место – это нос, когда он разрушает пчелиный улей для добычи мёда. Афганистан для СССР – это его уязвимый нос. Самые яркие враги для атеистического государства – это радикальные исламисты, которых обучают в специальных медресе Пакистана. Нужно дополнить программы этих медресе теорией террора и насилия над «неверными». Выпускники этих медресе могут стать основой для создания вооружённых формирований, которые пойдут на смерть за идею. Спустя время, на деньги Саудовской Аравии, Катара и Пакистана были созданы первые вооружённые группировки из числа учащихся медресе (талибы). Второй способ развала СССР, который я предложил президенту – это наркотики. Нужно не уничтожать маковые плантации в Афганистане, а расширить посевы этого эффективного оружия, так как наркотики деморализуют врага. Поставляя наркотики в СССР и страны социалистического лагеря можно выручить огромные средства. Эти деньги нужно тратить на закуп оружия муджахедов» [62, с. 48–49].

Озабоченность появления движения «Талибан» на авансцене в 1994 году через призму их влияния на обстановку на ситуации в странах Центральной Азии эксперты расценивают однозначно. История неожиданного появления в Афганистане в 1994 году нового военно-политического движения «Талибан», его впечатляющие успехи и не менее внезапное исчезновение с политической карты до сих пор сохраняет свою загадку. Однако движение «Талибан» за короткий период своего существования (1994-2001) создавало столь серьёзное напряжение не только для Афганистана и его соседей, но и для мировой политики в целом, что феномен талибов нуждается в самом глубоком

изучении. Наверное, главная цель должна заключаться в том, чтобы понять, как можно не допустить создания условий для появления подобных организаций в будущем. Например, на территории той же Центральной Азии [27, с. 187]. По мнению этого автора, с которым нельзя не согласиться сегодня про талибов известно главное: само движение «Талибан» было создано в основном из числа студентов религиозных школ, расположенных в лагерях афганских беженцев. «По признанию бывшего начальника генштаба ИРП генерал Мирзы Аслама Бега, цепь таких медресе с контингентом прошедших специальную подготовку талибов была создана Пакистаном и США, как «религиозно-идеологический пояс вдоль афганско-пакистанской границы для поддержки боевого духа моджахедов» [204]. В данной цитате термин «талибы» трактуется именно в его первоначальном смысле – как ученики медресе, потому что относится к периоду, когда шла война против СССР и коммунистического режима в Афганистане. После свержения режима Наджибуллы (1992) острая необходимость в них отпала. Однако в то же время под контролем пакистанских религиозных организаций «Джамиат-и-Улема ислам», осуществлявших текущее руководство системой медресе, хорошо организованные «ученики» потенциально обладали большой силой. Нельзя не отметить, что экономическая нагрузка на Пакистан серьёзно возросла после прекращения финансирования вооружённой борьбы против СССР со стороны США. К тому же разделение Афганистана на множество владений враждующих между собой полевых командиров не позволяло в полной мере решить проблему афганских беженцев, и следовательно, их содержание тяжким бременем ложилось на экономику Пакистана. Исламабаду было чрезвычайно трудно сделать выбор до тех пор, пока окончательно не была сформулирована стратегическая цель пакистанской внешней политики - открытие транспортного коридора на север, в регион Центральной Азии [27, с. 188]. Первое появление муллы Омара и его людей на афганской политической карте датируется «12 октября 1994

года, когда 200 талибов из Кандагара и пакистанских медресе прибыли в маленький афганский пограничный пост Спинбулдак на афгано-пакистанской границе. Пост контролировали люди Хекматиара, которые брали здесь мзду со всех грузовиков, пресекавших границу, в том числе и тех, которые направлялись в регион Центральной Азии. Сразу после этого незначительного в масштабах Афганистана стычки, Пакистан передал талибам склады армейского вооружения» [252, с. 26].

Движение «Талибан» уже не первый год активно занимал позиции в северных провинциях Афганистана – Бадахшане, Фарьябе, Кундузе, в провинции Сари-Пуль, поддерживая новое поколение непуштунских талибов – афганских узбеков, таджиков, туркмен и других этносов.

Такая политика набора теневых губернаторов и полевых командиров из числа непуштунов, которая в корне отличается от 90-х годов, позволила «Талибану» прочно укрепиться на севере и стать серьезной проблемой для сил национальной безопасности.

Сменить кадровую политику 90-х талибов вынудили столкновения с военным блоком Северного альянса, в которых талибы несли серьёзные потери. Так известный командир «Джамиат-е Ислами» Сайед Наджмуддин Васек при проникновении группировки талибов под командованием муллы Шарифа в ходе трансграничной атаки из Пакистана без труда собрал сотни боевиков, чтобы вернуть себе контроль над уездом Топхана: по словам местных жителей, сотни боевиков-талибов, а также их командир были беспощадно убиты [184].

Многие «ранние» талибы учились в афганских медресе, а большинство лидеров движения боролись против ОКСВ в качестве членов различных фракций моджахедов. Однако уже в 1995 году таджикские и узбекские религиозные ученые и студенты, уроженцы северного Афганистана, находящиеся в качестве беженцев в Пакистане, обратились к зарождающемуся движению. Эти ученые и студенты были членами религиозной организации «Джамиат-и Тулаба-и-Афганистон»

(Ассоциация религиозных студентов). Так первый непуштунский элемент присоединился к пуштунскому движению [184].

Стоит подчеркнуть о факте участия отдельных таджиков Афганистана, которые в угоду узкокорыстных целей сотрудничают с талибами. В силу политической близорукости они не знают горькую судьбу исторических личностей А. Хуросони, Афшина и Бобака, которые прослужив в угоду завоевателям, впоследствии разделили участь убиенных.

Афганоцентристский дискурс, согласно которого Афганистан рассматривался как средоточие Южной и Центральной Азий, а Кабул практически центром непризнанной единой Азии нашло своё практическое отражение в период 2001 года, когда члены-страны НАТО, а также вкуче с Россией, странами Центральной Азии вошли в антитеррористическую коалицию по борьбе с международным терроризмом. Начиная с конца 19 века Афганистан служил буферной зоной между Царской Россией и Британской Индией, разделяя территорию в соответствии с геополитическими интересами с привязкой нейтралитета страны. С 1979 года Афганистан превратился в арену борьбы исламских организаций против режима Кармаля-Наджибуллы. Власть моджахедов разгромила 40-тысячную армию доктора Наджибуллы, уничтожил передовую интеллигенцию, создав идеологический вакуум, который был восполнен талибами. Де-факто, произошла фрагментация Афганистана по этно-региональным признаку, в этом деле преуспел А. Дустум, руководитель Джунбиша (НИДА), который создал де-факто структуры со всеми атрибутами власти, Высшим советом Севера (Сафхоти Шимол)¹, дублирующим функции центрального правительства. Ситуация всеобщей войны без учёта мнения народа подводила страну к черте неуправляемого хаоса и гуманитарной катастрофе. Этим, как было сказано, воспользовался «исламский эмират» при тесном взаимодействии с международными

---

¹ Сафхоти шимол, условное название северных провинций ИГА в период А.Дустума. прим. автора

террористическими организациями, приступил по шаговому плану захвата Афганистана. Талибы и их единомышленники, сгруппировавшись в разных районах, занимались разработкой войсковых операций не только внутри Афганистана, но и вынашивали превознести опыт террористической активности вовне. В частности, по сведениям таджикских экспертов, ячейки террористического интернационала, подстрекаемые движением «Талибан» расположились вплотную к афганскому приграничью в северных и северо-восточных районах страны. Эти территории находятся на границе с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном. Талибы в качестве рычага давления на Таджикистан и для изменения его позиции по Афганистану сосредоточили больше сил террористической направленности на его границах.

Движение «Талибан» представляет членам МТО (международных террористических организаций): убежище (1), обеспечивают денежным содержанием (2), паспортами с фальшивыми именами и вымышленной национальной принадлежностью (3), право и возможность свободного передвижения по стране (4) и выезда в третьи государства (5), без обременения долгом - информировать о таких выездах соответствующие страны (6). Использует террористический контингент для рекрутирования адептов (7), создает спящие ячейки в странах исхода (8).

Антиталибские силы, находящиеся за границей, разрознены и преследуют свои групповые интересы. В Афганистане действуют более 13 антиталибских формирований, наиболее активными из которых являются «Фронт национального сопротивления» во главе с Ахмадом Масудом и «Фронт свободы» во главе с Ясином Зия. А. Масуд основное внимание уделяет политической сфере, выступает на международных конференциях по Афганистану. За последний год ФНС провёл 343 операции в 17 провинциях, в результате которых ликвидированы 514 талибов.

Ожидаемыми событиями на афганском направлении являются: сосредоточение вооружённых группировок МТО в приграничье с целью

дестабилизировать общественно-политическую ситуацию в Центральной Азии; нарастание межэтнической конфронтации на фоне притеснения отдельных наций и народностей; снижение статуса языка дари и ущемление интересов его носителей, в результате дискриминационной политики; усиление влияния радикальной идеологии на население соседних стран; укрепление положения и влияния талибов, как в Афганистане, так и за его пределами; начало формирования межафганского диалога с целью упрочения государственности страны; наращивание сотрудничества с правительством Талибан стран региона и мира.

С учётом складывающейся геополитической ситуации, современных реалий, необходимости противодействия террористическим и деструктивным устремлениям, негативному влиянию и распространению идеологии из талибовского Афганистана, с целью защиты государственных и национальных интересов, необходимо оказывать содействие в создании инклюзивного правительства; пресекать контакты талибов с представителями МТО; укреплять физическую и оперативную охраны госграницы.

Принимая также во внимание актуальность и необходимость противодействия деструктивному влиянию из-за рубежа, с целью защиты региональных интересов стран ЦА и стратегических партнёров, считается целесообразным:

Первое, считать важнейшим условием нормального функционирования Талибан - создание им инклюзивного правительства.

Выполнение данного условия, в определённой степени, будет сдерживать действующий режим от однобокого узко-этнического пуштунского трайбализма, смешанного с идеологией талибизма - одной из форм экстремизма, её распространения по региону.

Второе, разработать и реализовать согласованный подход к режиму Талибан, основываясь на общих интересах борьбы с международным терроризмом и экстремизмом, с учётом сложившейся

реальной действительности по всему периметру границы стран региона с Афганистаном.

Третье, направить совместные усилия на выявление новых формы и методов работы ДТ относительно использования религиозно-экстремистской идеологии и выходцев из наших стран в собственной тактике и стратегии.

2.2. Интернационализация движения «Талибан» радикальными силами из Центральной и Южной Азии в конце XX и начале XXI вв

В контексте анализа идеологии талибанизации приведём сравнительный анализ просветительских течений таджиков в Афганистане. В этой стране с начала 20 века просвещённое сословие, представители интеллигенции, которые были преимущественно таджиками, боролись за свою идентичность в родоплеменном обществе Афганистана.

Краткий обзор истории современного Афганистана показывает, что таджикская культура оказала влияние на формирование менталитета афганского общества. Города Герат, Мазари-Шариф, Кабул, Самангон, Кандагар, Кухандиж, Джузджан, Гор, Каписо, Парван и Газни и другие города были в фарватере просветительских начинаний. Субкультура продолжала оказывать влияние из таких мест, как Каён, Панджшер, Дарай Суф, Шимоли, Соланг, Андароб, Гор, Чордара, Толаву Барфак, Джувайдара, Рогистан, которые служили островками сохранения признаков культуры коренного народа. В городах же формировались промышленность, наука и культура, где компактно проживали до начала 20 века преимущественно таджики.

До 1747 года в историческом Хорасане, а затем и в Афганистане таджики вносили большой вклад в развитие инфраструктуры государственности, экономики, торговли, науки, культуры, литературы, архитектуры и искусства.

Эти объективные исторические факторы, формировавшиеся на протяжении всей истории, не были проигнорированы ни одной группой или правительством Афганистана. Хотя правители династий того времени приходили и уходили, принадлежа к иноземному народу, однако со временем они попали под серьёзное влияние арийской личностно-творческой культуры, которая оказала на эти династии большое и неизгладимое цивилизационное воздействие. С другой стороны, это

изменение идентичности имело историческую подоплеку и материальный фактор, ведь пуштуны с северо-востока Индии начали прибывать в Хорасан в XIV в., и этот процесс вынужденного переселения продолжается до сих пор. Так как они прибывали на исконных территория компактного проживания таджиков, это обусловило то обстоятельство, что пуштуны не имели широкой социальной и материальной базы. Граница этой миграции ограничивалась селениями вокруг Кабула. В этой связи стоит отметить, что «Последний город Хорасана, который посетил Ибн Баттута, а затем через этот город въехал в Индию, это Кабул. Город Кабул, который Фирдоуси много раз описывал в своей «Шахнаме» и иногда упоминал его как Кабулистан. Это было время, когда пуштуны вошли в такие города, как Кабул, из мест своего проживания в горной цепи Сулейманхель» [215, с. 24].

Эта неоспоримая истина, формировавшаяся на протяжении всей истории, не была проигнорирована ни одной группой или правительством Афганистана. Хотя правители династий со временем они попали под влияние арийской лично-творческой культуры и проходили этап цивилизационной шлифовки. С другой стороны, это изменение идентичности имело историческую подоплеку и материальный фактор, ведь пуштуны с северо-востока Индии начали прибывать в Хорасан в XIV в., и этот процесс вынужденного переселения, анализ которого выходит за рамки этой статьи, продолжается до сих пор. Так как они стекались на эту полностью таджикскую территорию, то естественно сильной национальной базы и широкой социальной базы у них не было. Граница этой миграции ограничивалась деревнями вокруг Кабула.

Если мы посмотрим на историю 276-летнего правления пуштунских племён в Афганистане, становится ясно, что в этой стране было полное господство языка дари, который ассоциировался с образованностью, культурой и прогрессом, направленным на развитие общественных и цивилизованных процессов. Поэтому пуштунские элиты и аристократы с

большой радостью пользовались универсальностью данного языка, имевшего потенциал тысячелетней духовной истории и распространившегося от Сирии до Китая, от Индии до границы Европы, как в семейной среде и правительственных коридорах власти.

Несмотря на религиозное мировоззрение подавляющего большинства мусульманского населения, среди внушительной части образованной части населения культивировались политические предпочтения с элементами секулярной идеологии. Причём, эти идеи были широко распространены среди коренного населения Афганистана таджиков и фарсиван (персоязычных), расселённых преимущественно в мегаполисах. М. Тарзи, пуштунский националист в начале 20-х гг. XX века утверждал, что «обычно афганцы «пуштуны», занимаясь военными и захватническими делами, были лишены письменных навыков и опыта эпистолярного ремесла, и даже гнушались заниматься этим интеллектуальным делом. Учебники истории и литературы выпускались на персидском и арабском языке. Язык пушту в значительной степени был лишён этих атрибутов [52, с. 185].

Язык дари был настолько влиятельным, что все семьи пуштунских королей и эмиров, начиная с А. Дуррани и до наших дней говорили на этом языке. Знаменитые эмиры пушту были не только знатоками языка дари, но и имели склонность к поэтическому искусству, и даже на данном языке сочиняли поэтические диваны.

Эльфингстон, английский путешественник и военный офицер, приехав в 1809 году в область Нангархар, считающуюся ныне пуштунской, из 11 районов этой области, признал, что в 9 из них проживают таджики.

В этой связи правомерно будет постановка вопроса об особенностях культурно-цивилизованной роли таджиков как автохтонного народа в этом регионе, и таджикского языка в Афганистане - языка межнационального общения [80].

Все исторические исследования, проведенные российскими и европейскими исследователями до сих пор, основанные на убедительных доказательствах, раскопках и исторических памятниках, полученных в результате серьезных научных исследований, констатируют, что культура таджиков является основой для формирования новых этносов, полностью принявших язык и культуру таджиков и прошедших этот этап цивилизации. Например, в эту группу людей входят хазарейцы, дариязычные пуштуны, обучающиеся на языке дари и считающие таджикскую культуру частью своей идентичности. Также стоит отметить, что под влиянием таджикской культуры в районах Афганистана проживают люди, называющие себя персоговорящими тюрками (туркони порсигу), тем самым создавая вместе с таджиками общую идентичность.

Духовный потенциал таджиков и других персоязычных народов в Афганистане чётко описал военный и политический деятель Мир Гулям Кадир Упёни во второй афгано-английской войне (1878-1882), косяк которых составляли представители народы Севера. Дело в том, что в данный отрезок времени, таджики Кухдомана, чтобы обеспечить фронт оружием и материальную базу против захватчиков собирали ювелирные изделия и украшения женщин, и этим чеканили монеты. Но так как у борющегося населения отсутствовала политическая программа на будущее страны, их представители не осмеливались на чеканных монетах изобразить имя нового правителя. И поэтому выражали своё политическое видение таким образом:

Совершаю безумие, развенчаю бранный мир,

Чеканю монеты, чтоб нашёлся хозяин эмир ¹

Предки таджиков имели независимые государства и полноценную империю, в том числе Кушанскую империю. До 90-х годов прошлого века предполагалось, что кушаны были кочевниками, но

---

¹ Оригинал стихотворения: М.Закихон. Мекунам девоагй то бар сарам ғавго шавад, Сикка бар зар мезанам то сохибаш пайдо шавад [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://armaghanmille.worldpress.com> (дата обращения: 17 августа 2015 г.) прим и построечный перевод автора.

надпись Рабатак, написанная рукой Канишки, кушанского царя, и содержащая объяснение его жизни, добавила научный переворот в происхождении этой династии. Царь Канишка рассказывает о своей генеалогии и признает свою принадлежность к арийской расе в надписи Рабатак, которая была найдена в нескольких километрах от столицы области Самангон - Айбека и на границе Баглана. В развитии культуры этой страны эффективную роль сыграло государство Бахтар с городом Балха или Бухди, охватывавшее от Герата до южных регионов РТ¹.

Академик Б. Гафуров пишет, что в «Бактрии существовала уникальная местная культура, берущая начало с ранних веков. Большое влияние оказали связи бахтарского народа с богатой культурой Индии, с культурой греков и с культурой эллинистического Востока» [35; 36; 37]. По заключению учёного, с распространением буддизма зороастризм не утратил своих позиций, а центр города Бактара был одним из главных центров зороастризма, и большая часть местного бактрийского населения уверовала в зороастризм [37, с. 52].

Дж. Саидзода, говоря об известном писателе Рахнавард Зарёбе отмечает: «Западные цивилизации смогли очень быстро пробиться в восточные страны, но та культура, которая сопровождает цивилизацию, осталась позади... На мой взгляд, цивилизация – это попытка человека облегчить жизнь. Мы можем импортировать цивилизацию, но нам очень трудно импортировать культуру. Мы не можем импортировать культуру» [196].

С 18 века до наших дней, роль языка дари в общественном устройстве развивалась и расширялась, за исключением нескольких лет, когда под влиянием нацистской Германии в 1936 году пуштунские деятели Афганистана вместо языка дари использовали пушту. Искусственно сделали его официальным и изобрели алфавит, непонятный для народов Афганистана. Однако эти искусственные меры

---

¹ Место археологической раскопки Рабатак в Самангане неоднократно посещался диссертантом. прим. автора

не достигали цели, вельможи афганцев считали незнание персидского языка недостатком.

В этом разделе хотелось бы привести пример о Б. Боисе, У. Шоарабе, З. Хотаме, К.Х. Тоджулбайзо, Р. Карим, Л. Пидроме» (лидер Национального конгресса и Совета таджиков) и др. известных политических деятелей Афганистана, таджиков по национальности. Они являются последователями политической школы и основателем движения против тоталитаризма и засилья пуштунов - организации «Революционная организация рабочих Афганистана» (СОЗО) и ОФТА (САФЗО), которых противники называли «Национальным гнётом. В 70-х годах прошлого века эта организация подняла знамя справедливости и создала движение на севере Афганистана против дискриминационной политики властей¹. Об ущемлении прав таджиков Афганистана говорит такой факт: «Они скрывают свою национальность, представлялись мусульманами, кабульцами, гиратцами ..., таджиками никак не назывались. Даже те, кто мало был в курсе дела, не имели возможности открыто сообщить о своей национальности, опасались за свою жизнь» [196]. Данную политическую линию поддерживают многие видные таджики, сподвижники культурно-просветительских движений в Афганистане. В 2004 году Масуда Джалал приняла участие на президентских выборах Афганистана, заняла второе место. Была назначена на должность министра по делам женщин, внесла значительный вклад в продвижение просветительских мер в традиционном обществе Афганистана. В президентских выборах ИРА принимали участие многие таджики, в качестве претендентов на пост президента и вице-президентов.

Присутствие таджикской интеллигенции на политической арене Афганистана рассматривается, как подходящая возможность для формирования идеи политической борьбы и искоренения любых нежелательных экстремистских проявлений.

---

¹ Назаров У.К. Запись беседы с З. Хотамом, лидером ОФТА (САФЗО). Архив автора

Тандем «Ансорулло» и «Талибан» – опасный союз, угрожающий региону. Группировка «Ансорулло» была основана в 2010 году А. Табаровым, бывшим членом ТЭО ПИВ, который не принял условия Общего соглашения о мире и национального согласия. В 1998 году на севере Пакистана он примкнул к талибам. С момента появления и по настоящее время ассоциируется не только с талибами, но и с ИДУ и «Аль-Каида». Нынешний её лидер является Давлатов А.Х., известный под псевдонимом Мавлави Иброхим, находящийся в Бадахшане, Тахоре и Кундузе. Численность боевиков насчитывается 200-250 человек. Решением руководства ДТ, членам «Ансорулло» поручено охранять границу Хаун, Куфоб, Шикай и Нусай.

В ноябре 2020 года в уезде Мохимай талибами при участии боевиков «Ансорулло» были убиты 37 военнослужащих правительственных войск уезда Мохимай Бадахшанской ИРА, расположенного на стыке таджикско-афганской границы. В исламе чётко и недвусмысленно сказано, что «кто убьёт одного человека, это равноценно убийству всего человечества». «Ансорулло» совершил преступление глобального масштаба. Жертвами террора боевиков стали исключительно афганцы таджикского происхождения. Не помогло также решение партии «Исламского общества» (С. Раббани) из г.Файзабад о направлении группы в составе 200 человек для осуществления акта возмездия.

7 мая 2022 г. «Ансорулло» и ИГИЛ организовали ракетный обстрел 12-й заставы погранотряда «Пяндж» Хатлонской области.

Республика Таджикистан является активным участником мирового политического процесса и членом авторитетных международных организаций таких как ООН (2 марта 1992г.), СНГ (8 декабря 1991г.), ОБСЕ (26 февраля 1992г.), Организация исламской конференции (1 декабря 1992г.), Организация экономического сотрудничества, ЮНЕСКО (6 апреля 1993г.), МББР, МВФ, МФК МАР (27 апреля 1993г.), ВОЗ (апреля 1993г.).

Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон является единственным лидером в мире, который находился неоднократно в экстремальных ситуациях не только в 90-е годы (Кабул, Хосдех), но и в нулевых (Кабул, Кундуз, Шугнанский уезд Бадахшанской провинции 1993, 1995, 1996, 2005, 2006, 2007, 2008) в Афганистане. Это позволило в критически важные для региона периоды, занять позицию адекватную ситуации, выработать не только теоретический, но и концептуальный подход к афганской проблематике. Первый визит в Афганистан Президент осуществил 25 августа 1993 г., вторую 16 мая 1995 году, где при посредничестве Б.Раббани, - Президент ИГА встретился с лидерами оппозиции [14, с. 88].

В сентябре 2001 году в связи со взрывом во Всемирной торговой Организации в г. Нью-Йорке произошло переформатирование мирового порядка на Ближнем и Среднем Востоке, что обусловило активную внешнюю политику Республики Таджикистан. Президентом Таджикистан было принято ряд мероприятий организованного характера в афганском направлении, в числе которых укрепление южных рубежей, открытие в 2001 году Посольства РТ в Кабуле и Консульства в 2003 году в гг. Мазари Шариф, Кундузе, Файзабаде провинции Бадахшан. Таджикистан являлся ведущим членом антиталибовской коалиции, что исходило из серий инициатив Президента страны по афганскому урегулированию.

Парадоксально, что в это время произошло единение радикальных организаций террористической направленности под единым флагом. В частности, 13 июля 1993 года были жестоко убиты солдаты и офицеры 12-й пограничной заставы Московского погранотряда ГПВ РФ в РТ. Эта была совместная операция ПИВ и «Аль-Кайиды». В этом нападении приняли участие не только члены Союза объединенных сил под эгидой ПИВ, арабы-афганцы, но и Омар Хаттаб, иорданец по происхождению, позднее командир чеченских сепаратистов. Руководители ТЭО ПИВ в

октябре 1996 г. по сообщениям СМИ встречались с Мулло Умаром и У.Б.Ладеном.

Перипетии взаимоотношений ЦА с Афганистаном невозможно досконально понять без анализа внешней политики стратегического партнёра - Российской Федерации в афганском направлении. Принято считать, что с приходом движения «Талибан» в августе 2021 года, во внешней политике РФ - линия З. Кабулова, спецпредставителя Президента по Афганистану возобладала. Согласно данной позиции - поддержание отношений с талибами через призму установления торгово-экономических интересов и обеспечения гарантов безопасности южных рубежей СНГ составляли основные моменты этой позиции.

Однако, в начале 2023 года в центре принятия решений России произошли изменения в сторону позиции Н. Патрушева, секретаря Совета безопасности, которая отличается прагматичностью, не делая различий между ДТ и МТО. «Талибан» согласно линии Патрушева один из угроз стран СНГ, РФ и рассматривается в ракурсе принадлежности к террористическому интернационалу [221].

Таджики Афганистана, в особенности, представители интеллигенции в период СССР смотрели на Таджикистан, как на островок благоденствия и процветания. Заполняли информационный вакуум о Таджикской ССР в области экономики, политики, науки и литературы. В частности, особым успехом среди читающего населения пользовались книги С. Айни, Б. Гафуров и С. Улугзада. Во второй декаде 80-х г. XX века Восифи Бохтари, известный поэт в беседе с переводчиками из Таджикистана продекламировал цитаты из повести «Старой школы» С. Айни, но и высказывал профессиональную рецензию о стиле и языке изложения романа «Восе» С.Улугзаде. В этот период, рассматривали Таджикистан, как передовое и светское государство, устремлённое на сохранение общей идентичности, языка и истории [208]. В литературе стран Средней Азии в период СССР мы не нашли аналогичного подхода интеллигенции к узбекскому, туркменскому и

кыргызскому сегменту литературы в Афганистане, отличающейся таким позитивным настроем.

Наблюдался также обратный процесс самоидентификации с таджиками Афганистана и в научных кругах Таджикистана. В частности, на уровень научной гипотезы была выведена теория о происхождении таджиков и было принято считать, что «персоязычный народ Средней Азии и Хорасана, которого с древнейших времён называли «таджиками», не появились в истории с появлением термина «таджики» или из других мест, а являются коренными жителями этого региона. После распространения ислама этому народу присвоили название «таджики», а его языку «тоджики» или фарси... и с тех пор всех персоязычных народов было принято называть таджиками [88, с. 53–54]. Поучительно в этом контексте описанного жизненной пути академика К. Олимова, дважды побывавшего в Афганистане (1974-77 гг. в Мазари-Шарифе и 1980-84 гг. в составе группы переводчиков НДПА), работавший в Посольстве СССР в Кабуле, в качестве помощника секретаря Б. Кармаля, имеющего широкие связи с политическими деятелями, руководством Афганистана, такими как Бабрак Кармал, доктор Наджибулло, Г.Д. Панджшери, Б. Шафеи, Корвол, Н. Ковиёни, А. Ротибзод и др., которые позволяли решать задачи на высоком уровне [246].

Уникальный момент в налаживании таджикско-афганского сотрудничества отмечен в 1982 году, когда по просьбе академика М. Осими книга «Таджики» Б. Гафурова усилиями находящихся в качестве советников и переводчиков в ДРА К. Олимова, И. Усмонова, Р. Рахмонова и афганского учёного Дж. Сиддики был переведён на язык дари [26, с. 50–51]. Эту плеяду членов афганистики Таджикистана можно продолжить через призму активизации таджикско-афганских отношений в 80-годах двадцатого века.

Расположение штаба незаконных вооружённых группировок ИДВТ (Исламского движения возрождения Таджикистана), находившего

укрытие в конце 1992 г. в Афганистане также подтолкнуло к поддержанию связей с правительством ИГА. Правительство Таджикистана на первом этапе наладило контакт с Президентом ИГА Б. Раббани и министром обороны А. Масудом, а после установления мира и согласия, РТ стала основным форпостом Северного альянса, что оценивается экспертами, как исторический важный шаг в борьбе с терроризмом.

Насаждая воинствующий пуштунизм, ДТ в массовом порядке переправляют своих соплеменников из Юга Афганистана и севера ИРП в места компактного проживания таджиков, узбеков и хазарейцев, строят геополитический проект канала Куштеппа, переселяя туда членов «Тахрики Талибан Пакистана». Длившееся десятилетиями спокойствие стран Центральной Азии оказалось нарушено в 2022 году – в соседнем Афганистане, где сегодня правят талибы, строится грандиозный канал Куштеппа, способный забрать и из трансграничной реки Амударьи до 10 куб. км воды в год. Данный канал протяжённостью 285 км начинается в уезде Калдар провинции Балх, проходящий через провинцию Джузджан и заканчивающийся в провинции Фарьяб. Строительство 100 км канала заложено в бюджет за 2023 год. В результате пуска воды по каналу Куштеппа прирост земель составит 500 тыс. га, что существенно повлияет на распределение водно-энергетического баланса в регионе. На сегодняшний день распределение запасы воды реки Амударьи распределяется следующим образом: Таджикистан – 9,8 куб. км; Узбекистан – 23,6 куб. км; Туркменистан – 22,0 куб. км [207].

В период пребывания диссертанта в Афганистане 12 июля 2018 года президент ИРА М. Гани объявил 8 дневное прекращения огня. Движение «Талибан» объявило 3 дневное прекращение огня. Талибы с белыми флагами прибыли в города Майдоншахр (Урузган), Кабул, Фарах, Пактия, Кундуз, уезд Бахорак провинции Бадахшан и были встречены представителями военной и гражданской власти провинций. В частности, в уезде Бахарак и окрестностях города Файзабада талибы

были встречены заместителем губернатора провинции Бадахшан Х. Ахтаром, пуштуном по национальности. При этом наше непосредственное наблюдение, показало появление разрозненных боевиков талибов в старом городе Файзабад. В указанное время возносились три флага: республиканский, талибовский и «Северного альянса»¹.

ДТ в силу неопытности вновь образовавшего чиновничьего аппарата не признало неоднократные заявления РТ, имеющей многолетний опыт разрешения региональных вопросов, в том числе и афганской проблемы, направленные на предотвращение талибами поддержки международных террористических организаций; создание правительственных органов с учётом этнополитического баланса; соблюдение прав женщин и естественных прав граждан.

Талибы воинственно настроены ко всему, что исходит от таджиков, имеющих глубокие исторические связи с народами, проживающими в этой стране. В этой связи, уместно привести интересный факт, который с учётом актуализации пуштунской проблемы в Афганистане актуален.

Научному сообществу известно, что таджикское востоковедение в период СССР отличалось яркими достижениями в изучении восточных стран. Таджикские учёные в Институте востоковедения АН Таджикской ССР осуществили уникальные научные труды, направленные, в том числе и на повышение уровня самосознания пуштунов. В частности, были защищены много монографий и докторских диссертаций об исторических аспектах появления пуштунов и пуштунского языка. Язык пушту является ветвью индоевропейских языков, имеет общие корни с таджикским языком. Исходя из интереса, проявленного к расширению знаний о пуштунах в государственном университете Таджикистана, было образовано отделение языка пушту. Усилиями таджикских учёных, впервые на русский язык были переведены мемуары Ахмадшахи Абдоли,

---

¹ Назаров У.К. Полевые исследования в период командировки в Афганистане с 2003 по 2008 гг. и 2016 по 2019 гг., включающие работу с экспертами, дипломатами, политиками, сотрудниками ООН, представителями СМИ, интеллигенции и духовенства.

основателя афганской государственности под названием «Таърихи Ахмадшахи» (в переводе афганиста Д.Саидмурадова).

В этом контексте стоит отметить, что талибы не могут не принимать во внимание влияние Таджикистана, имеющего многомиллионную социальную базу поддержки в самом Афганистане. Таджикские востоковедение имеет общее видение на многие региональные проблемы. И вдобавок склонно к разработке общего подхода к будущему мироустройству Афганистана. Логично, что определённая трансформация во внешней политике в афганском направлении имеет отголосок в позиционировании востоковедов.

Между тем, некоторые тезисы стран ЦА, за исключением Таджикистана не имеют твёрдой доказательной основы. В частности, утверждение о том, что продолжение конфронтации с талибами может привести к возможному «продавливанию» боевиков международных террористических организаций из Афганистана, что создаст большие проблемы для сопредельных государств. Эти утверждения ни на чём не основываются. Талибы приютили членов «Аль-Каиды» и ИГИЛ на севере Афганистана, не спрашивая соседей, и как они их используют в дальнейшем, зависит вовсе не от медиаторов региона.

Светское мировоззрение не укоренилось в умонастроениях населения Афганистана. Несмотря на стихийные действия эмира Амонулло в начале 20-х годов прошлого века, который тяготел к экспорту турецкой модели построения государства, эти полумеры не увенчались успехом. При патриархально-феодалных порядках и разобщённости населения, придерживающихся тотальных религиозных воззрений, навыки светского общежития не увенчались успехом в Афганистане, афганскому просветительскому движению не удалось завершить строительство современного афганского общества. Напротив, активизация поверхностных реформ, направленных на укрепление власти стали катализаторами социальных протестов крестьянского движения во главе с Х. Калакони, таджика по национальности,

сломившего хребет единоличного 176-летнего пуштунского господства. Кстати, правление Х.Калакони совпало с образованием Таджикской ССР в 1929 г., что может послужит научно-аналитическим подспорьем для будущих исследователей по пересмотру ряда негативных стереотипов о государственных деятелях-таджиков Афганистана в трудах афганских учёных [224].

В роли непримиримого оппонента секуляристов выступало радикальное духовенство, которое чувствовало опасность, идущая против их корыстных интересов, проявлявшихся, в особенности, по вопросу о передачи вакфских (участков земель религиозного пользования) угодий во владение государством. В средневековом феодальном обществе религия пронизывала все сферы жизнедеятельности человека занимает доминирующее место в жизни людей, оказывает определяющее воздействие на поведение и общественные институты [224].

Основными катализаторами сегодняшнего бедствия афганского народа по мнению известного писателя Р. Зарёба заключаются прежде всего в том, что передовые ценности нашли нишу в восточных странах, но признаки культуры, сопровождающие цивилизацию, остались позади. Например, человек хотел сократить расстояния, в результате построил машину. Вы видите, что у нас в Кабуле самые последние модели автомобилей, но у нас нет культуры вождения. Таким образом, в Афганистан, пришли все аспекты цивилизации, но не её культура. Мы можем импортировать цивилизацию, но очень трудно импортировать культуру [196].

Обнаружить ростки секулярного общества в стране с явными чертами религиозности, где чётко не разделена религия от государства, достаточно трудно. Реализация в жизнь устойчивых светских законов и традиции, практически не реально в данном контексте. Но изучив ситуацию внутри Афганистана, эксперты едины во мнении, что в

определённых пропорциях, можно говорить о некоторых атрибутах секуляризма в афганских условиях.

Появление на авансцене политических партий, учреждённых в конце начале 50-х годов XX века, которые провозгласили создание институтов с элементами светскости начинается новый этап политического действия. Лево-демократические организации отстаивали права образованной части афганского сословия и просвещённого крестьянства.

В частности, «Народно-демократическая партия», организация «Национальный гнёт», «Вечный зов» (Шуълаи човид), группа «Кор» (Труд), «Озодагон», «Национально-исламское движение», «Веш Зулмиён», ныне утративших былую популярность, между тем нелегально объединяют в свои ряды бывших коммунистов, национал-патриотов, сторонников светской и демократического пути развития. «Национальный конгресс» Афганистана, возглавляемый доктором А.Пидромом, совмещающий председательство «Совет таджиков», сплотил вокруг себя остатки организации, стоящих на светском пути развития, при этом сочетая правильное религиозное предпочтение сторонников.

Говоря о секуляризме в Афганистане стоит остановиться на роли Б.Кармаля и Наджибуллы, руководителей НДПА в 1979-1992 г.г. Их портреты были вывешены практически во всех торговых рядах, календарях, домах в подконтрольных территориях полевых командиров исламской ориентации в окрестностях Кабула и крупных городах северо-восточной зоны Афганистана. Считалось, что борясь с засильем фундаменталистов, поддерживая национальные кадры, язык дари, они внесли позитивную лепту в обустройства Афганистана и светского пути развития государства¹.

В популяризации светских ценностей в Афганистане огромную роль сыграли СМИ до августа 2021г. Газеты «Кабул таймс», «8 субх (8 утро),

---

¹ Назаров У.К. Полевые исследования в период командировки в Афганистане с 2003 по 2008 гг. и 2016 по 2019 гг., включающие работу с экспертами, дипломатами, политиками, сотрудниками ООН, представителями СМИ, интеллигенции и духовенства.

«Мондагор», «Иттилоот», «Анис», ТВ «Тулуь», «Хуршед», радио» «Ватандор», интернет-ресурсы, которые освещали общечеловеческие ценности, достижения научно-технического прогресса, историко-культурное наследие, проводили просветительскую работу среди населения. Такую же роль сыграла музыка и пение, и несмотря на запрет талибов эти формы искусства имеют многомиллионную аудиторию. Почитателей певцов Сароханга, Ношиноса, Хакшиноса, Хайёла, Сорбона, А. Захира, З. Хувайдо и др., можно встретить во всём Афганистане. Могила певца Ахмада Захира в 1996 году была разрушена талибами, однако, в 2003 году посредством поклонников она была восстановлена заново.

Наплыв радикальных форм трактовки религии превратил «Талибан» в государство внутри государства, причиняя явный ущерб не только населению, но и светскому мировоззрению. Выдавая стародавние порядки в качестве единственно правильной трактовки Ислама, талибы тянутся к созданию страны с одним народом, с одним языком, с одним представлением о мире и мироздании.

Необходимо подчеркнуть, что вся светская структура в спящем режиме на севере, северо-востоке, в центральных районах существует, и её реанимация вероятнее всего сможет утвердить силы, способные противостоять на идейно-патриотической основе террористическим угрозам. В обществе много сторонников этих идей, отличающихся профессионализмом и навыками борьбы против терроризма.

В недавнем прошлом все эти организации относили себя к светским лево-демократическим организациям, считали себя приверженцами современных идей. Но процесс взращивания светских организаций, их идеологической базы должен происходить постепенно, на основе естественного развития гражданского общества, реализоваться самими гражданами Афганистана без вмешательства извне.

На этом фоне абсолютизация течений, партийной инфраструктуры, стоящих на происламских позициях, как уже было отмечено порождает в

качестве альтернативы националистические организации, отстаивающие исключительность отдельных наций в Афганистане.

Эксперты едины во мнении, движение «Талибан» состоит из трех неразделимых элементов: 1) исламская идеология хариджитского типа; 2) изоляционистское племенное мышление, поощряющее обособление от других этнических групп; 3) чрезмерная зависимость от ИРП.

Проведя исторические параллели с появлением афганского движения «Талибан» в 1994 году, становится ясно, что ИГИЛ с привлечением все большего иностранного участия, политических технологий, приверженности к глобальным играм, является прототипом «Ал-Кайды» на заре ее образования с той лишь разницей, что ИГИЛ при формировании вооружённого состава использует гибридные и виртуальные методы ведения войны. С большим предпочтением осуществляет чёрный пиар в масс-медиа, нарушая все дозволенные рамки, пропагандируя насилие, принуждая последователей других религий и конфессий к вынужденному рабству.

Мнения афганских экспертов разнятся относительно объединения ИГИЛ и Движения «Талибан». Принято считать, что ИГИЛ действует, и то ограниченно, в восточных провинциях Афганистана. Это понятно по некоторым причинам. По нашему мнению, во-первых, вакуум власти, которая утвердилась со времен правления «Восточного Совета» (Шурои машрики) во главе политика Ходжи Кадира, заполняется сторонниками ИГИЛ. Это же касается и некоторых восточных провинций, признанных территориями с преимущественно социальной базой поддержки Исламской партии Афганистана Г. Хикматяра.

На примере радикального мировоззрения талибов со ссылкой на книгу «Школа Деобанд» С. Амона следует сказать, что они отрицают секуляризм, как следствие республиканского правления и права большинство народа на выбор, мотивируя это неосведомленностью населения [181].

Для внесения ясности в развитие ситуации, нами на суд экспертов приводится отчёт администрации только одной провинции - провинции Бадахшан с августа 2014 по август 2015 года по борьбе с терроризмом, с тем, чтобы вникнуть в тонкости этой борьбы и осознать её важность для Афганистана и стран региона.

Анализ годичной деятельности (2014г.) правоохранительных органов БП выглядит следующим образом: «Провинция Бадахшан с населением около 1 млн. человек, с 28 территориально-административными единицами, общей площадью 47,4 тысяч кв. км столкнулась с невиданным наплывом боевиков в своей истории. За этот период, в ходе боев уничтожено 217 талибов, в том числе 97 граждан иностранных государств, ранено 336 членов ДТ, взято в плен 58; 50 жен и детей боевиков- граждан иностранных государств задержаны и отправлены в Кабул; 21 группа вооруженной оппозиции в количестве 300 человек, сложив оружие, примкнули к процессу национального примирения; в уездах Аргу, Кишм, Вардудж, Джурм и Дароиме выявлены устойчивые плацдармы талибов; изъято 3 тонны наркотических веществ (героин, опий-сырец, чарс); 48.784 га земель очищены от посева маковых культур; 50 человек задержаны по подозрению в незаконном обороте наркотиков; созданы 102 блок-поста на главных и второстепенных дорогах для охраны граждан; в боестолкновениях с талибами убито 47 и ранено 86 военнослужащих правительственных войск ИРА». Не соразмерное ситуации количество личного состава уездных отделов полиции в этой провинции (в среднем 27 штатных единиц) делает недееспособным в противовес талибовскому натиску¹.

Анализ совокупных данных свидетельствует о том, что афганский военно-политический кризис продолжает оказывать серьёзное

---

¹ Назаров У.К. Полевые исследования в период командировки в Афганистане с 2003 по 2008 гг. и 2016 по 2019 гг., включающие работу с экспертами, дипломатами, военными, политиками, сотрудниками ООН, представителями СМИ, интеллигенции и духовенства.

дестабилизирующее воздействие на геополитическую ситуацию в регионе в целом и на общую обстановку Таджикистана в частности.

Международные террористические организации такие как «Аль-Каида», афганский филиал ИГ-Хорасан, движение «Талибан», ИДУ и «Ансорулло» продолжают осуществлять диверсионно-террористическую и агитационную деятельность, перенимая опыт борьбы радикальных организаций Ближнего Востока. Сращивание этих организаций с ближневосточным сегментом МТО при доминирующей роли движения «Талибан» провоцирует повышению протестного потенциала в обществе, в том числе за счёт переброски резерва террористической направленности с Юга.

15 августа 2021 г. в результате политической сделки геополитических акторов с активным участием пуштунского элемента, возглавляемого А.Гани, - с одной стороны, - и З. Халилзода, спецпредставителя США, - с другой, в рамках Дохинского соглашения, произошла зачистка внутреннего политического поля для прихода движения «Талибан» к власти.

Неопределенность в вопросах переговорного процесса с Движением Талибан, где правительство национального единства оказало предпочтение противникам нынешнего лидера Движения Талибан, таким представителям ДТ, как Ого Тайиб, главе политической комиссии ДТ и Мулло Абдулманнон Ниёзи, лишил логику сам процесс национального примирения.

Результаты полевых исследований диссертанта в 2016-2018 гг. свидетельствует о том, что на территории севера и северо-востока Афганистана, в том числе в районах Кундуз, Тахор и Бадахшан, экстремистская организация «Хизб-ут-Тахрир» (запрещённая в РТ, далее ХИТ) провела деятельность по укреплению влияния и привлечению членов, пропагандируя создание халифата, создающего серьезные угрозы и опасности для обеспечения национальной безопасности Таджикистана и Центральной Азии. По мнению большинства местных

экспертов, центром активности «Хизб-ут-Тахрир» на северо-востоке страны пребывания является города Файзабад, Талукан, Пнаджшер и Кундуз ИРА. ХИТ вела свою открытую и тайную деятельность с целью оживления своего политического, культурного и пропагандистского секторов, до 17 сентября 2016 года круги этой партии были обнаружены и идентифицированы в местном университете, в н.п. Дашти Курук, Муминабаде г. Файзабада.

Интересным явлением в этой ситуации является то, что в 2010 году, когда 9 граждан Таджикистана, членов «ХИТ», уроженцы Аштского и Гиссарского районов, незаконно перешли границу РТ и бежали в Афганистан, в течение 1 месяца члены отделения «ХИТ» приняли их в качестве гостей в офисе этой партии, расположенном в районе Муминабадской мечети города.

Пропагандистская деятельность ХИТ осуществляется в рамках тайных кружков, в виде проповедей, фетв, обращений, и осуществляется в мечетях и на улицах. Согласно заявлениям членов этой партии, в тексте переписки они также критиковали Таджикистан, якобы ограничивающий деятельность «мусульман». Другая часть проповедей связана с тем, что правительство Афганистана Гани являлся марионеткой Запада. Они заявляют, что «центр деятельности ХИТ - Лондон, Таджикистан, Афганистан». Амир и 6 активных членов партии были арестованы в районе Дашти Курук 13 сентября 2016 года.

Ситуация опасна тем, что эта партия привлекла к ХИТ инженеров и врачей, информированную молодежь и сотрудников зарубежных организаций. Уроженцы уезда Аргу БП в основном лица узбекского происхождения составляют социальную базу партии «Тахрир», считающих себя уязвимым меньшинством. Учитывая деятельность ХИТ на территории региона, Совет улемов Бадахшанской ИРА издал фетву об ограничении проповедей ХИТ в мечетях региона. Активности ХИТ косвенно способствует неблагоприятная реакция властей страны проживания, которые считали этот риск поверхностным. С другой

стороны, отсутствие законодательства в стране проживания для надлежащего наказания членов ХИТ побуждал членов этой экстремистской партии быть более активными¹.

Резюмируя итоги рассматриваемой проблемы и опираясь на научно-аналитические факты, стоит подчеркнуть, что влияние идеологии талибанизации Афганистана на умонастроение населения Центральной Азии в перспективе ощутимо. Вопрос актуализации идеологической безопасности в Республики Таджикистан, не взирая на статью 8 Конституции Республики Таджикистан о том, что «в Таджикистане общественная жизнь развивается на основе политического и идеологического плюрализма» [1] обсуждается широко и с учётом новых вызовов и угроз для национальной безопасности весьма прагматично. Влияние идеологии талибов и нахождение на южных рубежах в особенности приграничных районах режима воинствующего исламизма с наличием на его территории 20 ячеек международного терроризма представляет серьёзную опасность экзистенциального характера устоям государственности всех без исключения стран, граничащих с Афганистаном.

Шаги по оптимизации проблем общества, появление в политическом пространстве новых субъектов с целью уменьшения влияния радикальных идей, воспитания молодёжи в духе истинно духовных воззрений, отвечает не только национальным интересам Афганистана, но с учётом приверженности стран Центральной Азии к этим ценностям, создает базу межпартийного общения.

С учётом изложенного, а также сложившейся сложной геополитической обстановки необходимо принять упреждающие меры организационного и антитеррористического характера странами Центральной Азии, которые будут приведены в заключительной части диссертации.

---

¹ Назаров У.К. Полевые исследования в период командировки в Афганистане с 2003 по 2008 гг. и 2016 по 2019 гг., включающие работу с экспертами, дипломатами, военными, политиками, сотрудниками ООН, представителями СМИ, интеллигенции и духовенства.

ГЛАВА 3. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТОВ ИНТЕГРАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ВО ВТОРОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ, МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И РОЛЬ ДВИЖЕНИЯ «ТАЛИБАН»

3.1. Модели интеграции Центральной Азии и Афганистана в контексте реализации геополитических концепций внешних акторов

В период геополитической турбулентности, завершения биполярного мира, формирования новых исторических реалий, современные устремления Таджикистана, как и стран Центральной Азии сопряжены с цивилизованным контентом, представлявшим уникальную возможность для социо - культурного и экономического взаимопроникновения, вносящим позитивный импульс для развития, включая Афганистан. В настоящее время идёт переориентация всего спектра отношений, меняется структура региональной экономики и структура транспортных коммуникаций, расширяется промышленная кооперация между странами региона, с опорой на собственные ресурсы. Преференций и дивиденды двусторонних и многосторонних связей рассчитаны на реализацию географического аспекта¹, определяющего Центральную Азию в качестве самостоятельного субъекта не только региональной, но и мировой политики. Талибовский Афганистан вносит брешь в налаживании этих связей, наращивает уязвимость не только в вопросах охраны границ, нарушения инвестиционного климата, установления новых логических структур, появившихся на фоне «гибридной войны» между Западом и Россией. В частности, посол России в Таджикистане в одном из интервью таджикским СМИ заявил: ...в Афганистане всё развивается по негативному сценарию, практически все обещания, которые давали талибы после прихода к власти (борьба с международными террористическими организациями, создание инклюзивного правительства, борьба с производством и контрабандой наркотиков) не выполнены. Террористические организации продолжают

---

¹ Принцип, оглашённый Шарль Де Голлем. прим. автора

свободно действовать, никакой речи об инклюзивном правительстве нет [203].

В работе используются три научных термина, определяющие название региона: 1) Средняя Азия (бывшие советские и нынешние независимые государства; 2) Центральная Азия (с включением территории Монголии, Афганистана и Синьцзяна Китая) и 3) Центральная Евразия (сравнительно новый термин подразумевает привлечение экспертов к регулярному обсуждению ключевых вопросов развития Центральной Азии, взаимодействия России, Китая, Европейского Союза, США и других акторов) [241, с. 266].

В Таджикистане как показывают полевые и социологические исследования остро чувствуется стремление к интеграции, в СМИ ощущается дух созидательности и доброжелательности к соседям. РТ субсидирует транспортные коммуникации, ГЭС Рогун, КАСА-1000, цифровую экономику, электронное правительство, большие инвестиции вложены в критические инфраструктурные проекты. Этот тренд будет закреплён и в дальнейшем, в обновленной форме отношений со странами Центральной Азии.

Афганистан в новых дефинициях и понятийном аппарате, оперируемых экспертами и представителями научных кругов входит в Центральную Азию, а в более расширенном географическом понятии, в Центральную Евразию, что обуславливает взаимовлияние и взаимопроникновение, а зачастую и зависимость государств в развитие региона.

При таком стечении обстоятельств, прогнозируется резкое ухудшение ситуации в Афганистане и в близлежащих пограничных странах, обострение межнациональных и межрелигиозных разногласий между шиитами и суннитами, персоязычным и пуштунским населением афганского общества. Обстановка в мире меняется, обостряется противостояние глобальных акторов, идёт трансформация нового миропорядка, война технологий, изменение климата, которые не

вписываются в парадигмы талибовского Афганистана. Союзные движению «Талибан» организации: ИДВТ, ИДУ, Союз «Исламский Джихад» (СИД), «Джамаат Ансаруллах», «Хизб-ут Тахрир», «Джунд аль-Халифат», ИГ-Хорасан, а также 20 различных террористических организаций, признаны основными источниками угрозы региону, пытающихся проникнуть на территорию постсоветской Центральной Азии [234].

Первопричиной такой патовой ситуации, на наш взгляд заключается, прежде всего, в отсутствия единого центра решений, децентрализации органов власти в Кабуле и на местах, игнорирования международных признанных норм общежития, превращения северных районов в плацдарм террористического интернационала, отрицания самой сущности и присутствия женщин в обществе, в особенности их прав на образования, установления моноэтнических (читать пуштунских) органов управления, ликвидация образовательного сословия, как выразителей светских передовых идей.

Присутствие в соседстве с Центральной Азией несостоявшегося талибовского образования, порождает опасные тенденции для будущего развития региона. Эти опасные явления, прежде всего, касаются, присутствия членов международных террористических организаций, среди которых сотни граждан стран региона. Нахождение Афганистана в перекрёстке Центральной и Южной Азий, прерывание ранее налаженных коммуникаций, высвечивает проблему отсутствия какой-либо перспективы в построении надёжного транспортного южного коридора.

Центральная Азия играла ключевую роль в соединении Востока и Запада с античных времён. Особенно значителен был её вклад в развитие Великого Шёлкового пути, когда торговые караванные, нагружённые шёлком, фарфором и другими предметами роскоши, выходя из средневековой столицы Китая Чаньани, через Центральную Азию устремлялись на Запад. Центральная Азия ещё в глубокие древности на магистралях Великого шёлкового пути стала мостом, соединяющим

народы и страны Востока и Запада. На территории Центральной Азии проживают более 70 млн. человек. Регион обладает огромными природными ресурсами. С учётом исторических уроков страны Центральной Азии имеют возможность стать сильным и независимым регионом, так как впервые за 500 лет это регион становится важным геополитическим и геоэкономическим центром мировой политики и экономики [225, с. 51].

Через призму интеграционных проектов в регионе хотелось бы акцентировать внимание о китайско-афганских отношениях, представляющих в этом контексте существенное значение.

Китайская Народная Республика установила дипломатические отношения с Афганистаном во времена шаха в 1950 году, уровень этих исторических отношений развивался в зависимости от геополитической конкуренции и обострения ситуации в Китайской Народной Республике и мире. В этот период соображения безопасности были в списке приоритетов Китайской Народной Республики при установлении отношений с Афганистаном. Влияние Китая на мировоззрение просвещенной части Афганистана в 60-е годы возросло до такой степени, что прокитайские партии и организации (маоисты, организация «Шолайе джавид» (Вечное племя) получили значительное присутствие на политической арене. В то время, когда советские войска находились в Афганистане в 80-х годах прошлого века, Китай стал геополитически влиятельной страной и снабжал оружием и боеприпасами афганские исламские силы в борьбе с советскими войсками в Афганистане.

С эскалацией борьбы против уйгурских сепаратистов в Синьцзяне в 1990-е годы Китай столкнулся с новыми угрозами и опасностями. В Афганистане сначала в составе Исламского движения Узбекистана, а затем как самостоятельная террористическая единица было создано Исламское движение Восточного Туркестана (далее ИДВТ), объединившее происламских уйгуров. ИДВТ располагался в северных районах Пакистана, а затем в Бадахшанском регионе Афганистана и под

руководством террористических организаций «Аль-Каида» и «Талибан» организовывал борьбу с правительственными и иностранными силами.

Как крупный глобальный игрок, Китай является в соответствии с планом «Пояс, путь» включил Афганистан в региональные переговоры.

С 2014 г. Китай пересмотрел свои усилия по восстановлению связей с движением «Талибан» и в целом по ведению внешней политики в афганском направлении. Согласно этим принципиальным изменениям, Китай активно участвует в реализации экономических проектов, включая разработку медного рудника Айнак, строительство волоконно-оптической линии связи через Вахан, привлечение трехстороннего альянса (Таджикистан, Афганистан и Китай) для защиты общей границы и участие в региональных переговорах по улучшению ситуации в Афганистане.

В первой половине 2023 года отношения Китая с движением «Талибан» постепенно ухудшились, потому что талибы не сдержали своих обещаний воевать с уйгурами. Осложнили двусторонние отношения теракты в гостинице «Серена» и во дворе МИД в Кабуле, повлекшие за собой гибель китайцев.

Афганская политика КНР зиждется на влияние Пакистана в Афганистане и в какой-то мере на нынешнем этапе ориентируется на позицию России в отношении талибов.

Защита государственной границы, реализация экономических проектов, борьба с международными террористами, защита цивилизационных ценностей, таджикского (дари) языка и культуры, противодействие моноэтническим идеологиям в Афганистане и регионе могут быть в числе приоритетов Таджикистана и Китая в продвижении афганской политики.

В настоящее время в государства Центральной Азии заинтересованы в интеграции с южноазиатским регионом для реализации своих национальных интересов и для выхода к мировым торговым путям. Для новых акторов Центральной Азии, не имеющих доступа к южным

морским коммуникациям, крайне важен транзитный потенциал Афганистана и стабильное развитие этой страны. Перед новыми государствами Центральной Азии открываются новые возможности более тесного взаимодействия при реализации коммуникационных проектов в южном векторе, открывающих для них афгано-пакистанский, афгано-иранский-южноазиатский, каспийско-иранско-южноазиатский коридоры, которые могут стать «коридорами экономического и гуманитарного развития». В конечном итоге восстановление геополитической целостности региона и модернизация стран Центральной Азии будет способствовать формированию нового важного полюса развития в полицентричном мире.

Глобальные изменения, происходящие в начале третьей декады XXI века, внесли коррективы на реализацию национальных стратегий развития и на геополитические процессы в Центральной Азии. В 2016 году в Таджикистане была принята Национальная стратегия развития на период до 2030 года в соответствии с долгосрочными целями и приоритетами развития страны. Конечной целью в результате реализации национальной стратегии Таджикистан к 2030 году должен стать индустриально-аграрной страной [189]. В ноябре 2018 года в своем обращении к парламенту страны, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон констатировал о том, что за последние годы в результате строительства международных автомагистралей и присоединения Таджикистана к дорогам Китайской Народной Республики, Исламской Республики Афганистан, Кыргызской Республики, открытия железной дороги и 16 пограничных пунктов с Узбекистаном, таджикское государство вышло из коммуникационного тупика и тем самым страна реализовала вторую стратегическую цель [193]. Внешнеполитическая активность Таджикистана, связанная с задачей реализации четырех стратегических задач страны (коммуникационной, энергетической и продовольственной безопасности, вторичной индустриализация страны), требует укрепления

регионального сотрудничества не только для реализации своих стратегических интересов, но и также для обеспечения безопасности в трансграничном Амударьинском регионе.

Таджикистан является единственной страной Центральной Азии¹, государственным языком которого является таджикский язык, относящийся к индоевропейской группе языков. Остальные же 4 страны относятся к тюркской семье языков и, соответственно, соотносят себя с общим историческим и культурным наследием.

Между тем, на протяжении истории таджикский народ тесно взаимосвязан со всеми странами Центральной Азии особенно в культурной и экономической сферах. Политически же таджикский народ после падения государства Саманидов и потери независимости стал активным субъектом в новообразованных изменяющихся исторических государственных образованиях на территории Средней Азии, функционируя в большей мере в сфере культуры, науки, религии и секторах экономики.

В современной Центральной Азии идет процесс восстановления геополитической целостности региона, с опорой на исторически сложившиеся экономические и культурные связи. В интеграционных процессах в регионе главной мотивацией выступает заинтересованность в реализации национальных интересов, обеспечении региональной безопасности, взаимовыгодного сотрудничества с учетом интересов внешних партнеров. С другой стороны, существующие в регионе геополитические факторы усиливают неопределенность перспектив реализации интеграционных проектов.

По имеющимся данным, первые попытки движения «Талибан» к установлению с Таджикистаном экономических отношений были сделаны в 1999 году, когда губернатор провинции Кундуз Орифхан

---

¹ Термин «Центральная Азия» был введен бывшим президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, который включал в это объединение Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан.

обратился через посредников для поставки электроэнергии Таджикистана, которому было отказано.

В этих условиях усиливается в регионе соперничество внешних акторов – России, США, Китая, которые в настоящее время играют ключевую роль в геополитическом структурировании Центральной Евразии. Каждый из внешних акторов имеют свои концепции интеграции новых государств Центральной Евразии (у России – проекты Евразийского союза и Нового Среднего Востока, США- проект Большой Центральной Азии и Нового Шелкового пути, Китая – экономический пояс Нового Шёлкового пути). Но практическая реализация сходной доктрины началась не со стороны США и их партнеров по евро-атлантическому сообществу, а с формирования новыми государствами Центральной Азии, Россией и Китаем с 1996 года «Шанхайской пятерки», а затем- Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), которая включает в качестве членов и наблюдателей все страны, являвшихся составными элементами геоконцепта «Большой Центральной Азии». Для новых государств Центральной Азии, не имеющих доступа к южным морским коммуникациям, крайне важны транзитный потенциал Афганистана и стабильное развитие этого государства. Модели интеграции, предлагаемые внешними игроками, включают соразвитие новых государств вместе с Афганистаном и другими соседними государствами. В предлагаемых американских, российских, китайских геоконцептах общее одно – должна быть восстановлена геополитическая целостность центральноазиатского региона и в регионе должны быть созданы условия для свободного перемещения товаров, услуг, усилены экономическое и культурное взаимодействие.

В августе 2002 года появился в США аналитический материал "Реструктурируя Внутреннюю Азию" американского эксперта в области азиатской геополитики Ст. Блэнка, в котором он основное внимание уделил проблеме магистрализации геопространств постсоветской

Средней Азии и приграничных с ней территорий, видя в этом единственную возможность преобразований, способных ликвидировать географическую замкнутость, способствующую сохранению здесь социально-экономической отсталости. Концептуализация географического пространства Центральной Азии была продолжена в работе Ф. Старра в специальном аналитическом материале «Партнерство Большой Центральной Азии» для Афганистана и его соседей» в марте 2005 года. В 2005 и 2006 гг. профессор Ф. Старр сформулировал концепцию «Большой Центральной Азии» и «Нового Шелкового пути», которые были поддержаны администрацией США. Эти концепции предлагают рассматривать пять постсоветских центральноазиатских государств, а также Афганистан, Иран, Пакистан и Индию в качестве единого региона, создать единую транспортную и торговую инфраструктуру в обозначенном большом регионе, ключевым звеном которой должен стать Афганистан. В концепции Нового Шелкового пути заложена идея интеграции Центральной и Южной Азии через создание энергетических рынков региона, торговых и транспортных коммуникаций, улучшения работы таможенной и пограничной служб, интенсификацию взаимодействия в области экономики и культуры, установления связей между населением и представителями бизнеса.

Проект «Большая Центральная Азия» охватывает в её идеальном сочетании возможности улучшения экономического положения Центральной Азии за счёт получения выхода на емкий рынок стран Южной Азии путём создания афганской территории под контролем США транспортной инфраструктуры [206]. Следует подчеркнуть, что с выводом из Афганистана войск США в 2021 г. кардинального изменения в реализации данного проекта со стороны администрации США не произошло. США по-прежнему являются основным спонсором движения «Талибан», еженедельно направляют 40 млн. долларов для его финансирования, вовлекают в различные проекты, контролируют

воздушное пространство, используя политику «кнута и пряника», что позволяет утверждать, что де-факто талибовский Афганистан находится под контролем указанной страны. В США появляются также альтернативные концепции, где преобладают идеи перекройки границ в регионе, опираясь на этнические группы [59].

В этой связи эксперты предлагали идею создания «пояса безопасности» («санитарного кордона») в северных провинциях Афганистана, которая должна была стать зоной стабильности и буфером на пути распространения последствий внутриафганского конфликта на соседние государства. Для создания «мягкого» пояса безопасности уже существуют исторические, культурные и экономические предпосылки [59, с. 6]. Однако, данная концепция не долго задержалось в пространстве экспертной дискуссии.

Важным инструментом для взаимодействия в афганском направлении являются ШОС и ОДКБ. Афганистан с 2012 года является наблюдателем в ШОС и данный фактор может сыграть позитивную роль для сближения позиций по важным векторам взаимодействия государств Центральной Евразии. Афганистан мог бы способствовать по координации взаимодействия и создания пояса безопасности в Северном Афганистане.

Центральная Азия, куда входят Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан, Туркменистан и Узбекистан на протяжении древней истории входила в единую систему географических, политико-экономических и культурных образований и исторический Хорасан вплотную входил с разной степенью причастности и соучастия в орбиту интересов династии и ханств Центральной Азии. Все вышеуказанные шаги важны для переосмысления общего цивилизационного наследия народов постсоветского пространства и его потенциала для углубления международного сотрудничества в афганском направлении.

Хотелось бы подчеркнуть, что в настоящее время государства региона проходят этап реанимации своих цивилизационных основ,

творчески адаптируясь с современной системой ценностей. Формирование трендов в общественном сознании в регионе происходит на основе существующих кодов этнической культуры, которые определяют специфику культурного и политического опыта. Богатейшее духовное наследие народов Центральной Азии и сейчас дает огромный импульс для развития современной культуры, а опыт механизмы интеграции все еще остаются не реализованным ресурсом для развития в XXI веке [59, с. 6].

Эксперты таджикской афганистики на основе совокупных данных и полевых исследований склонны считать, что попытки создать единый и централизованный Афганистан на основе тезиса «пуштуоцентризма» потерпело полнейшее фиаско. Афганистан до сих пор остается фрагментарной страной с родоплеменным патриархальным строем, где практически отсутствуют общие национальные интересы в рамках единого государства, а структура власти сформирована по принципу одной военно-политической организации. По состоянию на октябрь 2023 г. такой организацией со всеми вытекающими последствиями как для будущего региона является движение «Талибан».

Несостоявшееся государство «Талибан» показало, что в силу различных факторов, угрожающих вовлечённых в орбиту урегулирования афганской проблематики стран, не уместается с нынешней реальностью, создаёт серьёзные проблемы в деле обеспечения национальной безопасности.

Появление на политической арене движения «Талибана», ИГИЛ, «Аль-Каиды», других аффилированных организаций террористического подполья стран региона усматривается через призму превращения Афганистана в поле жесткой геополитической борьбы. Несмотря на появившуюся информацию о борьбе талибов с ИГ - веляте Хорасан, мы едины с мнениями экспертов, которые склонны рассматривать их как единую идеологическую субстанцию в практике и теории управления шариатом.

В ближайшей перспективе талибов ждут 3 кризиса, это: 1. Кризис руководства вокруг попыток эмира собрать в своих руках всю полноту власти - вероятно обострение внутренней борьбы. 2. Кризис легитимности, в 2 плоскостях: необходимость борьбы с зарубежными экстремистами и проведения реформ в госуправлении. 3. Перехват инициативы в борьбе с ИГ, чтобы не допустить его превращения в фактор, влияющий на внешние и внутренние процессы [173].

Анализ военно-политической обстановки не позволяет смириться с талибовской идеологией, имеющей далёко идущие цели – создание халифатского порядка. Терроризм, как форма политики для прихода к власти в Афганистане, прошла полную легализацию при попустительстве стран, экспериментировавших над афганским народом, вовлечённых в афганские дела.

Апрель 2023 г. был знаковым месяцем для Таджикистана и глубинного осознания опасности нахождения во власти ДТ, которое показало недееспособность по охране госграницы. Так, 26 апреля на территорию таджикского приграничья – с/с Язгуляма прорвалась группировка из 5 членов группировки «Ансорулло», которые намеревались осуществить серии терактов в объектах жизнеобеспечения и против представителей власти. 28 апреля в местечке Барчид Шугнанского района, входящее в зону ответственности 9-го пограничного отряда ПВ РТ, членами транснациональной наркогруппировкой был убит таджикский офицер.

В этом контексте стоит подчеркнуть, что ситуация в странах Центральной Азии, имеющих общую с Афганистаном границу, свидетельствует о том, что враждебно настроенные силы, подстрекаемые извне, продолжают деятельность, направленную на насаждение узкокорыстных интересов, чуждой экстремистской идеологии, ослабление устоев наших государств – конституционного строя и светской формы правления.

Геополитические игроки используют исламский радикализм, как инструментарий психологического воздействия на население по отработанной схеме государств, где адепты исламской революции в недавнем историческом прошлом пришли к власти. Исламские последователи теократии преследуют цель повысить протестный потенциал в обществе, создать новые очаги межрелигиозного и межнационального противостояния и апробировать шариатскую форму практики управления. Осознанно подталкивают традиционные общества, имеющие консервативные предпосылки к усилению религиозного фактора в решение внутренних вопросов.

В данном контексте озабоченность Республики Таджикистан и стран Центральной Азии ростом религиозного экстремизма в молодёжной среде вполне оправдана и подтверждается ежедневной доказательной базой.

На политической арене Афганистана более 100 лет существуют сторонники светского и религиозного мировоззрения. В начале 20 века сторонники прогрессивных идей в таких крупных городах, как Кабул, Мазари-Шариф, Герат издавали газету «Сирадж-уль-Ахбар», в которой поддерживали, в том числе, достижения науки и техники и общественных событий того времени. Исторические документы показывают, что светские идеи, особенно в области средств массовой информации и передового образования, следовали за таджикскими педагогами, такими как Садриддин Айни и другими, которые были в авангарде прогрессивной мысли в Центральной Азии в начале 20-го века.

Несмотря на мировоззрение большинства мусульманского населения, среди влиятельной части образованного населения сложились политические предпочтения с элементами светской идеологии. Более того, эти представления были широко распространены среди коренного населения Афганистана, таджиков и ираноязычных народов, расселенных в основном в крупных городах. Велики заслуги таджикских и персоязычных деятелей, находившихся вокруг Амануллохана. Шах

Махмадвалихан, Мир Ёрбек, Джавхар Шах, Мухаммад Усманхан, а также преподаватели лицея «Хабибия» в Кабуле, которые в своей манере преподавания опирались на современные достижения науки и техники, внесли ценный вклад в развитие светской веры. Этот авангард политработников способствовал не только независимости Афганистана, но и искоренению экстремистского мировоззрения, распространившегося в результате третьей афгано-английской войны. Освобождение женщин от сословного произвола, семейного гнета, создание национальной экономической инфраструктуры и, как следствие, усилия по переходу к индустриально-аграрным ценностям, поощрение широких слоев населения к общественной грамотности и светской жизни были в списке приоритетов правительства. политическая программа этих кругов. Именно поэтому движение «Талибан» объявило опосредованную (гибридную) войну с историческими личностями. Удаление изображений таджикских и персидских ученых и поэтов из Кабульского университета; изменение слова «донишгох» на «пухантун», установление односторонней племенной власти – все это свидетельствует о фанатизме сторонников этого движения.

Говоря о непризнании повстанческого движения, приведенного к власти талибами, преследуется цель защитить национальную идентичность народа северного Афганистана, который имеет сильную моральную опору и составляет большинство населения. По мнению афганских экспертов, силы, задействованные в противодействии одностороннему религиозному фанатизму талибов, имеют ряд ключевых преимуществ:

Ключевые города Кабул, Мазари-Шариф, Герат, Газни, Тахор, Файзабад, Баглон, Самангон (Айбак) в сочетании с Дарай шимоли, Панджшер, Каписа, Ниджраб, большинство их жителей составляют таджики и персоязычные, имеют историческую антиталибскую мотивацию, считают талибов врагом своей идентичности.

В контексте трактовки власти у афганских таджиков стоит упомянуть, что 70% бывшей армии составляли офицеры и солдаты таджикского происхождения. Таджикки составляют 46% или 21 миллион человек из 40-миллионного населения нынешнего Афганистана. Развитыми и промышленными провинциями этой соседней страны, включая Кабул, являются северо-восточные провинции, где производится большинство промышленной, сельскохозяйственной и товарной продукции. Уровень грамотности населения севера, в основном таджиков, выше, чем в других регионах.

Эта передовая часть общества входит в число последователей политической школы и движения против тоталитаризма и засилья пуштунов – «Революционная организация трудящихся Афганистана», СОЗО, «Озодагон», «Кунгурай милли», которое не так давно называлось «Ситами милли». В 60-х и 70-х годах эти организации, имеющие светскую идеологическую основу, подняли знамя справедливости и построили национальное движение в центре и на севере страны против дискриминационной политики властей. Присутствие этих просвещенных людей на политической арене Афганистана рассматривается как подходящая возможность для формирования идеи политической борьбы и искоренения любых нежелательных проявлений экстремизма.

С возвращением «Талибана» в Кабул глобальная геополитическая система в регионе изменилась, и отдельные страны и бывшие союзники оказались на противоборствующих сторонах. Предоставление геоэкономических выгод (продажа оружия, реализация транспортных проектов, транспортировка нефти и газа, добыча полезных ископаемых) и продвижение лояльных лиц и групп в новом правительстве положили начало отношениям.

Конкретные меры по предотвращению талибанизации региона на фоне интеграции Центральной Азии требуют скорейшего решения. В частности обозначение исторического аспекта появления и деятельности военно-политических организаций на религиозной платформе в

Афганистане в 1991 по 2021 гг.; обоснование мер по предотвращению влияния парадигм и вызовов талибовского Афганистана, представляющих экзистенциальную угрозу существованию этнических групп, в особенности непущтунских народов и таджиков, составляющих 46% процентов населения Афганистана и имеющих общий нарратив со странами ЦА; принятие мер по укреплению южных рубежей СНГ, граничащих с Афганистаном; техническое оснащение границ, обмен актуальной оперативной информацией, сотрудничество военных и гражданских ведомств в целях своевременного пресечения угроз, исходящих со стороны Афганистана – веяние времени.

Анализ ситуации в центрально-азиатском регионе свидетельствует о том, что враждебно настроенные силы, подстрекаемые извне, продолжают деятельность, направленную на насаждение узкокорыстных интересов, чуждой экстремистской идеологии, ослабление устоев наших государств – конституционного строя и светской формы правления.

Центральная Азия и Афганистан разделяли единую историческую судьбу на протяжении многих веков. Исторический Хорасан, так условно можно называть Афганистан до прихода к власти Абдурахманхана в 1880 году, ранее входил в состав империи Ахеменидов (558 – 330 гг. до нашей эры), Кушанидов (105 – 250 гг.), Селевкидов (312 – 64 гг. до нашей эры), Греко-Бактрийского государства (250 – 125 гг. до нашей эры), Эфталитов (408 – 670 гг.), Сасанидов (224 – 651), Саманидов (819 – 999), Газневидов (961-1186) и Темуридов (1370-1507), Сефевидов (1501-1722) и Афшаридов (1736-1750).

Наряду с этими государственными образованиями следует назвать Бармакидов (9 в.), которые в совокупности с Тахиридами (821- 873 гг.), Сафаридами (870 – 1005 гг.), Гуридами (1150 – 1215), Гератскими куртами (1244-1381) рассматриваются в качестве династии, правившей частью Хорасана. В частности, в ходе дипломатической командировки в 2003-2008 гг. в ИРА (Исламскую Республику Афганистан) нами достоверно установлено, что их потомки проживают в сёлах Хуррам,

Хабаш, Кулур, Абдулмалик, Гозимар долины Хуррам и Сорбог провинции Саманган. Некоторые из них с 2004 по 2021 гг. занимали различные государственные посты в провинциальной администрации Балха. С приходом к власти движения «Талибан» они утратили былое влияние, как последователи светского пути развития, подверглись люстрации.

Нерегиональные геополитические акторы используют исламский радикализм, как инструментарий психологического воздействия на население по отработанной схеме таких государств, как Иран, Ирак, Афганистан, Сирия, Ливия, Индия и Пакистан в недавнем историческом прошлом. Преследуют цель повысить протестный потенциал в обществе, создать новые очаги межрелигиозного и межнационального противостояния и апробировать шариатскую форму практики управления. Такое осознанное подталкивание традиционных обществ, имеющих исторические предпосылки признаков консерватизма в массовом сознании к усилению религиозного фактора в решение внутренних вопросов, по всей вероятности напоминает - подстрекание к вялотекущему гражданскому противостоянию «борьбы всех против всех».

Радикальные религиозные организации, практически действуя в качестве «пятой колонны», вовлекают в свои деструктивные схемы граждан Таджикистана и ЦА из числа уязвимой части молодёжи, студентов и трудовых мигрантов.

Члены радикального подполья, руководствуясь психологией толпы, превращаются в т.н. «солдат фортуны», влияющих на формирование симпатии к «Движению Талибан» и МТО, воодушевляют единомышленников на дальнейшие террористические действия на афгано-таджикской границе. При этом, под видом канонического ислама, в качестве метода вербовки рекрутов используется искажённая трактовка религии, умышленно допускаются смешение и подмена понятий в сфере свободы вероисповедания и религиозного экстремизма.

В связи с этим, Таджикистан для обеспечения национальной безопасности страны и государственной границы, считающейся также общим рубежом СНГ, обуздания новых вызовов и угроз, примет необходимые меры в рамках конституционных прав и полномочий.

Учитывая данное обстоятельство, представляющее экзистенциальную угрозу единству народов и стабилизации стран, а также совпадение интересов Республики Таджикистан со странами ЦА в плане противодействия терроризму и религиозному экстремизму по широкому спектру вопросов безопасности, актуализирует готовность к тесному сотрудничеству в данном направлении.

Поиск первопричин появления, укрепления и удивительной стойкости движения «Талибан» в течении лета 1994 года сравнительно других военно-политических группировок, дислоцирующихся в недавнем прошлом на севере ИРП приводится в книге американского исследователя «Джанг-е ашбох» (Война призраков), рассказывающей о деятельности иностранных спецслужб в Афганистане. В частности, приводятся факты эйфории пуштунской торговой элиты в Пакистане, которые рассмотрели в появлении талибов этакий «ренессанс» былого величия, поддерживая их начинания. При этом, анализируется подход Хашмата Гани Ахмадзая, брата бывшего президента Ашраф Гани (2014-2021 гг.). По мнению Хашмата Гани, привлекательные лозунги на фоне междоусобной войны в Кабуле, аргументы к публике о восстановлении пуштунской государственности вдохновили представителей торгово-ростовщических кругов, располагавшихся капиталом в ИРП субсидировать войсковые операции вновь образованного движения «Талибан» и инициировать финансовую помощь в крупном размере.

Таким же образом, поступили братья Хамид Карзая и он сам вложив 50 тысяч долларов первого взноса в деятельность ДТ. Удивительно, что бегство Х.Карзая из следственного изолятора Главного управления национальной безопасности ИГА в г.Кабуле летом 1994 года, где ему

инкриминировались работа в пользу спецслужбы южной соседней страны совпало с датой образования ДТ на севере ИРП [108, с. 275–277].

Анализируя исторические аспекты реанимации пуштунской гегемонии можно констатировать, что отсутствия истинного намерения на государственном уровне периода 2001 по 2021 гг. вооружённой борьбы против талибов объясняется вышеуказанными факторами, приводящими к краху республиканской формы правления.

Политическая конъюнктура, трайбализм пуштунской элиты, скрывающей под ширмой республиканской власти, практически на протяжении 20 лет постепенно и целенаправленно парализовало государственной системы с тем, чтобы передать власть талибам, как единственной организации, по их мнению, отвечающей глубинным мотивам представителей «глубинного государства» пуштунов.

Существенного видоизменения в идеологической и практической части движения не происходило, хотя в последние 5 лет, с целью достижения вооружённых целей они показывали какую-то договороспособность в совокупности с манёвром на театре боевых действий. На всем протяжении указанных этапов трансформации, пуштунский элемент если не возобладал, то принимался во внимание и активно использовался для достижения долгосрочных целей, прежде всего для укрепления социальной базы поддержки. К примеру, в первом этапе трансформации кадровый офицерский состав, которые управляли авиацией, танками, артиллерией и связью были бывшие сторонники и члены крыла «халк» Народно-демократической партии – Ш.Таная.

Высшей и самой позорной точкой этих этноцентризмов была передача Афганистана талибам, то есть признанной террористической организации. Газета «Исламская Республика» издания Тегерана опубликовала репортаж о заявлении бывшего беглого президента Афганистана А. Гани в беседе с группой пуштунов в Абу-Даби о его вероломных действиях по сдаче Афганистана талибам.

Согласно сообщению «Спутника», цитирующего эту газету, Гани в частности говорит: «То, что я говорю вам, история и наши дети напишут золотыми буквами, ни Амонуллахан, ни Довуд-хан, ни доктор Наджиб не смогли этого сделать, это то, что я мудро и умело передал всю землю от Памира до Тургунди и от Исламкаалы до Турхама, от Нуристана до Кабула, Кандагара, Газни, Бамиана, Урузгана - их истинным владельцам (пуштунам)» [176].

Опубликовано открытое письмо Абдул Бори Джахони, известного политика, поэта и писателя пуштунского языка и литературы, имеющего много поклонников и сторонников среди пуштунов. В этом письме, обращаясь к главам «Талибан», Джахони пишет: «Власть можно завоевать силой, но история доказала, что удержать власть силой невозможно. Я должен сказать вам, что ни пуштуны, ни любой другой народ Афганистана не имеют права монополизировать власть, лишать власти и отодвигать на обочину другие народы, которые, как пуштуны, жили на этой земле сотни или даже тысячи лет назад» [192].

Дублирование внешних сношений и создание МИД талибов в Дохе в 20217 г., не только превратил Катар в основного игрока в афганском урегулировании, но сконцентрировало в руках талибовских дипломатов власть на ведение переговоров. Внешнее видоизменение в проведении политического курса «Талибан» базировалось на переговоры с геополитическими акторами, Китаем, Ираном, России, с независимыми республиками Центральной Азии. При налаживании договорно-правовой базы переговорного процесса талибами преследовалась цель претворения в жизнь «мягкой силы» (soft power) и создание для внешней аудитории имиджа «умеренных» и «договороспособных» талибов.

Руководство движения «Талибан» в историческом срезе проблематики, находясь в эйфории от взятия власти в Кабуле, декларирует действия диаметрально противоположные Корану и исламским постулатам, в особенности соблюдения справедливости в обществе и доступности образования для мужчин и женщин. В труде

афганистанского автора бытует обоснованное мнение, что талибы напоминают своими действиями хариджитов в средние века, несмотря на их нововведения они отделились от пути последователей исламской общины, с легкостью обвиняют правоверных в неверии¹.

Касательно приверженности талибов к экспансии, в том числе идеологического аспекта проблемы следует подчеркнуть, что военное руководство талибов, представители которых попали в плен в 2000 году и находились в кишлаке Борак провинции Панджшер, в частности мулло Ёрмухаммад, полевой командир Кабульского фронта ДТ при интервьюировании заявлял о территориальных претензиях на часть Центральной Азии, считая её население не совсем правильными мусульманами. Такая формулировка не было частным мнением, и являлась пропагандисткой базовой риторикой в религиозных медресе южного Афганистана и северного Пакистана, в частности сети медресе Хаккани, что побуждало активное участие пакистанцев – учащихся медресе в вооруженной борьбе. Тюрьмы Северного альянса в м.Шахри Нав уезда Ходжа Баховуддин, Борака Панджешера и предгорья уезда Чахяб провинции Тахор, прилегающей к таджикско-афганской границе, наполненные воинственными муллами-иностранцами - яркое тому подтверждение².

Появление непуштун-талибов на арене вооружённой борьбы объясняется следующими факторами: если узбеки в знак недовольства с А. Дустумом, лидером НИДА примкнули к ДТ, то таджикские муллы Севера Афганистана, в частности сторонники Саид Наджмиддина Васика, командующего подразделениями ИОА Бадахшанской провинции мотивом их присоединения были разногласия с руководством Исламским обществом Афганистана. Талибы, выходцы из севера появляются в Фарьябе, Кундузе, Баглане, Бадахшане. Причём в Сари

¹ Шерзод, А. Афғонистон дар пушти никоб [Матн] / А. Шерзод. – Кобул, 2018. – С.15.

² Назаров У.К. Полевые исследования в период командировки в Афганистане с 2003 по 2008 гг. и 2016 по 2019 гг., включающие работу с экспертами, дипломатами, военными, политиками, сотрудниками ООН, представителями СМИ, интеллигенции и духовенством.

Пуле (Балхаб) впервые в истории на арену выходят шиитские талибы (М.Мехди).

Члены «Наблюдательного совета» в погоне за сферой влияния, должностями и материальными ценностями, узурпировали права подавляющего большинства, в особенности образованной части таджикского населения, интеллигенции, которые были искушёнными в политических махинациях официального Кабула, тем самым насадив в обществе социально опасные идеи общественного мнения, как апатия, неуверенность в собственных силах, отход от борьбы за свои гражданские права. Такой расклад, основанной на личных интересах породил появление в местах компактного проживания таджикского населения, в том числе в Панджшере и Бадахшанской провинции впервые в истории идеи талибизма.

Эксперты едины во мнении, что создание любого т.н. «исламского государства», в том числе с участием ДТ в полиэтничном обществе Афганистана приведёт к перманентному конфликту. В Афганистане, которая признана страной меньшинств, где проживают таджики, пуштун, хазарейцы, узбеки, туркмены, кыргызы, сунниты, шииты-двудесятники, исмаилиты, сикхи, установление исламского строя означает вовлечение общества в водоворот междоусобной войны.

Анализ опыта противодействия угрозам, исходящим от террористических организаций, показал, что такие явления, как терроризм, экстремизм и фундаментализм в нашей стране взаимосвязаны и вытекают друг из друга. Наилучший результат достигается путем проведения предупреждающих мероприятий.

С приходом талибов к власти в Афганистане, ситуация в этой стране усугубилась и предпосылок для стабилизации обстановки в ближайшее время нет. Прошло почти два года после прихода «Талибан» к власти в Афганистане, однако за этот период им не удалось достичь успехов в государственной деятельности. «Талибан» до сих пор не имеют

четкого представления и конкретную программу относительно будущего государственного строя.

Обострились противоречия между руководителями «Талибан», а в отдельных северных регионах наблюдается раскол между талибами пуштунами и талибами непуштунской национальности. Происходит всеобъемлющая радикализация населения Афганистана. В каждом районе создаются джихадистские медресе (на сегодня уже создано более 45), где готовят профессиональных террористов и смертников. Наряду с этим осуществляется пуштунизация Афганистана, в том числе регионов с непуштунским населением, что чревато межнациональными конфликтами.

Исторический экскурс в деятельности движения «Талибан» с момента его официального появления (сентябрь 1994) показывает, что ДТ государствами Центральной Азии рассматривался в качестве потенциального источника угрозы национальной безопасности. Но магистральной экзистенциальной угрозой странам Центральной Азии, безусловно, было широкое идеологическое влияние панисламистского мировоззрения, исходящих от деятельности видения «Талибан», поддержка аффилированных террористических организаций, адептов террора, целью которых является дестабилизации обстановки в ЦА, повлияло на принятия решений в отношении внешней политики стран в афганском направлении в 1996-2021 гг.

3.2. Таджикско-афганские отношения после прихода движения «Талибан» к власти в 1996-2001 и 2021 гг.

Таджики являются автохтонным населением Афганистана, внесшим достойный вклад в развитии этой страны. Таджикский этнос сформировался на территории Среднего Востока [86] в период раннего Средневековья из ираноязычных этнических компонентов, проживающих на этой территории (согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы, саки).

Для глубокого проникновения в ситуацию конкретного исторического периода и подтверждения гипотезы, что Афганистан в конце 19 века был создан англичанами на территории компактного проживания таджиков, стоит привести письмо министра иностранных дел Великобритании Дж.Л. Гранвилля к лорду А. Лофтусу от 17 октября 1872 года, где обсуждался вопрос о принадлежности территорий севернее Гиндукуша. «Я изложу позицию правительства Её Величества, - отмечает он, - по поводу того, какие территории и границы признаются полностью принадлежащими эмиру Кабула, а именно: 1. Бадахшан с зависимыми от него районом Вахана на востоке до слияния реки Кокча с Оксом (с Пянджом). 2. Афганский Туркестан, включающий районы Кундуз, Хулм и Балх. 3. Внутренние районы Акча, Серипуль, Меймена, Шиберган и Андхой, последний из которых будет крайним пограничным владением на северо-западе. 4. Западная граница Афганистана между зависимым от него Гератом и персидской провинцией Хорасан хорошо известна и не нуждается в определении [70, с. 117]. По мнению афгановеда С.Акимбекова «...из данной цитаты видно, что англичане приложили немало усилий для того, чтобы территории, расположенные к северу Гиндукуша, населённые таджиками, узбеками и хазарейцами, стали частью пуштунского государства Афганистан» [27, с. 26].

Анализируя данное письмо главы внешнеполитического ведомства Англии периода конца 19 в. можно с изрядной долей уверенности сказать, что англичане в размежевании севера исторического Хорасана

(нынешнего Афганистана) оставили за бортом такие крупные города и провинции как Баглан, Бадгис, Саманган, Тахар (Талукан), Мазари Шариф, Айбак, Фаряб, что позволяет считать это «топорным разделением» по-английски за счёт территории, населённой преимущественно этническими таджиками¹.

Завершительные этапы формирования таджикской нации совпадают как раз на первые государства, которые были основаны таджикскими династиями, – Тахиридов (819-873), Саффаридов (861-900) и Саманидов (892-1005). Таким образом, нет сомнений в том, что нынешняя земля Афганистана, исторически относится к Восточному Хорасану, который был землей, принадлежащей таджикскому народу [226].

Афганский ученый А. Навбахор, говоря о цивилизованной роли таджиков Афганистана отмечал: «Где бы таджики ни решили жить, они делают край процветающим. Они оживляют мертвую и сухую землю, озеленяют её. Они превращают это место в сельскохозяйственные угодья, сады и зелёные поля. В большинстве районов Афганистана, в местах проживания таджиков, в основном имеются сельскохозяйственные угодья и пышные зелёные сады, богатые фруктами и свежими овощами. Эта привязанность и природная любовь таджиков к месту, где они находятся, и к своему родному городу заставили их потрудиться для его процветания и превратить его в приятное и благоустроенное место» [223, с. 111–112].

Х. Асозода в своей книге «Персидская литература и три её ветви» отмечает, что большинство писателей Афганистана, хотя и из нетаджикских народов – узбеки, хазары, пуштуны, белуджи и т. д., создавали свои творения на языке дари. Например, Асадулло Хабиб, который является известным деятелем литературы и культуры Афганистана, был первым председателем Союза писателей страны и главой Кабульского университета, родился от отца туркмена и матери

---

¹ Выражение заимствовано из названия книги академика Масова Р.М. История топорного разделения. – Душанбе, 1995.

пуштунки. М.А. Усман также является афганским литератором, его отец - пуштун, а мать - таджичка. К. Мисок - из хазарейцев, но язык его творчества – таджикский [29].

В 1929 году Таджикистан приобрел вновь свою государственность, хотя и в исторически урезанных границах в составе Советского Союза. Существует научная позиция, что появление Таджикистана как республики в составе Советского Союза было связано не только с выдающейся исторической ролью таджикского народа на территории Средней Азии и его неопределимого культурного и интеллектуального вклада в данный регион, но и по причине противовеса усиливающейся моноэтничной идеологии среди республик Средней Азии, особенно, в ранний период становления СССР. В этом контексте само существование Таджикистана являлось серьезным препятствием для расширения и укрепления любой внерегиональной идеологической доктрины в Центральной Азии.

В связи с этим стоит отметить, что сегодня экономические и политические мировые тренды направлены на усиление транснациональных и больших региональных проектов, что в какой-то мере направлены на преодоление границы и идеологии отдельных национальных государств, что бросает им серьезный вызов.

Можно сказать, что сегодня идет столкновение между национально-государственными и трансрегиональными проектами. Безусловно, в этом контексте нужно занимать прагматическую позицию и находить баланс между развитием этих двух тенденций, которые носят объективный характер. Это просто факт, который отражает текущее состояние движения мировых процессов, таких как глобализация.

В этом случае стоит помнить правило, а именно: нахождение своего устойчивого положения в новой транснациональной конфигурации зависит от того, с каким культурным, экономическим и политическим ресурсом выходит национальное государство в парадигму транснациональной системы взаимоотношений. Выходить на данный

уровень с устойчивой системой всех указанных уровней позволяет не беспокоиться национальным государствам о своем будущем.

В результате исследования мы приходим к выводу, что таджикская культура стала частью мышления афганского народа, признаки которой можно увидеть в поведении, искусстве, архитектуре, скульптуре, живописи, ремесле, государственных делах, идентичности.

Бывший министр иностранных дел ИРА Д.Р. Спанто позитивно обозначил место Таджикистана во внешней политике Афганистана: «В мировоззрении политиков и народов никто кроме Индии не может похвастаться знанием традиции, языков чувств и ментальности афганцев. И это невзирая на отсутствие сходство по многим параметрам, включая общность исторической несправедливости, которые делает афганский народ близким к Индии. И единственный народ и государство, который может состязаться в почитании афганцев в сравнении с Индией – это Таджикистан» [131, с.223].

Таджикистан, осознавая сложность ситуации и ответственность, возлагаемую на него как члена ООН, ОДКБ, ШОС и других международных и региональных организаций, вкупе с заинтересованными в стабилизации Афганистана странами прилагает все зависящие от него усилия по надежной защите южных рубежей СНГ, для чего мобилизовал все свои ресурсы.

Констатируя факт сотрудничества стран Центральной Азии, хотелось акцентировать внимание о месте и роли Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в разрешении военно-политической ситуации и урегулировании афганского вопроса, истории становления и развития взаимоотношений Таджикистана и Афганистана. Президент Таджикистана, неоднократно выступая с высокой трибуны Организации Объединённых наций, решительно осудил терроризм и экстремизм и призывал организовать единый международный фронт против этих современных вызовов и угроз [220]. В этой связи стоит отметить, что геополитический контекста и приоритет Афганистана во внешней

политике Таджикистана объясняется следующими факторами: 1) опасным соседством; 2) протяженной государственной границей; 3) присутствием 46% процентов таджиков из 40 млн. населения Афганистана; 4) соображением гуманитарного порядка особенно в вопросах относительно общей исторической судьбы таджиков; 5) общими историческими корнями происхождения, а именно общим индоевропейским происхождением; 6) наличием транспортной коммуникации; 7) общей языковой средой; 8) культурой; 9) историческими городами таджиков на территории Афганистана г. Кабул, Балх, Герат, Тахор, Файзабад, Каписа, Панджшер, Саманган, Газни; 10) религией.

Выступления Президента Таджикистана Эмомали Рахмона в ООН, ШОС, ОДКБ, СВМДА, СНГ, ОБСЕ на переговорах по итогам встреч с руководством Афганистана, где непосредственно были затронуты проблемы ИРА, в хронологическом порядке представляют историческое значение и определили роль и место Таджикистана в урегулировании афганского вопроса и по всему спектру внешней политики в афганском направлении.

Вовлечение суверенного Таджикистана в урегулировании афганского вопроса, по нашему мнению, обозначено с первого выступления главы РТ Эмомали Рахмона с высокой трибуны ООН: «Мы твердо убеждены, что поддержка многотрудных усилий руководства Афганистана в деле возвращения мира на многострадальную афганскую землю отвечала бы интересам не только этой страны и региона, но и всей планеты. Было время, когда некоторые государства тратили немало средств на войну в Афганистане. Наступила, на мой взгляд, пора помочь восстановить здесь мирную жизнь. Непокойный и нестабильный Афганистан - угроза не только для Таджикистана» [7].

Правительство Таджикистана выступает за совершенствование, укрепление международной стратегии борьбы с терроризмом, экстремизмом, другими глобальными вызовами и угрозами

современности, установление более справедливой системы международных отношений. В этом отношении мы признаем важность тесного сотрудничества на постоянной основе структур безопасности, пограничных и оборонных ведомств двух стран. Укрепление нашей общей границы протяженностью почти 1400 км как рубежа дружбы и сотрудничества имеет жизненное значение для безопасности и стабильности [178].

Таджикистан вносил серьёзное содействие в восстановлении Афганистана, на основе двусторонних и многосторонних договоренностей с Афганистаном по строительству высоковольтной линии электропередач, подготовке и переподготовке персонала и кадров, строительству железнодорожных и автомобильных дорог и мостов, соединяющих наши страны с другими направлениями, Таджикистан вносит свой реальный вклад в дело восстановления экономики дружественного нам соседнего государства. Мы выражаем готовность использовать для этого весь свой потенциал и инфраструктуру. Призываем международное сообщество наращивать свои усилия по предоставлению экономической помощи Афганистану, которые были озвучены на Международной конференции в Кабуле [11].

Таджикистан всецело поддержал обращение Президента Исламской Республики Афганистан о предоставлении его стране статуса наблюдателя в Шанхайской Организации Сотрудничества, заявив о том, что Таджикистан не сомневается в том, что положительное решение по данному обращению стало бы серьезным шагом в направлении более активного включения Афганистана в процессы многостороннего сотрудничества и интеграции в регионе [10].

Более того, Таджикистан всегда придавал особое значение вопросам расширения созидательных и взаимовыгодных связей со всеми своими близкими соседями, в том числе с Афганистаном, имеющим с нами языковую и культурную общность. Благодаря созидательной работы, в том числе посредством построения дорог и мостов, устранены трудности

в передвижении людей, внутренней и внешней торговли, перевозке товаров и материалов, транспортных средств по соседним странам, в первую очередь в направлениях Исламской Республики Афганистан и Китая [12].

Таджикистан был нацелен на то, что со строительством названных объектов и ремонтом северных дорог Афганистана наша страна обретёт кратчайшее транспортное сообщение с важными портами тёплых морей, особенно с Персидским заливом и Индийским океаном, а также крупными и развивающимися регионами мира – западной Азией, южной Азией и юго – восточной Азией, что будет иметь для Республики Таджикистан и Исламской Республики Афганистан не только огромное экономическое и коммуникационное, но и политическое, геостратегическое значение [12]. Таджикистан превратился в солидную площадку проведения международных конференций по Афганистану, координируя проекты регионального значения, в частности, маршрут железной дороги Таджикистан-Афганистан с присоединением к ветви железной дороги Туркменистан-Афганистан, проект CASA-1000, также строительство линии газопровода из Туркменистана в Пакистан и Индию через территорию Афганистана и дальнейшим присоединением Таджикистана [8].

В свете предстоящих в 2014 году политических событий в Исламской Республике Афганистан и вывода международных сил безопасности из страны это дружественное государство ожидает нашу поддержку, заявлял Президент страны. Вместе с государствами-друзьями афганского народа Республика Таджикистан продолжит вносить свой практический вклад по мере своих возможностей в дело экономического возрождения и развития соседней страны [179].

В период поствыводного периода коалиционных сил из Афганистана и неоднозначности перспектив дальнейшего развития ситуации в названном сопредельном государстве, важно проанализировать состояние интеграционных и геополитических

процессов в Центрально-азиатском регионе, определить формат участия и роль каждой страны в активизации этих процессов в русле их направленности на обеспечение безопасности и социально-экономического развития Афганистана, и Центральной Азии.

Таджикистан полностью и всесторонне поддерживает реализацию всеобъемлющей международной стратегии по обеспечению стабильности и восстановлению мира в Афганистане. Мы убеждены, что обеспечение безопасности и стабильности в Центральной Азии зависит, прежде всего, от установления мира и стабильности в Афганистане, от создания благоприятных условий для его мирного развития. С этой целью Таджикистан наладил и продвигает взаимовыгодное сотрудничество с соседним Афганистаном в рамках двусторонних и многосторонних механизмов.

В этом контексте РТ постоянно стремится всесторонне способствовать экономическому и социальному развитию этой дружественной страны посредством взаимодействия в разработке и реализации различных трансграничных и региональных инфраструктурных, энергетических, транзитных и транспортных проектов. Страны нашего региона связывают не только общие границы, но и древние торговые традиции, уходящие корнями во времена Великого шелкового пути. Традиции и торговые системы, которые формировались на протяжении всей истории благодаря этой важной субрегиональной магистрали, имеют большое значение и в наше время.

Афганистан расположен в центре этого пути, этой магистрали, соединяющей разные части мира, особенно Центральную Азию, Южную Азию, Китай, Ближний Восток и Европу. Таджикистан прилагает постоянные усилия по созданию нормативно-правовой базы для развития транзитной торговли через транспортные коридоры, в которых участвует дружественная нам страна – Афганистан [195].

В этом контексте стоит подчеркнуть о просветительской роли Навруза в Афганистане. Афганцы, мировоззрение которых, не засорено

фанатизмом, искренно считают праздник Навруз – символом единство человека и природы, созидательного начала и истинного творения во благо всех трудолюбивых людей. Талибан, захвативший власть в августе 2021 году исключение из правил. Его руководство заявило в марте 2022 года, что Навруз на государственном уровне отмечаться не будет и что это «таджикский» праздник, не имеющий ничего общего с Исламом. О запрете талибами Навруза в 1997-1999 гг., широко отмечаемого в персизированном мире подробно отмечали российские исследователи [31, с. 77].

Хотя справедливости ради нужно отметить, что пуштуны нынешние предки талибов, как представители индоарийских племён широко отмечали Навруз, сверяя в начале весны свои действия по посеву и облагораживания земель именно с его наступления. Но по указке исламистов отменялись атрибуты Навруза, неоправданно считались опасными для формирования мировоззрения адептов террора.

Между тем, народ Афганистана является выразителем позитивных начинаний в период Навруза. В северный город Мазари Шариф ежегодно до 2021 г. стыкались более миллиона человека со всех концов страны и из-за рубежа. Это было не только фестиваль местной культуры и показ ремесла, самодеятельности и кухни, но и признавался устойчивым подспорьем социально-политической базы любой власти¹.

А. Джовид, академик Академии наук Афганистана, высоко оценил вклад таджиков в развитие не только Афганистана, но и всего региона и заявил, что в Афганистане таджиков называют «ахрор», то есть свободолюбивый, и иногда «дехгон», поскольку таджики были процветающей, просвещенной, трудолюбивой нацией, торговцами, садовниками и близкими «соратниками» культуры и литературы» [245, с. 104].

---

¹ Назаров У.К. Полевые исследования в период командировки в Афганистане с 2003 по 2008 гг. и 2016 по 2019 гг., включающие работу с экспертами, дипломатами, политиками, сотрудниками ООН, представителями СМИ, интеллигенции и духовенством.

Таджики исторического Хорасана (нынешнего Афганистана) внесли свой достойный вклад в развитие всех сфер государственности, слоёв общества, социальной инфраструктуры, экономики, торговли, науки, культуры, литературы, архитектуры и искусства. Они с учётом общего блага и общечеловеческой целесообразности всегда боролись за защиту территориальной целостности, расширение справедливости, чести народа и восстановление централизованного государства.

Если проследить историю Афганистана, то станет очевидно, что полное овладение языком дари считается признаком проницательности и прогресса. Поэтому аристократия воспользовались богатством этого всемирно известного языка, способного нести моральную нагрузку тысячелетия, простиравшегося от Китая до границ Европы, в бытовой среде и в кулуарах власти.

События начало 2000 г. показывают, что, не признав в 2001 году истинного и полноправного президента Афганистана, «Северный альянс» передал власть тому, кто не был знаком в стране. Результат этой сделки закончился в ущерб национальным интересам таджиков, поскольку таджики Хорасана сочли приемлемым занимать второстепенные должности и предпочли коммерческие интересы нежели национальные.

У таджиков Афганистана больше нет возможности воевать за чужие цели. Их основной путь на ближайшее время - объединение вокруг подлинных лидеров афганских таджиков, не потерявших своё лицо среди населения, повышение национального самосознания и разработка долгосрочной программы возрождения достойного статуса, что окажет содействие в определении пути решения афганского вопроса.

Вопрос об особенностях военно-политической обстановки в Афганистане после вывода войск международной коалиции и их последствия для региональной безопасности Центральной Азии рассматривается в контексте его доминирующего значения для обеспечения региональной безопасности и стабильности.

Следовательно, наряду с активным гражданским обществом, которое возрождается и делает первые шаги по оптимизации проблем общества, появление в политическом пространстве новых субъектов политической борьбы, с целью уменьшения влияния радикальных идей, воспитания молодёжи в духе истинно демократических воззрений, отвечает не только национальным интересам Афганистана, но с учетом приверженности стран Центральной Азии и других заинтересованных государств этим ценностям, создает базу межпартийного общения с коллегами из указанных стран.

Необходимо подчеркнуть, что вся структура в спящем режиме на севере, севере-востоке, в центральных и южных районах существует, и её реанимация вероятнее всего сможет утвердить силы, способные противостоять на идейно-патриотической основе террористическим угрозам. В военных структурах, в органах безопасности много сторонников этих идей, отличающихся профессионализмом и навыками борьбы против терроризма.

На этом фоне абсолютизация течений, партийной инфраструктуры, стоящих на происламских позициях, как уже было отмечено порождает в качестве альтернативы националистические организации, отстаивающие исключительность отдельных наций в Афганистане.

Появление таких организаций, как Национально-исламское движение, Совет таджиков Афганистана, Афган-миллат, Совет хазарейцев, Союз туркмен, содотов и т.д., высвечивает опасность разделения Афганистана по этническому признаку. Широкое обсуждение в обществе вопроса употребления слова «афганец» в электронных паспортах показывает, что раскол в этом плане приобретает первичные очертания и весьма опасен для такого многонационального государства, или как принято считать страны нацменьшинств, как Афганистан. В частности, оперируются мнения, что нацменьшинства при разделении должностей в нынешнем Правительстве национального единства несправедливо обделены.

Особенность ситуации в Афганистане до 15 августа 2021 г. отличается тем, что не было ясного понимания на идеологическом фронте, признания истинных врагов государственного устройства страны. Движение «Талибан» при всей своей непримиримости, не рассматривался руководителями Арка в Кабуле в качестве оппонента властям, а признано субъектом переговорного процесса, с которым необходимо договариваться. Такой подход нивелировал в идейном плане вооруженную борьбу против «Талибан», считающийся субъектом политического процесса, а вовсе не радикальным движением, которое необходимо локализовать.

В этой связи, нами нахождение ИГИЛ в Афганистане утверждение этой организации в качестве террористической структуры видится следующим образом. Во-первых, несмотря на появившуюся информацию о присоединении талибов к ИГИЛ в Афганистане, мы едины с мнениями экспертов, которые склонны учитывать, что с 1979 года по сегодняшний день в составе этих групп в различных ипостасях действовали выходцы из стран Ближнего и Среднего Востока, называемыми «афганскими арабами». Обычно это наиболее радикально настроенные выходцы из стран Ближнего Востока, которые, скрываясь от судебного преследования в своих странах, нашли убежище и приют в стане исламских группировок. Все эти наемники, состоявшие из 3-4 тысяч арабов, подчинялись руководителю «Мектеб-ул-хидмет» (Школа служения) палестинцу Мухаммад Уззому в Пакистане, координировавшему эту деятельность. Афганские арабы действовали в силу наличия сектантской общности с партией салафитов - Исламской организацией освобождения Афганистана, возглавляемой А.Сайяфом, создав секты в Пагмане провинции Кабул, уездах Шухадо провинции Бадахшан и Ходжагаре Тахорской провинции, способствовав появлению командиров-ваххабитов.

С появлением Движения исламского возрождения Таджикистана, в составе его военного блока функционировали арабы-инструкторы. Они,

в частности принимали участие в боевых действиях против правительственных войск в южных районах республики. В 1994 году в приграничной зоне в РТ был задержан Абуисхок, араб по происхождению, уроженец Ирака. Его показания высветили ряд проблем, связанных с деталями участия афганских арабов. Впервые было названо имя Усаммы бен Ладена, контролирующего не только финансовую помощь, но и ведущего разведывательную деятельность против Таджикистана и стран СНГ. Арабы-инструкторы были фанатично настроены ко всему советскому наследию, в особенности с особой жесткостью расправлялись с госслужащими, правительственными чиновниками. Кстати, в 1994 году в результате теракта была разрушена 12-я московская погранзастава, в результате чего погибли российские и таджикские пограничники. Эта акция было организована при содействии О. Хатгаба, иорданца по происхождению. Согласно анализу и прогнозам, такая ситуация сохранится в регионе и некоторых странах мира и в будущем, а присутствие и деятельность ИГИЛ и «Аль-Каиды» будут расширяться.

По мнению Президента РТ возникает необходимость разработки новых инновационных подходов к совместной борьбе с терроризмом и распространением идеологии экстремизма и религиозного радикализма, в том числе с использованием современных технологий.

В рамках реализации Национальной стратегии Республики Таджикистан по противодействию терроризму и экстремизму на 2016-2020 годы Правительством страны среди других значительных достижений также достигнуто улучшение механизма предотвращения экстремизма и радикализма, повышения роли образования и гражданского общества в этом деле.

Учитывая сложную ситуацию в регионе, Правительство Таджикистана уделяет особое внимание постоянному усилению охраны государственной границы и принимает необходимые меры для предотвращения трансграничной переброски боевиков-террористов,

незаконного оборота наркотиков, оружия и других транснациональных преступлений.

В целях совершенствования процесса охраны государственной границы в 2010 году мы приняли «Национальную стратегию управления границей» и ее план действий по реформированию системы охраны границы на период до 2025 года при содействии международных партнеров.

Следует подчеркнуть, что в нынешних условиях переброска боевиков-террористов из охваченных войной районов Ближнего Востока в другие регионы, в связи с этим усиление позиций МТО в Афганистане представляет серьезную угрозу для Центрально-азиатских государств. В целях обеспечения безопасности региона и мира считается крайне необходимым систематически предотвращать такой процесс и его трагические последствия [9].

Президент РТ на саммите глав Шанхайской организации сотрудничества, проходившей 4 июля 2023 г. в Нью-Дейли акцентируя внимание участников встречи на опасность влияния радикальной идеологии предложил обратить внимание на ситуацию в Афганистане, способствуя миру, свободную от терроризма и наркотиков в этой стране. Предлагается также запустить внутриафганский диалог с целью формирования инклюзивного правительства с участием ведущих этнополитических и социальных сил [199].

Стоит выделить три ключевых геополитических проекта, которые так или иначе затрагивают интересы Центральной Азии, в частности, Таджикистана в контексте усиления дестабилизирующего фактора политического правления радикального ДТ в Афганистане.

Следует иметь в виду, что все три проекта: Новый Ближний Восток, Большая Центральная Азия и проект «Экономический пояс Нового Шелкового пути» отражают основных участников этих проектов: Россию, США и Китай. Конечно, каждый из них преследует свои собственные цели, поскольку готов вкладывать в них как экономические,

политические, так и человеческие ресурсы. В связи с этим Таджикистан в этих конфигурациях и социально-экономических и политических моделях должен иметь четкие инструменты и критерии, по которым он должен участвовать в этих проектах.

Для Таджикистана, с точки зрения ценностного подхода (1), важно иметь общую региональную систему ценностей, которая является исторически понятной и близкой. Проект должен косвенно защищать светские основы государства, основанные на соблюдении закона и принятой Конституции, при уважении прав других этнических групп. Безопасность играет важную роль в этом подходе (3). И, наконец, ситуационный подход (2) относителен по отношению к первым двум пунктам, поскольку он прагматичен и экономичен по своей природе. При таком подходе важную роль играют риски и инновации, связанные в большей степени с транснациональными корпорациями.

Можно сказать, что российский проект очень близок к Таджикистану, защищает безопасность и фокусируется на следовании светскому характеру ценностей, но ограниченные инструменты влияния на Афганистан через экономику, учитывая вовлечение ее основных ресурсов в СВО и политическую и экономическую изоляцию в данном отрезке времени далёк от реализации.

Проект «Большая Центральная Азия» (США) обладал огромным потенциалом до прихода к власти в Афганистане ДТ. Сегодня этот проект больше опирается на ситуационный подход, имея чисто прагматические политические интересы, а именно отключение России от ресурсов Центральной Азии в направлении более экономически выгодного проекта, а именно доступа Центральной Азии к морским портам Гвадар и Карачи через Афганистан. В этом проекте нет места институциональным изменениям и системе ценностей в Афганистане. Здесь есть ресурсы, но нет никакой ориентации на то, чтобы что-либо изменить в политической структуре Афганистана.

Наиболее оптимальным проектом для Таджикистана является китайский проект экономического пояса Нового Шёлкового пути. Здесь существует общая система ценностей – это философия семьи (конфуцианство), умеренная и сбалансированная экономика, основанная на системе ценностей и соблюдении государственных законов. Религиозная идентичность в Таджикистане может вызвать некоторое неприятие китайского проекта, но, учитывая опыт Китая в отношении ограничения деятельности радикальных исламских группировок внутри своей страны, этот опыт может позволить Китаю занять очень сбалансированную позицию в отношении Таджикистана.

В связи с этим Таджикистан может участвовать во всех трех проектах с учётом национальных интересов, но с большей опорой на постулаты Концепции внешней политики в порядке приоритетности. Китайский проект, который обеспечивает стабильность, развитие и безопасность в стратегической перспективе может служить также альтернативным вариантом для РТ, тем более что Россия, вероятно, также будет двигаться в том же направлении, даже если она использует свой собственный маршрут: Россия – Мешхед – Герат – Кандагар – Кветта. В среднесрочной перспективе государства ЦА вынуждены выработать собственные интеграционные проекты с учётом афганского фактора в формате 5+1 в качестве формирующегося регионального игрока.

После прихода к власти талибов этнические проблемы в Афганистане стали обостряться, негативное отношение к таджикам усиливается. Талибан планирует изменить этнический состав северной части страны, провести «этническую чистку», реализовать этот проект в провинции Панджшер. Коренные жители насильственно выселяются, а семьи джихадистов Талибан размещаются в их домах. Локальные чистки непущтунских граждан проводятся в Тахоре, Баглане, Джузджане, Фарябе.

В Афганистане насчитывается 23 млн. нуждающихся. Если приостановить гуманитарную помощь и торгово-экономические отношения с Талибан, то обстановка может ухудшиться, а негативные последствия затронут весь регион.

На данном этапе внутривнутриполитическая обстановка и социально-экономическая ситуация более приоритетна для талибов, чем внешняя политика.

В Кабуле функционирует 28 дипмиссий. Талибан имеет своих представителей в 43 странах. Они приглашаются на международные форумы и конференции, где выступают от имени афганского народа. Визиты политических деятелей в Кабул свидетельствуют о признании талибов де-факто, как реальной власти, с которой допустимо вести диалог.

Требования международного сообщества о создании инклюзивного правительства, об обеспечении прав и свобод женщин, отказе от связей с террористическими организациями со стороны Талибан до сих пор не выполнены.

С приходом Талибов к власти в Афганистане, ситуация в этой стране усугубилась и предпосылок для стабилизации обстановки в ближайшее время нет. Прошло более трёх лет после прихода Талибан к власти в Афганистане, однако за этот период им не удалось достичь успехов в государственной деятельности. Талибан до сих пор не имеют четкого представления и конкретную программу относительно будущего государственного строя. Обострились противоречия между руководителями Талибан, а в отдельных северных регионах наблюдается раскол между талибами пуштунцами и талибами непуштунской национальности. Происходит всеобъемлющая радикализация населения Афганистана. В каждом районе создаются джихадистские медресе, где готовят профессиональных террористов и смертников. Наряду с этим осуществляется пуштунизация Афганистана, в том числе регионов с

непуштинским населением, что чревато межнациональными конфликтами.

Сегодня террористические организации радикального толка нашли безопасное пристанище на территории Афганистана. Запущен процесс формирования новой и открыто функционирующей террористической сети. Талибан выдаёт афганские удостоверения личности иностранным джихадистам, которые воевали вместе с ними против правительства ИРА.

Несмотря на обещания талибов об искоренении производства наркотических средств, производство и незаконный оборот наркотиков значительно возросло. Увеличилась контрабанда наркотиков в соседние страны, особенно в Таджикистан. Например, после прихода к власти талибов пограничные войска ГКНБ изъяли более 10 тонн наркотических средств, что в разы больше по сравнению с предыдущим периодом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ, ПОЛУЧЕННЫЕ В ХОДЕ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В диссертации на основе научной литературы таджикской школы афганистики, российских, центрально-азиатских, что немаловажно афганских и пакистанских авторов впервые осуществлён системный анализ процесса трансформации появления, становления и возрождения движения «Талибан», как радикальной организации периферийного типа до превращения в самостоятельную террористическую субстанцию, угрожающую региональной безопасности Центральной Азии.

Выделены три ключевых геополитических проекта, которые так или иначе затрагивают интересы Центральной Азии, в частности, Таджикистана в контексте усиления дестабилизирующего фактора политического правления радикального ДТ в Афганистане. Все три проекта: Новый Ближний Восток, Большая Центральная Азия и проект «Экономический пояс Нового Шёлкового пути» отражают основных участников этих проектов: Россию, США и Китай, каждый из которых преследует свои собственные цели.

В связи с этим Таджикистан может участвовать во всех трех проектах с учётом национальных интересов, но с большей опорой на постулаты собственной Концепции внешней политики в порядке приоритетности.

Трансформация движения «Талибан» через призму исторического анализа и исходя из развития обстановки, на наш взгляд можно разделить на четыре этапа: 1) С 1979 по 1992 гг. была сформировано, укреплена кадровая и идеологическая база талибизма в лагерях северного Пакистана; 2) С 1992 по 2001 годы, когда талибы захватив власть в Кабуле были признаны с уклоном поддержки террористического интернационала субъектом политического процесса, с признанием их Пакистаном, ОАЭ и Саудовской Аравии; 3) С 2001 по 2021 гг. ведение партизанской войны и приход к власти согласно

сомнительной Дохинской политической сделки с США; 4) С 2021 по сей день нахождение во власти, приведение в действие жёсткой матрицы практики управлением шариатом.

Трансформация движения «Талибан» затронула также качества внешних сношений, в частности диверсификацию связей с иностранными государствами, при этом внутренний контент движения базировалась на жёсткой матрице племенного представления о религии, и таковым остаётся по сей день.

Трансформация деятельности движения по способу ведения войны, как явствует из совокупности анализа данной диссертации произошла в двух ипостасях: с учётом внутреннего и внешнего факторов. Отрицая существование правительства Карзая - Гани в качестве легитимной власти и субъекта переговорного процесса, движение «Талибан» опиралось на политику двойных стандартов - при единовременном ведении боевых действий, расширение сферы влияния в сельской местности, талибы ставили правительства ИРА в состояние цейтнота. Так, в целом отказывая правительственным органам в переговорах, тем не менее, в дипломатическом городке Вазирабархан г. Кабул наладили тесные связи посредством «умеренных и разуверившихся» талибов, находившихся согласно политики примирения в Президентском дворце, МИД, МО и ГУНБ ИРА. Вынуждали лиц, ответственных в принятии решений в освобождении талибов из тюрем, в корректировке войсковых операций в местах контроля территории талибов, ограничении власти полевых командиров бывшего Северного альянса.

При этом на внешнем фронте, показывая эфемерную «договоропособность» и скрытое от иностранных представителей, изменение «неоталибов» в сторону прогресса и принятия цивилизованных отношений добились открытия представительство в Катаре, которая оценивается, как первичное признание талибов в качестве одного из основных игроков геополитических игр в противовес официальным властям ИРА.

Движение «Талибан» (Талибан-2) вариант 2001-2021 гг. трансформировалась и на театре боевых действий. Прежде всего, это касалось диверсификации источников финансирования боевых операций, которые приобрели большой размах. Полевые исследования автора диссертации в 2016-2019 гг. непосредственно на севере Афганистана, в частности в 4 провинциях северо-восточных зоны (Тахор, Кундуз, Баглан и Бадахшан) показали устойчивую тенденцию в сторону приобретения новых и нетрадиционных ранее источников обогащения и повышения материально-технической базы движения. Доход от оборота наркотиков (как от посева, так и до конечного продукта), от залежей полезных ископаемых, в частности нефти, газа, каменного угля, пищевой соли, золото, лазурита, изумруда в уездах Рагистан, Юмган, Курону Мунджан Бадахшанской провинции, в Сари Пуле, Тахоре и Баглане, дивиденды от транспортных компаний, осуществляющих внутренние и международные перевозки, получения преференций от мобильных компаний «Рушан», «Афганбесим», «Иттисолот», в особенности для доступа в конкретный регион и установки антенн, 15% доля от дорожных строительных фирм, строящих дороги в подконтрольных территориях. Талибы были аффилированы к внешним источникам финансирования, которые включали различные денежные поступления из зарубежных фондов стран Ближнего Востока, преимущественно из Объединённых Арабских Эмиратов, Саудовской Аравии и Пакистана. Причём, в городе Дубае сложилась «пятая колонна» предпринимателей пуштунского и иранского (суннитов) происхождения, которые занимались финансовым пожертвованием в угоду движения «Талибан»¹.

Создание движения с националистическим уклоном согласно «эффекта домино» подтолкнуло менее через 1,5 года пакистанские талибы, объединённые под флагом «Техрик-е талибани Пакистан» на

---

¹ Назаров У.К. Полевые исследования в период командировки в Афганистане с 2003 по 2008 гг. и 2016 по 2019 гг., включающие работу с экспертами, дипломатами, военными, политиками, сотрудниками ООН, представителями СМИ, интеллигенции и духовенством.

прерывание «джентельменского соглашения» с властями ИРП и создания института теневых губернаторов на территории Хайбар Пахтунхва, что стоит говорить об идеологическом обосновании в ближайшей перспективе лозунга об образовании нового государства «Пуштунистан». Кодекс чести «Пуштунвали», широко распространенный в обиходе пуштун северного Пакистана и Юга Афганистана, заменил не только исламские каноны жизни афганцев, но практикует миру новое видение «пуштунского ислама», вызывая острую реакцию не только у светских стран, но и в большинство мусульманских стран.

Трансформация талибан - 2.0 начинается с 2007 года, когда в его состав под различными мотивами появляются таджикский и узбекский сегменты, которые для внешней аудитории сломали в некоторой степени стереотипы моноэтнического характера движения.

Исторический экскурс в деятельности движения «Талибан» с момента его официального появления (сентябрь 1994) показывает, что оно государствами Центральной Азии рассматривался в качестве потенциального источника угрозы национальной безопасности. События августа 2021 года, связанные с захватом власти талибами в Кабуле, игнорирование духа Дохинского договора и попытки создания террористического государства доказывает пагубность распространения идеологии воинственного исламизма, достигшей негативные очертания и формы в афганском полиэтничном обществе. Опасность подобного стечения не соразмерных ситуации обстоятельств, вдвойне представляет угрозу национальной безопасности и устоям государств Центральной Азии. Потому что в эту организацию террористической направленности преимущественно вовлекаются представители пассионарной молодёжи, опирающихся в своей деятельности на радикальное мировоззрение.

Во второй декаде XXI века Афганистан превратился в центр внимания мирового сообщества, что обусловлено переломом в геополитической конфигурации не только региона, но и в попытке

строит новый мировой порядок с опорой отхода от биполярности к многополярности. Политические сделки мировых держав с привязкой к афганскому урегулированию, прежде всего США, не учли позиции официальных властей Кабула, не вняли заявлениям руководителей стран, вовлечённых прямо или опосредованно в афганский конфликт, заключили кабальный Дохинский договор в феврале 2020 года, который до прихода к власти наделил движение «Талибан» широкими властными полномочиями практически в 67 % сельской территории и периферии Афганистана. Руководители Афганистана, в особенности Ашраф Гани Ахмадзай, пуштун из племени гилзай, вели двойную игру в управлении страной. Продолжая политику Х. Карзая о смягчении борьбы против талибов, Гани в кадровой политике опирался на пуштунское меньшинство, которое симпатизировало талибам, считало их выразителями реанимации истинно власти антитезиса «пуштунского большинства». С другой стороны, с привлечением лидеров Северного альянса, в частности членов «Наблюдательного совета» Исламского общества Афганистана, выходцев из Панджшерского ущелья Кабульский режим не только внёс острые разногласия в ряды данной протаджикской партии, но практически разрушил 40-летнее единство военно-политических группировок Севера, превратив их в второстепенный субъект внутренней политики.

Анализ истории трансформации движения «Талибан» показывает, что движение в тандеме с международными террористическими организациями превратился в главную угрозу региональной безопасности стран Центральной Азии, привлекая ИДУ, «Ансорулло», ТТП, ИДВТ в процесс террористической деятельности с дальнейшим созданием этнических подразделений, таких как «Движение талибан Таджикистана», «Движение талибан Пакистана» и т.д. Таким образом, движение «Талибан» нарушает не только международное право, нормативные акты ООН, принцип неприкосновенности границ, регулирующие вопросы борьбы с терроризмом, но и практически создаёт

родоплеменное объединение террористической направленности на южных рубежах СНГ.

-На нынешнем этапе исторического развития мировое сообщество переживает не самые легкие времена. Процесс глобализации охватил практически все стороны нашей жизни. И некоторые государства пытаются использовать это обстоятельство в своих интересах. События последних лет в Афганистане, на Ближнем Востоке и в некоторых других регионах мира показывают, что роль терроризма, как одного из основных инструментов геополитических игр усиливается. Об этом свидетельствует легальная и нелегальная политическая, идеологическая, моральная и, самое главное, материально-финансовая поддержка экстремизма и терроризма со стороны отдельных государств.

-Рост террористической активности создает серьезную угрозу как стабильности отдельных стран и регионов, так и международной безопасности в целом. Это можно отметить на примере «Исламского государства», «Исламского движения Туркестана», движения «Талибан», «Исламского движения восточного Туркестана», Исламского эмирата Кыргызстана, «Партии исламского возрождения», «Ансоруллох» и других, которые активно вовлечены в театре военных действий на территории Афганистана.

-Опыт последних лет борьбы с международным терроризмом в Афганистане и на территории соседних государств показал, что самые интенсивные единичные действия не могут заменить эффективные политические решения. Для Таджикистана это имеет особое значение. Таджикистан, как и другие государства Центральной Азии, испытывает беспрецедентное давление на состояние своей безопасности, имея самую протяженную после Пакистана границу с Афганистаном – 1463 км и являясь «буферной зоной» южных границ СНГ и Европы.

-В настоящее время наблюдается целенаправленная передислокация в северные провинции Афганистана отрядов террористических организаций с целью перемещения театра военных действий с юга

Афганистана на север, что свидетельствует о сохранении сложной обстановки в среднесрочной перспективе, создавая собственные базы и плацдармы для ведения террористической деятельности в центрально-азиатском направлении. С учётом сложного рельефа местности, проникновение террористических групп через линию госграницы из Афганистана в Таджикистан и далее в другие страны ЦА мелкими группами реально.

-Необходимо помнить, что одним из факторов террористической угрозы для Таджикистана и стран региона является то, что среди контингента МТО много выходцев из стран СНГ, которые хорошо знают местность, местный менталитет, имеют своих единомышленников, перебрались в Афганистан, выросли там, обучались в теологических учебных заведениях, где со стороны иностранных инструкторов подверглись идеологической обработке, несовместимой со светским образом жизни. Насажденный фанатизм и слепая вера в священную войну против неверных делает их опасными как для общества, так и государства в целом.

С августа 2021 г. идеология талибизма трансформировалась в узкую шовинистическую субстанцию, узурпировавшую государственную систему с элементами племенной обособленности. Талибы-пуштуны, монополизируя власть, не делали никаких серьёзных попыток для того, чтобы скрыть тот факт, что они захватили власть для борьбы с таджиками, персоязычными и непустунскими народами, населяющими Афганистан, составляющими подавляющее большинство населения Афганистана.

По нашему мнению, продвижение в афганском направлении и намеченных в этой области планов зависит от нормализации военно-политической обстановки и обеспечения безопасности, а также решение возникших в Афганистане проблем, которое диктует необходимость формирования в стране инклюзивного правительства с участием всех этнополитических групп.

Таким образом, научная модель трансформации движения «Талибан» включает в себя: 1) идеологический аспект, согласно которой идеология деобандия включало в себя новые нетрадиционные для религиозной среды направления (салафия, тахририя, суфийские воинственные ордена); 2) фактор смены поколений руководящего состава ДТ, где практически разделил страну на сторонников старой гвардии - правителей Кабула и Кандагара; 3) родоплеменный аспект, при реанимации роли племени гилзаи, чьим представителям была передана власть в августе 2021 г. и дуррани, которые управляют страной из Кабула и преимущественно из Кандагара; 4) геополитическая конфигурация, в соответствии с ней, основные западные игроки в талибовском Афганистане вкупе со странами региона де-факто установили отношения различного уровня тональности с ДТ.

Создание механизмов дестабилизации и управляемого хаоса в Центральной Азии, основанных на использовании фактора политического исламизма, в определенный исторический период стало отвечать интересам различных внерегиональных геополитических центров сил. На территории государств данного региона извне интенсивно внедрялась идеология политического исламизма и создавалась соответствующая инфраструктура радикализации населения в виде разнообразных религиозно-экстремистских и террористических организаций. Сейчас практически в каждой из государств ЦА в большей или меньшей степени имеются «спящие ячейки» террористического подполья и социальная база для восприятия идеи радикализма.

Прогнозируется, что роль Республики Таджикистан, как договороспособного субъекта региональной политики с актуализацией водно-энергетической проблематики, географического расположения, наличия многомиллионной диаспоры в Афганистане, энергетического хаба, миротворческого опыта, единственной персоязычной страны со светской формы правления, культурно-гуманитарного и языкового

аспектов в качестве регионального лидера в Центральной Азии возрастает.

Афганистан в современных условиях превратился в дугу нестабильности, в источник перманентных кризисных проявлений в регионе, проигнорировав общепринятый тезис об окне возможностей ввиду его географического расположения, человеческого потенциала и транзитного коридора между Центральной и Южной Азией.

Представляется, что трансформация движения «Талибан» по состоянию на 2023г. охватывает сетевую модель геополитического дискурса, реанимация подполья на новых организованных началах ячеек международных террористических организаций, превращение в опасного прецедента в международном праве, где в угоду торгово-экономическим интересам, устанавливается де-факто отношения с организацией, деятельность которой как субъекта международного терроризма запрещена в государствах региона. В идеологическом плане движения «Талибан» трансформировалась из радикальной организации в выразителя чаяний пуштунского реваншистского образования без учёта интересов представителей других этнических групп, с вовлечением в орбиту региональных талибов (ТТП, ТТТ и т.д.).

Политическая эволюция руководства движения «Талибан» на нынешнем этапе не уместается в рамки параметров традиционного государства, вследствие чего в обозримой перспективе прогнозируется достижение регионального консенсуса, создание элементарных базовых основ госстроительства с учётом всех без исключения представителей этнических групп, обеспечивающие в совокупности политико-этническую инклюзивность.

Республика Таджикистан, находясь в Центральной Азии, занимающей обширное пространство евразийского континента, как и другие государства – самостоятельные субъекты международного права, подвержена «гибридным угрозам». Против неё также используются различные технологии «гибридных войн» со стороны мировых и

региональных держав, что обуславливает по мнению диссертанта, создание новых аналитических структур как в государственном, так и в частном секторе, целью которых должно быть повышение имиджа Таджикистана на мировом уровне, а также развенчивание «фейковой» пропаганды.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ

1. Автором диссертации сформулированы и классифицированы факторы и условия эффективной деятельности по противодействию террористической деятельности; обобщены и систематизированы теоретические положения относительно формирования и функционирования системы государственного управления в республике по пересечению влияния идеологии талибанизации. Превентивные меры по деталибанизации ситуации, как крайней формы радикализации, которые являются актуальными шагами для Центральной Азии, на наш взгляд должны включать: 1) в сфере обороны и безопасности; 2) в сфере внешней политики; в сфере науки и образования.

2. В таджикском, русском и персидском сегментах Интернета, а также СМИ принять превентивные меры предупреждающего характера по предотвращению влияния террористических групп, в особенности движения «Талибан» с целью нейтрализации талибовского видения мира, направленного на отрицание существующих государственных границ Центральной Азии.

3. В качестве дополнительной меры противодействия идеологии радикализма предлагается публикация очередного издания коллективной работы – методического пособия учёных НАНТ «Светское мировоззрение в таджикско-персидской литературе» и его перевод на русский язык и персидскую каллиграфию, раскрывающую секулярное начало актуального для нынешнего времени мировоззрения.

4. Принять меры направленные на повышение национального самосознания граждан, как единственной панацеи от идеологического

прессинга «Талибан»; популяризацию исторических личностей Абулкосим Фирдуоси, Абуали Сина (Авиценна), Джалолиддин Балхи, Абуабдулло Рудаки, Абдурахмон Джами, Абунаср Фараби, Закариё Рази, Омар Хайям, которые в своих произведениях продвигали науку и светское миропонимание, а также деятелей – таджиков Хорасана Робиа Балхи, Восиф Бохтари, Бурхониддин Раббони, Ахмадшох Масуда, Махмадвалихона Дарвози, Халилулло Халили, Рахнавард Зарёб, Ахмад Зохира и т.д.;

5. Осуществить необходимые меры для улучшения социально-экономического благосостояния населения, повышение навыков граждан для усвоения технологических знаний; повышение обороноспособности стран, направленное на воспитание конкурентоспособного в сегодняшних реалиях государства и гражданина; активизировать совместную деятельность в борьбе против международного терроризма и экстремизма, нелегального производства и контрабанды наркотических средств как источника финансирования этих явлений, преступных сообществ, действующих за пределами национальных границ, путем разработки и реализации согласованных мероприятий; расширить обмен информацией о различных аспектах деятельности террористических и радикальных организаций, преступных групп, готовящих акции террора и диверсий, проявлениях политического и религиозного экстремизма, лицах, скрывающихся от уголовного преследования.

6. Совершенствовать системы принятия решений ЦА, в первую очередь, за счет создания механизмов для решения вопросов обмена оперативной информацией между странами; создать потенциал и средства, предназначенные для решения задач в постконфликтный период (поддержание правопорядка, оказание помощи местным органам власти в формировании и проведение гуманитарных операций и др.).

7. С позиций Национальной академии наук, Министерства образования и науки, различных общественных организаций продолжать проведение научных исследований, конференции, круглые

столы. Изучать мировой опыт противодействия терроризму и вносить конкретные предложения по предотвращению распространения этого явления в ЦА.

8. Опыт пребывания ОКСВ и НАТО в Афганистане доказал, что военный инструментарий изжил себя на данном этапе, Таджикистану и новым независимым государствам Центральной Азии необходимо создать Концепцию защиты основ светской формы государств в период жёсткой матрицы геополитического противостояния.

9. Принимая во внимание, что трансформация движения «Талибан» из локальной террористической структуры в полноправное государственное племенное образование и деятельности МТО и неоднозначности перспектив дальнейшего развития ситуации в названном сопредельном государстве, необходимо зондировать состояние интеграционных и геополитических процессов в Центрально-азиатском регионе, определить формат участия и роль каждой страны в активизации этих процессов в русле их направленности на обеспечение безопасности и социально-экономического развития региона с учётом афганского фактора.

10. Новые независимые государства Центральной Азии с учётом афганского фактора нуждаются в разработке Новой стратегии по Афганистану.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые документы Республики Таджикистан

[1]. Конституция Республики Таджикистан [Текст]. – Душанбе, 1994. – 32 с.

[2]. Концепция внешней политики Республики Таджикистан №332 от 27 января 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (Дата публикации 27 января 2015).

Юридически-правовые документы, отражающие взаимоотношения РТ и ИРА (ИГА)

[3]. Соглашение между Правительством РТ и Правительством ИРА о научно-техническом сотрудничестве. 22.12.1993, г. Душанбе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.anrt.tj (Дата публикации 12.07.2017).

[4]. Соглашения между СССР и Афганистаном от 13.06.1946 и 16.06.1981 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mfa.tj (Дата публикации: 01.03.2013).

[5]. Соглашение о государственной границе между РТ и ИРА от 22.12.1993 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mfa.tj (Дата публикации: 01.03.2013).

[6]. Меморандум между Академией наук РТ и Академией наук ИРА. 03.05.2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.anrt.tj (Дата публикации 15.09.2007).

Книги, выступления, доклады, послания Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона

[7]. Выступление на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 29.09.1993 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tj/ru/node/1091>

[8]. Выступление на конференции регионального экономического сотрудничества по Афганистану (RECCA V) от 26.03.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tj/ru/node/863>

[9]. Выступление на Международной конференции высокого уровня на тему «Международное и региональное сотрудничество в области безопасности границ и пограничного контроля для борьбы с терроризмом и предотвращения передвижения террористов». 18.10.2022, г. Душанбе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tj/ru/node/29344>.

[10]. Выступление на расширенном заседании Совета глав государств-членов ШОС. Дата публикации 15.06.2011, Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tj/ru/node/1269>.

[11]. Выступление на Саммите ОБСЕ от 02.12.2010, Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tj/ru/node/2282>.

[12]. Выступление на церемонии открытия межгосударственного моста между Республикой Таджикистан и Республикой Афганистан в Ванчском районе от 16.08.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tj/ru/node/1204>.

[13]. Раҳмон, Э. Ваҳдат ва раванди гуфтугӯи тамаддунҳо [Матн] / Э. Раҳмон. – Душанбе: Адиб, 2015. – 464 с.

[14]. Раҳмон, Э. Забони миллат – ҳастии миллат [Матн] / Э. Раҳмон. – Душанбе, 2016. – К.1. – 491 с.

[15]. Раҳмон, Э. Истиқлолияти Тоҷикистон ва эҳёи миллат [Матн] / Э. Раҳмон. – Душанбе: Ирфон, 2006. – Ҷ.6. – 544 с.

[16]. Раҳмон, Э. Истиқлолияти Тоҷикистон ва эҳёи миллат [Матн] / Э. Раҳмон. – Душанбе, 2007. – Ҷ.7. – 480 с.

[17]. Раҳмон, Э. Тоҷикон дар оинаи таърих. Аз Ориён то Сомониён [Матн] / Э. Раҳмон. – нашри дуввум. – Душанбе: Ирфон, 2020. – 239 с.

[18]. Раҳмон, Э. Чехраҳои мондагор [Матн] / Э. Раҳмон. – Душанбе: ЭР-граф, 2016. – 364 с.

[19]. Раҳмонов, Э. Истиқлолият неъмат бабахост [Матн] / Э. Раҳмонов. – Душанбе: Адиб, 2001. – 114 с.

**Документальные материалы непризнанного
правительства «Талибан»**

[20]. «Лаиха». Кодекс поведения муджахедов-талибов // International Review of the Red Cross, Geneva, Switzerland. – 2011. – vol.93. – №881. – March. – P.81-120.

[21]. Конституция Исламского Эмирата Афганистана [Текст] // Белокреницкий В., Сикоев Р. Движение «Талибан» и перспективы Афганистана и Пакистана. – М.: ИВ РАН, 2014. – С.200-212. (перевод с языка дари).

[22]. Шариатское указание о применении косметики и украшений. – М.: ИВ РАН, 2014. – С.218.

[23]. Указ ДТ за №980 от 94.05.1998 г. об образовании Амр бил маъруф нахй ваз мункар // Анис. – 1998. – 26 май.

[24]. Хаккани, Х. Джонбеше талибан: ташкелот, дедгахха ва вежагеха [Текст] / Х. Хаккани // Сирадж. – 1999. – №18.

Научная литература на таджикском и русском языках

[25]. Абдуллаев, К. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века [Текст] / К. Абдуллаев; ред. Д. Маннов. – Душанбе: Ирфон, 2009. – 588 с.

[26]. Абдучабборов, А. Сабакҳои Устод Иброҳим Усмонов [Матн] / А. Абдучабборов. – Душанбе, 2019. – 160 с.

[27]. Акимбеков, С. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии [Текст] / С. Акимбеков. – Алматы, 2003. – 400 с.

[28]. Алексеенков, П. Аграрный вопрос в афганском Туркестане [Текст] / П. Алексеенков. – М., 1933. – 110 с.

[29]. Асозода, Х. Адабиёти форсӣ ва се шоҳаи он [Матн] / Х. Асозода. – Душанбе, 1991. – 128 с.

[30]. Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева [Текст]. – М.: Военный университет, 2003. – 895 с.

[31]. Белокреницкий, В.Я. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана [Текст] / В.Я. Белокреницкий, Р.Р. Сикоев. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 215 с.

[32]. Бобохонов, М. История таджиков мира [Текст] / М. Бобохонов. – Душанбе, 1999. – 471 с.

[33]. Бойко, В.С. Мировая афганистика между наукой и политикой: проблемы истории и модернизации в XX – начале XXI вв. [Текст] / В.С. Бойко. – Барнаул, 2016. – 491 с.

[34]. Болдырев, А.Н. Зайниддин Восифи [Текст] / А.Н. Болдырев. – Сталинабад. – 1957. – 353 с.

[35]. Гафуров, Б.Г. История таджикского народа в кратком изложении [Текст] / Б.Г. Гафуров. – М.: Госполитиздат, 1949. – Т.1. – 475 с.

[36]. Гафуров, Б.Г. История таджикского народа в кратком изложении [Текст] / Б.Г. Гафуров. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Госполитиздат, 1952. – Т.1. – 504 с.

[37]. Гафуров, Б.Г. История таджикского народа в кратком изложении [Текст] / Б.Г. Гафуров. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т.1. – 544 с.

[38]. Гафуров, Б.Г. Кушанская эпоха и мировая цивилизация [Текст] / Б.Г. Гафуров. – М., 1968. – 19 с.

[39]. Гульджанов, М. Положение духовенства и модернизация ислама в монархическом Афганистане [Текст]. /М. Гульджанов, – Душанбе, 2015. – 220 с.;

[40]. Гафуров, Б. Тоҷикон: таърихи қадимтарин, қадим, асрҳои миёна ва давраи нав [Матн] / Б. Гафуров. – Душанбе, 2020. – 976 с.

[41]. Давлатов, Р.М. Афғонистон дар сиёсати хориҷии Эрон [Матн] / Р.М. Давлатов. – Душанбе, 2020. – 228 с.

[42]. Доварӣ, Ғ.Ҷ. Таҳлили забонӣ ва таърихии вожаи «тоҷик» бар мабноси осори кашфшуда [Матн] / Ғ.Ҷ. Доварӣ. – Душанбе, 2021. – 198 с.

[43]. Дубовицкий, В.В. Таджики и таджикистанцы за рубежом [Текст] / В.В. Дубовицкий, Д.Х. Назриев. – Душанбе: Ирфон, 2012. – 256 с.

[44]. Ёддоштҳои Халилуллоҳ Халилӣ [Матн]: роҷеъ ба ҳаёту фаъолияти шоири бузурги қарни XX Афғонистон Х. Халилӣ ва вазъияти Афғонистони

карни гузашта / зери назари Қ. Искандаров; баргардон ва таҳияи Б. Мирзоев; мух. Р. Давлатов. – Душанбе: Сайрон, 2020. – 460 с.

[45]. Иброхимова, Г. Историческая ретроспекция: актуальные вопросы истории Афганистана в изложении Маунстюарта Эльфинстона [Текст] / Г. Иброхимова; под общ. ред. Х. Самиева. – Душанбе: Истеъдод, 2011. – 208 с.

[46]. Имом, Ш. Нигоҳе ба таърихи тоҷикони Афғонистон дар нимаи дуҷуми қарни XIX ва қарни XX [Матн] / Ш. Имом. – Душанбе, 2013. – 268 с.

[47]. Искандаров, К. Афганистан в начале XXI века [Текст] / К. Искандаров. – Душанбе: Дониш, 2010. – 236 с.

[48]. Искандаров, К. Афганистан в период правительства национального единства. Политические процессы и проблем безопасности [Текст] / К. Искандаров. – Душанбе, 2021. – 352 с.

[49]. Искандаров, К. Общественно-политические движения в Афганистане: 1945-2001 гг. [Текст] / К. Искандаров. – Душанбе, 2004. – 381 с.

[50]. Искандаров, Қ. Ақидаҳои дунявӣ дар адабиёти классикии тоҷику форс [Матн] / Қ. Искандаров, Р. Давлатов, Ҷ. Саидзода, Б. Забехулло ва диг. – Душанбе: Дониш, 2022. – 256 с.

[51]. Искандаров, Қ. Афғонистон дар ибтидои қарни XXI [Матн] / Қ. Искандаров. – Душанбе: Дониш, 2010. – 236 с.

[52]. Искандаров, Қ. Афғонистони имрӯз [Матн]: омилҳои дохилӣ ва хориҷии ҷангу сулҳ / Қ. Искандаров, Р. Давлатов, Р. Абдуллоев; зери назари Қ. Искандаров; мух. Б. Мирзоев. – Душанбе: Дониш, 2018. – 219 с.

[53]. Князев, А. Наследие советской системы безопасности: «изоляция» Афганистана в 90-е [Электронный ресурс] / А. Князев. – Режим доступа: <https://ia-centr.ru/experts/aleksandr-knyazev/afganskaya-politika-stran-tsentralnoy-azii-retrospektiva-i-sovremennye-paradigmy/>.

[54]. Комков, А.М. Словарь географических названий зарубежных стран [Текст] / А.М. Комков. – М., 1986. – 459 с.

[55]. Коргун, В.Г. История Афганистана XX века [Текст] / В.Г. Коргун. – М., 2004. – 525 с.

[56]. Кудратов, К.А. Влияние афганского конфликта на национальную безопасность Республики Таджикистан (1991-2014 гг.) [Текст] / К.А. Кудратов. – Душанбе, 2017. – 216 с.

[57]. Кучерова, Л. КГБ в Афганистане [Текст] / Л. Кучерова. – М., 2017. – 381 с.

[58]. Латифов Дж. Афганистан: семена надежды (Урегулирование политической ситуации, укрепление государственных основ и проблемы постконфликтного Афганистана / Дж. Латифов. - Душанбе. 2006.

[59]. Майтдинова, Г.М. Проекты интеграции Центральной Азии и экономический пояс Шелкового пути: инструменты реализации и перспективы [Текст] / Г.М. Майтдинова. – Душанбе, 2020. – 73 с.

[60]. Майтдинова, Г.М. Таджикистан в геополитической структуре Центральной Евразии в середине второго десятилетия XXI века [Текст]: монография / Г.М. Майтдинова. – Душанбе, 2020. – 455 с.

[61]. Мирзоев, Н.М. Робитаҳои Тоҷикистон ва Афғонистон [Матн] / Н.М. Мирзоев. – Душанбе: ДМТ, 1997. – 350 с.

[62]. Мирзорахматов, С. Афганский синдром [Текст] / С. Мирзорахматов, Б. Хамдамов. – Худжанд: Ношир, 2022. – 83 с.

[63]. Муродӣ, С. Ташаккули маданӣ ва фарҳангии Кобул дар гузаргоҳи таърих [Матн] / С. Муродӣ. – Душанбе, 2000. – 198 с.

[64]. Мухторов, А. Позднесредневековый Балх [Текст]: материалы к исторической топографии города в XVI-XVIII вв. / А. Мухторов. – Душанбе: Дониш, 1980. – 125 с.

[65]. Назаров, Ҳ. Мақоми тоҷикон дар таърихи Афғонистон [Матн] / Ҳ. Назаров. – Душанбе: Дониш, 1998. – 656 с.

[66]. Национальные стратегии новых государств Центральной Азии в XXI веке: приоритеты, механизмы, реализации, международное

сотрудничество [Текст]: международная научная конференция 29 марта 2019 г. / от. ред. Г.М. Майтдинова. – Душанбе: РТСУ, 2019. – 256 с.

[67]. Негматов, Н.Н. Государство Саманидов [Текст] / Н.Н. Негматов. – Душанбе, 1977. – 280 с.

[68]. Нуриддинов, Р. Иде́йная борьба лево-демократических и право-исламистских сил в Афганистане во второй половине XX века [Текст] / Р. Нуриддинов. – Душанбе: Ватанпарвар, 2003. – 371 с.

[69]. Пластун, В. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики [Текст] / В. Пластун, В. Андрианов. – М., 1998. – 240 с.

[70]. Постников, А.В. Схватка на Крыше мира (Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке) [Текст] / А.В. Постников. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 412 с.

[71]. Радугин, А.А. Введение в религиоведение: теория, история и современные религии: курс лекций [Текст] / А.А. Радугин. – М., 2000. – 238с.

[72]. Расулиён, Қ. Кишварҳои ҷаҳон [Матн] / Қ. Расулиён. – Душанбе: Ирфон, 2001. – 311 с.

[73]. Раҳимзода, Р.Ҷ. Афғонистон: воқеият ва таҳлилҳо [Матн] / Р.Ҷ. Раҳимзода. – Душанбе, 2022. – 378 с.

[74]. Раҳнамо А. Афғонистон ва Осиёи Марказӣ: хусусиятҳо ва дурнамои таъсирпазирӣ / А.Раҳнамо.-Душанбе: 2015.- 380с.

[75]. Регистонӣ, С. Масъуд ва мубориза [Матн] / С. Регистонӣ. – Душанбе, 2023. – 243 с.

[76]. Рейснер, И.М. Афганистан [Текст] / И.М. Рейснер. – М., 1929. – 267 с.

[77]. Рейснер, И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев [Текст] / И.М. Рейснер. – М., 1954. – 416 с.

[78]. Ризоён, Ш. Афганистан: до и после возвращения талибан [Текст] / Ш. Ризоён, М. Гиёсов. – Душанбе, 2023. – 508 с.

[79]. Саидов, Х.С. Евреи и пуштуны Афганистана [Текст] / Х.С. Саидов. – Душанбе, 2015. – 460 с.

[80]. Саидов, Х.С. Пуштуны (Проблемы этнокультурной идентификации): этногенез, политическое сознание, морально-духовные ценности и социально-бытовые традиции [Текст] / Х.С. Саидов. – Душанбе: ЭР-граф, 2022. – 343 с.

[81]. Салимов, Н. Тоҷики оламшумул [Матн] / Н. Салимов, А. Шарифзода. – Душанбе, 2011. – 372 с.

[82]. Сангинов, Н.Н. «Гибридные войны» – реальность современного мира [Текст] / Н.Н. Сангинов. – Душанбе: Дониш, 2023. – 227 с.

[83]. Сангинов, Н.Н. Центральная Азия в условиях трансформирующей системы международных отношений [Текст] / Н.Н. Сангинов. – Душанбе, 2023. – 144 с.

[84]. Сикоев, Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет [Текст] / Р.Р. Сикоев. – М., 2004. – 256 с.

[85]. Снегирев, В. Узник Серебряного бора [Текст] / В. Снегирев // Огонёк. – М., 2001. – 28 октября.

[86]. Снесарев, А.Е. Афганистан [Текст] / А.Е. Снесарев. – М., 2002. – 375 с.

[87]. Сухомлинов, В. Дорога к согласию (Эмомали Рахмон – человек и политик) [Текст] / В. Сухомлинов, Г. Шалаев. – М., 2002. – 160 с.

[88]. Тоҷикон дар қаламрави Ориёно [Матн] / Гирдоварӣ ва пажӯҳиши М. Шукурзода. – Душанбе: Деваштич, 2007. – 478 с.

[89]. Умарзода, И. 5000 лет – забытая история, как таджикского народа, так и всех народов Европы [Текст] / И. Умарзода. – Душанбе, 2011. – 656 с.

[90]. Усмонов, И. Таджикнаме [Текст] / И. Усмонов. – Душанбе, 2018. – Т.3. – 254 с.

[90]. Харпвикен, К.Б., Таджбахш, Ш. Меж огней. Афганистан – арена региональной небезопасности [Текст] / Ш. Таджбахш. – М., 2015. – 6 с.

[92]. Ханыков, Н.В. Экспедиция в Хорасан [Текст] / Н.В. Ханыков. – М., 1973. – 215 с.

[93]. Шарифов, Ҳ. Точикони бурунмарзӣ [Матн] / Ҳ. Шарифов. – Худжанд, 1996. – 302 с.

[94]. Энциклопедия Пакистана [Текст]. – М., 1998. – 639 с.

[95]. Юдин, В.П. Центральная Азия в XIV-XVIII глазами востоковеда [Текст] / В.П. Юдин. – Алмата, 2001. – 380 с.

[96]. Ятимов, С.С. Илм ва амният [Матн] / С.С. Ятимов. – Душанбе: Ганҷ, 2019. – 192 с.; Столица государства и независимость нации [Текст] / С. Ятимов // Роль Э.Рахмона в развитии цивилизации таджикского народа. – Худжанд. – 2022. – С.8.

[97]. Ятимов, С. Классический элемент в исследовании проблем мировоззрения геополитики регионального и глобального развития [Текст] / С. Ятимов // -Худжанд, 2020. – 288 с.

Научная литература на персидском языке

[98]. Абдурахмон, А. Тоҷ-ут-таворих [Матн] / А. Абдурахмон. – Лондон, 1900. – 554 с.

[99]. Баҳо, С. Раҳо дар бод (Худзиндагиномаи навишт дар партави таърихӣ-сиёсии рабъи (чоряк)-и ахири қарни XX Афғонистон) [Матн] / С. Баҳо. – Вашингтон, 2012. – 874 с.

[100]. Беги, А. Афғонистон баъд аз пирӯзии инқилоби исломӣ то сукути шимол ба дасти толибон [Матн] / А. Беги. – Кобул, 2002. – 409 с.

[101]. Губор, М. Афганистан дар масире тарих [Матн] / М. Губор. – Виржиния, 1999. – Т.2. – 852 с.

[102]. Губор, М. Чуғрофиёи таърихии Афғонистон [Матн] / М. Губор. – Кобул, 2005. – 329 с.

[103]. Дурандеш, Л.М. Толибон ва ақлонияти сиёсӣ [Матн] / М. Дурандеш. – Кобул, 2017. – 150 с.

[104]. Жубал, М.Ҳ. Таърихи адабиёти Афғонистон [Матн] / М.Ҳ. Жубал. – Пешовар, 2010. – 303 с.

[105]. Козим, А. Афғонистон дар тилисми доираи шайтони мусибат[Матн] / А. Козим. – Пешовар, 1997. – 97 с.

- [106]. Комгор, Ҷ. Хронологии ҳаводиси таърихии Афғонистон [Матн] / Ҷ. Комгор. – Кобул, 2006. – 435 с.
- [107]. Котиб, Ф.М. Сироч-ут-таворих [Матн] / Ф.М. Котиб. – Кобул, 1948. – 196 с.
- [108]. Кул, С. Ҷанги ашбоҳ [Матн] / С. Кул. – Кобул, 2015. – 820 с.
- [109]. Маъмун, Р. Масъуд дар набарди истихборотӣ [Матн] / Р. Маъмун. – Кобул, 2008. – 136 с.
- [110]. Маъмун, Р. Нигоҳи махфӣ [Матн]: ҷилди дуввуми ёддоштҳои сиёсӣ / Р. Маъмун. – Кобул, 2009. – 297 с.
- [111]. Маъмун, Р. Радди пойи Фиръавн [Матн] / Р. Маъмун. – Кобул, 2017. – 249 с.
- [112]. Мужда, В. Афғонистон ва панҷ соли султаи толибон [Матн] / В. Мужда. – Кобул, 2014. – 201 с.
- [113]. Муродӣ, С. Афғонистон дар садаи бистум: аз Абдурахмонхон то Карзай [Матн] / С. Муродӣ. – Кобул: Интишороти Саид, 1394. – 768 с.
- [114]. Муродӣ, С. Афғонистон ҷуғрофиёи бӯхрон [Матн] / С. Муродӣ. – Кобул: Интишороти Саид, 1390. – 364 с.
- [115]. Муродӣ, С. Аҳмадшоҳ Масъуд ва таҳаввулоти даҳаи ҳаштод дар Афғонистон [Матн] / С. Муродӣ. – Кобул, 2006. – 289 с.
- [116]. Муродӣ, С. Сайри тафаккури миллӣ дар Афғонистон [Матн] / С. Муродӣ. – Кобул: Матбааи Афғон, 1389. – 282 с.
- [117]. Муродӣ С. Тоҷикони Хуросон [Матн] \ С.Муродӣ. -Торонто, 2024. - 2140с.
- [118]. Муҳаммадӣ, Ғ.М. Паштунхоҳӣ – омили табоҳии Афғонистон [Матн] / Ғ.М. Муҳаммадӣ. – Лондон, 2023. – 352 с.
- [119]. Мушарраф, П. Дар хати оташ [Матн] / П. Мушарраф; тарҷумаи С. Ҳорун Юнусӣ ба забони дарӣ. – Кобул, 2007. – 530 с.
- [120]. Ориёнфар, А. Афғонистон ба кучо меравад? [Матн] / А. Ориёнфар. – Кобул, 2002. – 519 с.

- [121]. Ориёнфар, А. Чанг дар Афғонистон [Матн] / А. Ориёнфар; тарҷума. – М., 1991. – 343 с.
- [122]. Ориёнфар, Ш. Маршали Афғонистон: Парчамдори озодӣ ва хамдигарпазирӣ [Матн] / Ш. Ориёнфар. – Кобул, 2017. – 229 с.
- [123]. Паҳлавон, Ч. Афғонистон: асли муҷоҳидин ва баромади Толибон [Матн] / Ч. Паҳлавон. – Кобул, 2015. – 592 с.
- [124]. Регистонӣ, М.С. Аҳмадшоҳ Масъуд ва озодӣ [Матн] / С. Регистонӣ. – Кобул, 2003. – 192 с.
- [125]. Сайкс, П. Таърихи Афғонистон [Матн] / П. Сайкс; тарҷумаи А. Фаной. – Кобул, 1382. – 212 с.
- [126]. Сентливерс, П. Нақшаи ҷадидаи қавмии Афғонистон [Матн] / П. Сентливерс // Афғонистон, ақвом, кӯчиён. – Техрон, 2002. – 202 с.
- [127]. Сино, Ҷ.Д. Нақш ва мақоми равшанфикр дар ҷомеа (ҷойгоҳи равшанфикрон дар Афғонистон дар пойдори сулҳ) [Матн] / Ҷ.Д. Сино. – Душанбе, 2004. – 404 с.
- [128]. Сино, Ҷ.Д. Равшанфикрӣ дар ҷомеаи Афғонистон [Матн] / Ҷ.Д. Сино. – Душанбе, 2001. – 231 с.
- [129]. Самсур, А. Сақовии дувум [Матн] / А. Самсур. – Кобул, 1999. – 164 с.
- [130]. Спанто, Д.Р. Сиёсати Афғонистон: ривояте аз дарун [Матн] / Д.Р. Спанто. – Кобул, 2017. – Ҷ.1. – 953 с.
- [131]. Спанто, Д.Р. Сиёсати Афғонистон: ривояте аз дарун [Матн] / Д.Р. Спанто. – Кобул, 2018. – Ҷ.2. – 223 с.
- [132]. Танин, З. Афғонистон дар қарни бистум 1900-1996 [Матн] / З. Танин. – Техрон, 2006. – 530 с.
- [133]. Фаррух, М.С. Таърихи сиёсии Афғонистон [Матн] / М.С. Фаррух. – Қум.: Исмоилиён, 1372. – 582 с.
- [134]. Фарҳанг, М.С. Афғонистон дар панҷи қарни ахир [Матн] / М.С. Фарҳанг. – Техрон, 2005. – 1328 с.

[135]. Халилӣ, Х. Айёре аз Хуросон [Матн] / Х. Халилӣ; бо муқаддимаи Восифи Бохтарӣ. – Кобул, 2014. – 141 с.

[136]. Ҳошимӣ, С.С. Ҷунбиши машрутахоҳӣ дар Афғонистон (дар рубъи аввали қарни бистум) [Матн]: иборат аз 2 ҷилд / С.С. Ҳошимӣ. – Кобул: Интишороти Майванд, 2007. – 382 с.

[137]. Шарон, Т. Аз даруни Афғонистон, шабакаҳои сиёсӣ, низоми ғайрирасмӣ ва барҳамзании давлат [Матн] / Т. Шарон. – Ротлич, 2022. – 352 с.

[138]. Шарон, Т. Давлати шабакавӣ: робитаи қудрат ва сарват дар Афғонистон пас аз соли 2001 [Матн] / Т. Шарон. – Кобул, 2021. – 248 с.

[139]. Шерзод, А. Афғонистон дар пушти ниқоб [Матн] / А. Шерзод. – Кобул, 2018. – 196 с.

[140]. Элфинстон, М.С. Афғонон: чой, фарҳанг, наҷод //Гузориши салтанати Кобул// [Матн]: / М. Элфинстон. – Машҳад, 1997. - 662 с.

[141]. Ямин, М.Ҳ. Афғонистони таърихӣ (фалсафа, номгузориҳои шаҳрҳо, шаҳракҳо, кӯҳҳо, ва дарёҳо) [Матн] / М.Ҳ. Ямин. – Кобул, 2001. – 311 с.

Автореферат и диссертации

[142]. Абилов, С.А. Низоъҳои минтақавӣ ва хусусиятҳои он дар раванди дигаргуниҳои ҷомеа (Таҷрибаи Тоҷикистон) [Матн]: дисс... ном. илмҳои сиёсӣ / Абилов Собирҷон Абдурахимович. – Душанбе, 2019. – 154 с.

[143]. Амиршоев, Н.К. Государство Куртов Герата (1245-1381): На основе "Тарих-нама-и Хирот" Сайфи Хирави и других персидских письменных источников [Текст]: автореф. дисс... канд. истор. наук: 07.00.09 / Амиршоев Нурмухаммад Курбонович. – Душанбе, 1996. – 25 с.

[144]. Ахрамович, Р.Т. Проблема неафганских народностей в Афганистане [Текст]: дисс... канд. истор. наук / Ахрамович Роман Тимофеевич. – М., 1953. – 353 с.

[145]. Давлатов, Р. Ташаккул ва рушди муносибатҳои ҚИА ва ҚИЭ: 1992-2014 [Матн]: дисс... ном. илмҳои таърих / Давлатов. – Душанбе, 2019. – 204 с.

[146]. Искандаров, К. Молодёжное движение в Афганистане 1945-1988 гг. [Текст]: дис... канд. истор. наук / Искандаров Косимшо. – Душанбе, 1989. – 200 с.

[147]. Қодиров, Д.С. Саҳми Ҳакназар Назаров дар омӯзиши таърих ва фарҳанги Афғонистон [Матн]: дисс... ном. илмҳои таърих / Қодиров Довар Саидаллоевич. – Душанбе, 2020. – 197 с.

[148]. Лавров, А.Ю. Религиозно-политические организации в Афганистане во второй половине XX - начале XXI [Текст]: дисс... канд. истор. наук / Лавров Антон Юрьевич. – М., 2008. – 256 с.

[149]. Махмадшоев, Р.Р. Процессы этнополитического и социокультурного развития таджиков Афганистана (середина XVII – начало XX вв.) [Текст]: дисс... канд. истор. наук: 07.00.03 / Махмадшоев Рахматшо Рахматшо. – М., 2011. – 345 с.

[150]. Назаров, Н.Дж. Из истории культурных связей Советского Таджикистана с Афганистаном (1945-1988) [Текст]: дисс... канд. полит. наук / Назаров Носир Джобирович. – Душанбе, 2005. – 193 с.

[151]. Назаров, Х. Народные и просветительско-антифеодалные движения в Афганистане (конец XIX и начала XX веков) [Текст]: автореф. дисс... д-ра истор. наук / Назаров Хакназар Назарович. – Душанбе, 1976. – 36 с.

[152]. Назаров, Х. Очерк по истории Кухистана во второй половине XIX и начале XX вв. [Текст]: дисс... канд. истор. наук / Назаров Хакназар Назарович. – Сталинабад, 1957. – 246 с.

[153]. Назиров, Д. Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления [Текст]: дисс... д-ра полит. наук / Назиров Давлятходжа. – Душанбе, 2009. – 347 с.

[154]. Назиров, Д. Религиозно-политический экстремизм и терроризм в Центральной Азии [Текст]: дисс... канд. полит. наук / Назиров Давлятходжа. – Душанбе, 2005. – 156 с.

[155]. Назиров, Н.Д. Проблемы политического ислама и конфликты в государствах Центральной Азии [Текст]: дисс... канд. полит. наук / Назиров Назир Давлятходжаевич. – Душанбе, 2017. – 157 с.

[156]. Негматов, Д.Н. Инъикоси таърихи Бухоро ва Афғонистони нимаи аввали асри XIX дар асари "Саёҳат ба Бухоро"-и Александр Бёрнс [Матн]: дисс... ном. илмҳои таърих / Негматов Давлатшо Нурулоевич. – Душанбе, 2018. – 153 с.

[157]. Норматов, С. Очерк афганского фольклора на языке дари [Текст]: дисс... канд. филол. наук / Норматов Сангин. – Душанбе, 1970. – 268 с.

[158]. Раджабов, Н.С. Исламофобия в западной Европе и её влияние на политические процессы в Центральной Азии [Текст]: дисс... канд. полит. наук / Раджабов Наджиб Саитумбарович. – Душанбе, 2016. – 146 с.

[159]. Рахматов, И. "Зафар-нома-йи Хусрави" как источник по истории Средней Азии и Афганистана [Текст]: дисс... канд. истор. наук / Рахматов Исмоил. – Душанбе, 1988. – 160 с.

[160]. Ризоён, Ш.Ш. Национальные интересы во внешней политике Республики Таджикистан: структура и специфика [Текст]: дисс... канд. полит. наук / Ризоён Шерали Шукруллозода. – Душанбе, 2017. – 185 с.

[161]. Саид Хумаюн, Ш.С. История взаимосвязей Средней Азии и Афганистана в строительной культуре (на примере традиционного жилища) [Текст]: дисс... канд. истор. наук / Сайид Хумаюн Шах Сайид Акбаршах. – Душанбе, 2016. – 174 с.

[162]. Сафолзода, М. Вклад Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в поисках путей решения проблемы Афганистана и развития таджикско-афганских отношений [Текст]: дисс... д-ра истор. наук / Сафолзода Мухаммади Курбона. – Душанбе, 2022. – 501 с.

[163]. Саъдуллоев, А.Х. Рақобатҳои кудратҳои байналмилалӣ дар Осиёи Марказӣ: заминаҳо ва дурнамоҳо [Матн]: автореф. дисс... д-ри фалсафа (PhD) аз рӯи ихтисоси сиёсатшиносӣ / Саъдуллоев Абдулвосит Ҳабибуллоевич. – Душанбе, 2022. – 171 с.

[164]. Смагулов, А.Д. Влияние афганского вооружённого противостояния на политическую и экономическую ситуацию в Средней Азии и Казахстана [Текст]: дисс... канд. истор. наук / Смагулов Агыбай Дынкенович. – Душанбе, 2013. – 186 с.

[165]. Тадаёнруди, Ф.М. Освещение исторической географии куртского государства в письменных источниках XIII - XIV вв. [Текст]: дисс... канд. истор. наук / Тадаёнруди Фапуг Мохаммадайюб. – Душанбе, 2016. – 160 с.

[166]. Трештвол, М. Вазъияти сиёсӣ ва фаъолияти ҳизбҳои сиёсӣ дар Ҷумҳурии Ислонии Афғонистон [Матн]: дисс... ном. илмҳои сиёсӣ / Трештвол, М. – Душанбе, 2019. – 175 с.

[167]. Фаҳим, К. Нақши созмонҳои байналмилалӣ дар рушди маорифи Афғонистон (2001-2016) [Матн]: дисс... д-ри фалсафа (Ph.D) аз рӯи ихтисоси таърихи умумӣ / Фаҳим Кушо. – Душанбе, 2022. – 202 с.

[168]. Ҳашматулло, У. Саҳми бостоншиносони хориҷӣ дар омӯзиши ёдгориҳои бостонии Афғонистон (1919-2019) [Матн]: дисс... д-ри фалсафа (Ph.d) / Ҳашматулло Умед. – Душанбе, 2022. – 160 с.

[169]. Шарифов, Р.Я. История современного образования Афганистана (1919-1978 гг.) [Текст]: дисс... д-ра истор. наук / Шарифов Рахмонали Ятимович. – Душанбе, 2018. – 338 с.

[170]. Ямо, Ш. Табиати низоъҳои иҷтимоӣ сиёсӣ ва хусусияти бевоситаи онҳо дар Афғонистон дар шароити тағйирёбии вазъи геополитикии ҷаҳон [Матн]: дисс... ном. илмҳои сиёсӣ / Ш. Ямо. – Душанбе, 2022. – 179 с.

Электронные ресурсы

[171]. Ахунзаде, О.Х. Потерянные таджики Пакистана [Электронный ресурс] / О.Х. Ахунзаде. – Режим доступа: Asia-Plus (дата обращения: 16.09.2017 г.).

[172]. Багабан, Э. Таджикистан – Иран – Афганистан. Персоязычный союз в действии [Электронный ресурс] / Э. Багабан. – Режим доступа: www.centrasia.ru/newsA.php?st=1333472460 (дата обращения: 03.04.2012 г.).

[173]. Бахрами, М.Р. В текущем году талибов ждут 3 кризиса. [Электронный ресурс] / М.Р. Бахрами. – Режим доступа: www.sputnikaf (дата обращения: 30.04.2023 г.).

[174]. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.wikipedia.org (дата обращения: 23 февраля, 16 марта 2023 г.).

[175]. Вохӯрии Сафири Тоҷикистон бо тоҷикони бумии Покистон [Манобеи электронӣ]. – Низоми дастрасӣ: www.mfa.tj. (Санай рӯчуъ: 26.02.2023).

[176]. Гани А.: Я передал весь Афганистан его истинным хозяевам, талибам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spnfa.ir/amp/20210902> (дата обращения: 02.09.2021 г.).

[177]. Добаев, И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика НПРО третьего поколения [Электронный ресурс] / И.П. Добаев. – Режим доступа: society.polbu.ru/dobaev_politinstututes/ch07_all.html (дата обращения: 16.03.2023 г.).

[178]. Заявление для прессы от 25.10.2010, Афганистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tj/ru/node/2328>

[179]. Заявление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона для прессы по итогам саммита ШОС от 13.09.2013, Кыргызстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tj/ru/node/5114>

[180]. Искандаров, К. Гуманитарная ситуация и проблемы безопасности в Афганистане после прихода талибов к власти: взгляд из Таджикистана [Электронный ресурс] / К. Искандаров. – Режим доступа: www.afghanistan.ru (дата обращения: 02 марта 2023 г.)

[181]. Искандаров, К. Ҳоло толибон дуо мекунанд, то амрикоиҳо ба Афғонистон баргарданд [Манобеи электронӣ] / К. Искандаров. – Низоми дастрасӣ: www.millat.tj (санай мурочиат: 17.12.2021).

[182]. Караев, С. Что обещал Верховный представитель Европейского Союза Таджикистану? [Электронный ресурс] / С. Караев. – Режим доступа: [https:// asiaplustj.info](https://asiaplustj.info) (дата обращения: 24 ноября 2021 г.).

[183]. Князев, А. Афганская политика стран Центральной Азии: ретроспектива и современные парадигмы [Электронный ресурс] / А. Князев. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/afganskaya-politika-stran-tsentralnoy-azii-retrospektiva-i-sovremennye-paradigmy/> (дата публикации: 9.11.2022).

[184]. Королёв, Е. Многоэтничный «Талибан» севера Афганистана [Электронный ресурс] / Е. Королёв. – Режим доступа: [http://www.dialog.tj/news/ многоetnicheskii-taliban-severa-afghanistana](http://www.dialog.tj/news/mногоetnicheskii-taliban-severa-afghanistana). (дата публикации и обращения: 09.04.2017 г.).

[185]. Махдӣ, М. Зарурати бознависи таърихи Афғонистон [Манобеи электронӣ] / М. Махдӣ. – Низоми дастрасӣ: www.ariapress.org (Санаи рӯчӯ: 21 феввали соли 2023).

[186]. Мендекович, Н.А. Постсоветские союзники талибов [Электронный ресурс] / Н.А. Мендекович. – Режим доступа: www.afghanistan.ru (дата обращения: 16.02.2013 г.).

[187]. Митрофаненкова, О. Источники финансирования движения Талибан (2001-2021 гг.) [Электронный ресурс] / О. Митрофаненкова. – Режим доступа: www.afghanistan.ru (дата обращения: 13 февраля 2023 г.).

[188]. Многоэтничный талибан север Афганистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog.tj/news/mnog-oetnicheskii-taliban-sever-afghanistana> (дата публикации и обращения: 09.04.2017 г.).

[189]. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gki.tj/nsr2030_ru.pdf

[190]. Нессар, О. Современный Афганистан: факторы нестабильности [Электронный ресурс] / О. Нессар. – Режим доступа: <https://afghanistan.ru/doc/149625.html>. Дата обращения - 10.02.2023.

[191]. Панчшерӣ, Ҳ. Хостгоҳи машрутият дар Афғонистон [Манобеи электронӣ] / Ҳ. Панчшерӣ. – Низоми дастрасӣ: <https://8am.media/the-fall-of-the-republic-according-to-the-narrative-of-the-immigrant-soldiers/> (санаи дастрасӣ: 13.02.2023).

[192]. Письмо афганского поэта талибам: никакая власть не может господствовать над недовольным народом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.independentpersian.com/node/317861/> (дата публикации: 1 апреля 2023 г.).

[193]. Послание Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 26.12.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.tj/ru/node/19089>

[194]. Раҳин, Р. Ҳукумати худкомаи Нодирхон ва қатли омми тоҷикон. [Манобеи электронӣ] / Р. Раҳин. – Низоми дастрасӣ: <http://www.khovaron.com> 2013 (Санаи ручӯ: 11.01.2013).

[195]. Речь Президента Республики Таджикистан на Девятой министерской конференции «Сердце Азии - Стамбульский процесс» 30.03.2021 12:08, г.Душанбе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tj/ru/node/25387>

[196]. Саидзода, Ҷ. Афғонистон ва Хуросон – ду кишвари мустақил [Манобеи электронӣ] / Ҷ. Саидзода. – Низоми дастрасӣ: www.ravshanfikr.tj (санаи ручӯ: 12.11.2021).

[197]. Соқиб, А. Аксарияти сиёсии Нур ва аққалияти ифротии Ғанӣ [Манобеи электронӣ] / А. Соқиб. – Низоми дастрасӣ: www.razoqmamoon.com (санаи ручӯ: 21.09.2018).

[198]. Таърихи Афғонистон дар як нигоҳ [Манобеи электронӣ]. – Низоми дастрасӣ: <https://herat.mfa.ir/portal/generalcategoryservices/12570> (санаи дастрасӣ: 15.01.2023).

[199]. Участие в очередном заседании Совета глав государств-членов ШОС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.tj.ru/main/view/12896>. (дата обращения: 04 июля 2023 г.).

[200]. Ҳазратӣ, Ш. Аз суқут то муқовимат; ҷанги ривоятҳои қудрати сиёсӣ дар Афғонистон [Манобеи электронӣ] / Ш. Ҳазратӣ. – Низоми дастрасӣ: <https://ariapress.org/سى-قدرت-هاى-روايت-جنگ-مقاومت-تا-سقوط-از/> (санаи дастрасӣ: 20.03.2023)

[201]. Первые семь грузовиков с помощью ООН направились из Таджикистана в афганский Бадахшан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://Interfax.az/view/851554>. (дата публикации: 29 октября 2021 г.)

[202]. Ятимов, С.С. Идеологические аспекты формирования национальной внешней политики в условиях глобализации (проблемы теории) [Электронный ресурс] / С.С. Ятимов. – Режим доступа: <https://narodnaya.tj.index.php.article> (дата обращения: 04 марта 2021 г.).

Статьи и публикации средств массовой информации

[203]. Григорьев, С. Наши дипломаты находятся на «линии фронта» гибридной войны [Текст] / С. Григорьев // Интернационалист. – 2023. – №3-4. – 5 мая. – С.4.

[204]. Давыдов, А. Афганистан. Талибы стремятся к власти [Текст] / А. Давыдов // Азия и Африка сегодня. – 1997. – №7. – С.44.

[205]. Додихудоев, Х.А. Теоретический анализ проблемы экстремизма [Текст] / Х.А. Додихудоев // Международные отношения и безопасность. – Душанбе, 2022. – №1. – С.216.

[206]. Евсеев, В.В. Концепция «Большой Ближний Восток» под углом национальной безопасности [Текст] / В.В. Евсеев // Национальная безопасность. – 2013. – №4. – С.620.

[207]. Захватов, А. Афганистан строит грандиозный канал на трансграничной реке Амударья [Текст] / А. Захватов // Азия-плюс. – 2023. – №07. – 23 февраля.

[208]. Зухурӣ, Н. Худшиноси миллӣ ва насри муосир [Матн] / Н. Зухурӣ // Адабиёт ва санъат. – 2023. – №6. – 9 феврал.

[209]. Искандаров, К. Сохтмони мархилаи аввали канали Қуштеппа ба охир расид: ба Афғонистон баргардонидани қисмате аз маҷрои Омударё чӣ пайомад дорад? [Матн] / К. Искандаров // ИмрӯзNews. – 2023. – №149. – 11 октябр.

[210]. Искандаров, К. Таджики Афганистана в процессе этнического и политического соперничества страны [Текст] / К. Искандаров // Вестник ТНУ. – 2017. – №3. – С.13.

[211]. Искандаров, К. Таджикско-афганские отношения и перспективы их развития [Текст] / К. Искандаров // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – №1. – С.145.

[212]. Искандаров, Қ. Ба қудрат расидани «Толибон» ва сарнавишти тоҷикони Афғонистон [Матн] / Қ. Искандаров // Чумхурият. – 2023. – №79. – 17 апрел.

[213]. Искандаров, Қ. «Робин Худ»-и тоҷик дар Афғонистон чигуна ба подшоҳӣ расид [Матн] / Қ. Искандаров // Минбари халқ. – 2023. – 21 июн.

[214]. Искандаров, Қ. Тоҷикони Афғонистон дар раванди рақобатҳои қавмию сиёсии кишвар [Матн] / Қ. Искандаров // Паёми ДМТ. – 2017. – №3. – С.13.

[215]. Камол, Ҳ. Зикри шаҳрҳои маъруфи Мовароуннаҳру Хуросон дар «Сафарнома»-и Ибни Баттута (асри XIV) [Матн] / Ҳ. Камол // Муаррих. – 2020. – №1. – С.24.

[216]. Карпачева, О.В. История движения «Талибан» в системе международных отношений [Текст] / О.В. Карпачева // Вестник РУДН. сер. Международные отношения. – М., 2003. – №1.

[217]. Кудасов, Л. Шикори шери Панчшер (аз дафтари хотираҳои Л.Кудасов) [Матн] / Л. Кудасов // Дунё. – 2023. – №9. – 2 март. – С.11.

[218]. Қодиров, Д.С. Пажӯҳиши авзои сиёсӣ ва идоракунии давлатии Афғонистон дар охири асри XIX ва ибтидои асри XX дар осори Ҳақназар Назаров [Матн] / Д.С. Қодиров // Идоракунии давлатӣ. – Душанбе, 2018. – №4.

[219]. Милославский, Г.М. Ваххабизм в идеологии и политике мусульманских стран [Текст] / Г.М. Милославский // Ислам и политика. – М., 2001. – С.76-85.

[220]. Мирзоев, Н.М. Афғонистон дар меҳвари сиёсати хориҷии Тоҷикистон [Матн] / Н.М. Мирзоев // Осиё ва Аврупо. – Душанбе, 2022. – №3. – С.63-73.

[221]. Москва отвернулась от талибов [Текст] // Азия-плюс. – 2023. – №07. – 23 февраля. – С.7.

[222]. Мужда, В. Афганистан и пять лет господства талибан. – Kобул, 2014. – С.111. [Mojda V. Afgoniston va panj soli sultai Tolibon. – Kобул, 2014. – С.111.] (на языке дари).

[223]. Навбаҳор, А. Тоҷикони Афғонистон \ Таджики Афганистана [Матн] / А. Навбаҳор // Тоҷик, тоҷдор, тоҷвар: маҷмуа. – Душанбе: Адиб, 1990. – С.111-112.

[224]. Назаров, У.К. Х. Калакони - основатель традиции таджикского государства в историческом Хорасане [Текст] / У.К. Назаров, // Ҷумҳурият. – 2023. – №111. – 26 май; Наука и общество. – 2023. – №2.

[225]. Ниёзи, Ё.Б. Интеграция стран Центральной Азии: проблемы и перспективы [Текст] / Ё.Б. Ниёзи, Н.М. Мирзоев // Стратегические ориентиры политики государств Центральной Евразии в условиях глобализации и регионализации: сборник научных статей. – Душанбе: РТСУ, 2019. – С.51-60.

[226]. Раҳмон, Х. Отголоски судьбы таджиков Афганистана [Текст] / Х. Раҳмон // Минбари халқ. – 2023. – 6 апрел. – С.2.

[227]. Рахмон, Ҳ. Соярӯшанҳои сарнавишти тоҷикони Афғонистон [Матн] / Ҳ. Рахмон // Минбари халқ. – 2023. – №13. – 5 апрел.

[228]. Рейснер, И.М. К вопросу о складывании афганской нации [Текст] / И.М. Рейснер // Вопросы истории. – 1949. – №49. – С.66-85.

[229]. Рейснер, И.М. Реакционные идеи в современной историографии Афганистана [Текст] / И.М. Рейснер // Вестник АН СССР. – М.-Л., 1948. – №5. – С.108-110.

[230]. Ризоён, Ш.Ш. Афганистан становится раем для террористов [Текст] / Ш.Ш. Ризоён // Азия-плюс. – 2022. – 21 декабря.

[231]. Ризоён, Ш.Ш. Итоги Гератского диалога по безопасности в Душанбе [Текст] / Ш.Ш. Ризоён // Сетевое издание «Central Asia Cronos» (Казахстан). – 2022. – 12 декабря.

[232]. Ризоён, Ш.Ш. Талибы под «шумок» превращают в подходящую для террористов страну [Текст] / Ш.Ш. Ризоён // Азия-плюс. – 2022. – 13 декабря.

[233]. Рыбин, А. Занҳои афғон ва ҳароси толибон аз онҳо [Матн] / А. Рыбин // Дунё. – 2023. – №14. – 6 апрел.

[234]. Саидов, Х.С. Стратегические внешнеполитические ориентиры правительства национального единства (ПНЕ) Афганистана: цели, подходы, векторы [Текст] / Х.С. Саидов // Стратегические ориентиры политики государств Центральной Евразии в условиях глобализации и регионализации: сборник научных статей. – Душанбе: РТСУ, 2019. – С.195-206.

[235]. Саидов, Х.С. М.Эльфинстон и некоторые проблемы истории таджиков Афганистана [Текст] / Х.С. Саидов // Исторический формат. – 2015. – №2.

[236]. Сайри таърихии мазҳаби ҳанафӣ [Матн] // Лочвард. – 2017. – №16. – июн-июл.

[237]. Самарқанд. Вазъи Афғонистон баррасӣ шуд [Матн] // Ҷумҳурият. – 2023. – №79. – 17 апрел. – С.3.

[238]. Сафранчук, И.А. Рецензия на книгу К.Б. Харпвикена и Ш. Таджбахша «Меж огней. Афганистан – арена региональной небезопасности» [Текст] / И.А. Сафранчук // Вестник международных отношений. – 2017. – Т.12. – № 4. – С.226-231.

[239]. Серенко, А. Генерали панҷшерӣ Х.Амирӣ: «Толибон мардуми Афғонистонро гаравгон гирифтаанд» [Матн] / А. Серенко // Дунё. – 2023. – №09 (985). – 2 март. – С.7.

[240]. Темурзода, Қ. Гулбонги Соя [Матн] / Қ. Темурзода // Минбари халқ. – 2023. – №2 (1399). – 11 январ. – С.7.

[241]. Тешебаева, А.А. Культурное развитие народов Центральной Евразии: ислам и советские принципы светского государства [Текст] / А.А. Тешебаев // Стратегические ориентиры политики государств Центральной Евразии в условиях глобализации и регионализации: сборник научных статей. – Душанбе: РТСУ, 2019. – С.265-270.

[242]. Фукуяма, Ф. Конец истории [Текст] / Ф. Фукуяма // США. Политика. Экономика. Идеология. – 1990. – №5.

[243]. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон // Социологические исследования. – 1994. – №1. – С.33-48.

[244]. Ҳошимӣ, С.С. Алмоси кӯҳи нур, Афғонистон гузаргоҳ ва сахнаҳои бузурги таърихи он [Матн] / С.С. Ҳошимӣ // Кобулшаҳр. – 2007. – №40. – ноябр.

[245]. Ҷовид, А. Сухане чанд аз тоҷикҳо [Матн] / А. Ҷовид // Тоҷик, тоҷдор, тоҷвар: маҷмуа. – Душанбе: Адиб, 1990. – С.104.

[246]. «Ҷумҳурият» бо Кароматулло Олимов аз шеър то фалсафаву сиёсат [Матн] // Ҷумҳурият. – 2023. – №39. – 20 феврал. – С.1, 2.

[247]. Ятимов, С.С. Кто умён, тот и силён [Текст] / С.С. Ятимов // Ҷумҳурият. – 2023. – №19. – 18 январ. – С.1-2.

Научная литература на английском языке

[248]. Abbas, H. The return of the Taliban: Afghanistan after the American's left [Text] / H. Abbas // Yell University Press. – 2023. – 320 p.

- [249]. Akhunzada, A.H. The lost Tajiks of Pakistan [Text] A. Akhunzada. [www.thefridaytimes.com \the- lost-tajiks of pakistan](http://www.thefridaytimes.com/the-lost-tajiks-of-pakistan). -2017. – 04 August.
- [250]. Ewans, M. Afghanistan, a new history. Routledge Curzon [Text] / M. Ewans. – London-NY, 2002.
- [251]. Morsden, P. Tolibon. Jang, mazhab va nizomi jadid dar Afgoniston [Text] / P. Morsden. – Tehron, 2015.-P.227.
- [252]. Rashid, A. Taliban: Islam, oil and the new Great game in Central Asia [Text] / A. Rashid. – London: I. B. Tauris&Co Ltd, 2003. – P.274.
- [253]. Starr, S. The Key to success in Afghanistan [Text] / S. Starr, C. Frederick, A. Kuchins // A modern Silk Road Strategy. Silk Road Paper. – 2010. – 10 May.
- [254]. Zarate, J.C. Treasury's war. The unleashing of a New Era of Financial Warfare [Text] / J.C. Zarate. – New York, 2013. - P.488.
- [255]. Gall, S. Afghan Napoleon the life of Ahmad Shah Massoud [Text] / S. Gall. – London, 2023. – P.372 .
- [256]. Yatimov, S. Water and regional security [Text] / S.S. Yatimov. – Dushanbe, 2010. – P.256.
- [256]. The Friday times. – Покистон, 2017. – №4. – 3 август.

**Основные положения диссертации опубликованы в следующих
публикациях автора:**

Статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, аккредитованных в Высшей аттестационной комиссии при Президенте Республики Таджикистан:

[1-А] Назаров, У.К. О вызовах и парадигмах талибовского Афганистана, угрожающих странам Центральной Азии [Текст] / У.К. Назаров // Вестник Таджикского государственного национального университета. – 2023. – №1. – С.72-85. (ISSN 2074-1847)

[2-А] Назаров, У.К. Противостояние светского и радикального мировоззрения в Афганистане [Текст] / У.К. Назаров // Известия Национальной Академии наук Таджикистана, отделение общественных наук. – 2023. – №2. – С.52-60.

[3-А] Назаров, У.К. Хурофот ва таассуб ҳамчун омили боздорандаи инкишофи ҷомеаи Афғонистон [Матн] / У.К. Назаров // Вестник педагогического университета. – 2022. – №6 (101). – С.312-318. ISSN 2219-5408.

[4-А] Назаров, У.К. Идеологическая безопасность как инструмент политической стабильности Республики Таджикистан [Текст] / У.К. Назаров // Вестник ЦСИ при Президенте РТ «Таджикистан и современный мир». – 2023. – №4 (84). – С.87-94.

[5-А] Искандаров, К., Назаров, У.К. К вопросу об интеграции Центральной Азии во втором десятилетии XXI века: геополитические векторы и механизмы сотрудничества [Текст] / К. Искандаров, У.К. Назаров // [Журнал НАНТ «Азия и Европа». – 2024. – №1 \(17\). – С.15-25. ISSN 2790-7198.](#)

[6-А] Назаров, У.К. Баъзе назарҳо дар бораи Абӯмуслими Хуросонӣ [Матн] / У.К. Назаров // Вестник педагогического университета. – 2023. – №5 (106). – С.255-259. ISSN 2219-5408

[7-А] Искандаров, К., Назаров, У.К. О методологии исследования интеграционных процессов в Центральной Азии в третьей декаде XXI века [Текст] / К. Искандаров, У.К. Назаров // Журнал РУДН им. П.Лумумбы «Постсоветские исследования». – 2024. – №1 (7). – С.40-50. ISBN 2618-7426.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

[8-А] Назаров, У.К. Олами дунявӣ, хофизаи таърихӣ ва фалсафаи вучудии миллати тоҷик [Матн] / У.К. Назаров // Илм в амният. – 2023. – №1. – С.68-74.

[9-А] Назаров, У.К. Что происходит в Афганистане? (О течениях таджикского просвещения в историческом Хорасане) [Текст] / У.К. Назаров // Илм в амният. – 2023. – №2. – С.8-15.

[10-А] Назаров, У.К. «Ҳабибуллои Калаконӣ – эҳғари анъанаи давлатдорӣ тоҷикон дар Хуросони таърихӣ» [Матн] / У.К. Назаров // Илм ва ҷомеа. – 2023. – №3 (33). – С.76-91.

[11-А] Назаров, У.К. Ормонҳои арзишӣ ва ғановатмандӣҳои академикӣ дар мақолаи «Эҳёи миллат – бақои миллат» [Матн] / У.К. Назаров // Илм ва ҷомеа. – 2023. – №4 (34). – С.57-69.

[12-А] Назаров, У.К. Тоҷикистон сипари боэътимоди амнияти минтақа [Матн] / У.К. Назаров // Маҷмуаи маводи Конфронси ҷумҳуриявии илмӣ-амалии «Мониторинги вазъи амнияти минтақавӣ дар Осиёи Марказӣ: ҳолат ва дурнамо». Маркази тадқиқоти стратегии назди Президенти ҶТ. 18.09.2023.

[13-А] Назаров, У.К. Таҷрибаи миллии муқовимат бо таҳдиду хатарҳои анъанавӣ ва ғайрианъанавии муосир [Матн] / У.К. Назаров // Маҷмуаи Конфронси ҷумҳуриявии илмӣ-амалии «Мавқеи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар муқовимат бо экстремизми динӣ ва терроризми байналмилалӣ». АМИТ, 06.10.2023.

[14-А] Назаров, У.К. Таҳдиду хатарҳои воқеӣ ба манфиатҳои миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон. [Матн] / У.К. Назаров // Маҷмуаи маводи Конфронси ҷумҳуриявии илмӣ-амалии «Манфиатҳои миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар

марҳалаи нави рушди давлатдории миллӣ». Маркази тадқиқоти стратегии
нази Президенти ҚТ. 10.11.2023.

Диверсификация

источников финансирования движения «Талибан»

в период 1991-2021гг. на севере Афганистана¹

Доход от оборота наркотиков (как от посева, так и до реализации конечного продукта), оружия, военной амуниции.

Доход от сбыта полезных ископаемых, в частности нефти, газа, каменного угля, пищевой соли, золото, лазурита, изумруда в уездах Рогистан, Юмган, Курону Мунджан Бадахшанской провинции, в Сари Пуле, Тахоре и Баглане.

Дивиденды от транспортных компаний, осуществляющих внутренние и международные перевозки.

Получения преференций от мобильных компаний «Рушан», «Афганбесим», «Иттисолот», в особенности для доступа в конкретный регион и установки антенн.

15% доля от дорожно-строительных фирм, строящих коммуникации в подконтрольных ДТ территориях. В частности, строительная компания, руководимый пуштунами, строящая 152 км дороги Бахарак - Ишкашим на сумму 60 млн. долларов США, 3 млн. долларов платила дань талибам взамен на охрану строящегося участка.

Разрешение на ведение деятельности МНПО (международных неправительственных организаций) на подконтрольных территориях.

Земельный налог «ушр» с урожая и «закат» от зажиточных жителей провинций.

Доля от посещения священных мест, в частности данная практика использовалась в районе Юмгон, где похоронен классик таджикской литературы Носир Хосрав.

Репарации военного имущества при захвате определенной территории.

Различные денежные поступления из зарубежных фондов стран Ближнего Востока, преимущественно из Объединённых Арабских Эмиратов, Саудовской Аравии и Пакистана. Причём, в городе Дубае сложилась «пятая колонна» предпринимателей пуштунского и иранского (суннитов) происхождения, которые занимались пожертвованием движения «Талибан».

¹ Назаров У.К. Полевые исследования в период командировки в Афганистане с 2003 по 2008 гг. и 2016 по 2019 гг., включающие работу с экспертами, дипломатами, политиками, сотрудниками ООН, представителями СМИ, интеллигенции и духовенством.

Карта расселения прародины пуштун – север Пакистана [31, с.198]

Карта из личного архива А.Беги, отражающая наступление талибан на позиции ИГА в сентябре-ноябре 1994 года [100, с. 113].

